

С. А. ТОЛСТАЯ

8.91
V7-52

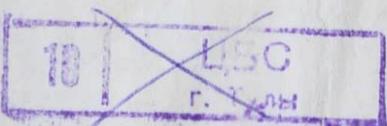
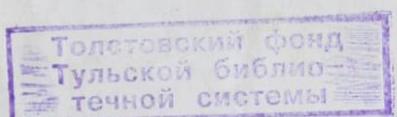
V
**ПИСЬМА
к
Л. Н. ТОЛСТОМУ**

1862—1910

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

А. И. ТОЛСТОЙ И П. С. ПОПОВА

СТАТЬЯ П. С. ПОПОВА

А С А Д Е М И А

1936

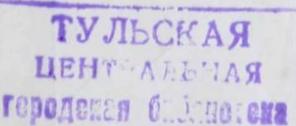
Централизованная
гос. б-ка открыта
система г. Тулы

*Супер-обложка и переплет по рисункам
А. А. Толоконникова*

РУССКИЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА
И МАТЕРИАЛЫ

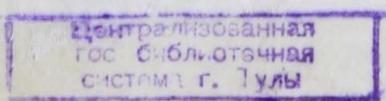
С. А. ТОЛСТАЯ

1844—1919

А С А Д Е М И А

Москва — Ленинград

С. А. ТОЛСТАЯ И ЕЕ ПИСЬМА

Софья Андреевна Толстая (р. 22 августа 1844 г., ум. 4 ноября 1919 г. в Ясной Поляне) — дочь врача Московской дворцовой конторы Андрея Евстафьевича Берса (1808—1868) и Любови Александровны рожд. Ислениной (1826—1886); первые восемнадцать лет своей жизни провела в кремлевской квартире родителей, выезжая с ними по летам на дачу в Покровское-Стрешнево. Семья ее деда Александра Михайловича Исленьева, помешанка Тульской губ., была издавна в добрососедских отношениях с отцом Л. Н. Толстого Николаем Ильичем. Получив домашнее образование в 1861 г. Софья Андреевна сдала экзамен на звание домашней учительницы при Московском университете, причем выделилась русским сочинением, поданным проф. Тихонравову, на тему «Музыка». В августе 1862 г. она с семьей ездила к деду в его имение «Ивицы», Тульской губ., и по дороге гостила у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. 16 сентября того же года Толстой сделал Софье Андреевне предложение; через неделю, 23 числа, состоялась их свадьба, после которой С. А. Толстая на девятнадцать лет сделалаась жительницей деревни, изредка выезжая в Москву. С 1863 по 1889 г. Толстая родила тринадцать человек детей, из которых пять умерли в малолетстве, остальные дожили до зрелого возраста, из них пять здравствуют поныне. Вовлеченная в хозяйство с первых лет замужества, С. А. Толстая с начала восьмидесятых годов берет все хозяйство на себя, включая и издательские дела (согласно доверенности, выданной Толстым на ее имя 21 мая 1883 г.). Усердная переписчица рукописей мужа и помощница в его писательских делах, она с 1885 г. взяла в свои руки издание произведений Толстого, выпустив восемь серий собраний его сочинений и ряд изданий отдельных его произведений. Ее издания не отличаются тщательностью редакторской работы, их значение в том, что энергичное распространение и большие тиражи этих изданий содействовали тому, что творчество Толстого стало популярным и доступным для широких слоев русского населения. Что касается последнего двадцатитомного издания сочинений Толстого, выпущенного Софьей Андреевной в 1911 г., то это издание выделяется попыткой восстановления ряда произведений Толстого по рукописям с соответствующей выверкой текста («Детство», «Набег», «Крайцерова магия»); помимо этого преимущества данное издание, из всех до настоящих, является одним из наиболее полных.

Только благодаря личным хлопотам С. А. Толстой удавалось включать в собрание сочинений Толстого такие произведения, которые не увидели света в России при тогдашней цензуре.

В продолжение всей своей семидесятилетней жизни Софья Андреевна ни разу не была за границей. Она проживала либо в Ясной Поляне, либо — с 1880-х гг. — в Москве, в связи с необходимостью дать образование своим детям. В 1870-х гг. она в течение ряда лет ездила с семьей на кумыс в Самарскую губ.; неоднократны были ее поездки в Петербург по цензурным и литературным делам. Ездила она также к сестре в Киев и в Крым (в 1886 и 1901—1902 гг.). Ср. также стр. 59 настоящего издания. Хорошо зная иностранные языки, она сделала ряд переводов. На французский язык ею совместно с братьями Тастевэн переведен трактат Толстого «О жизни», вышедший в Париже, в издательстве Марпон и Фламмарион (*«De la vie — seule traduction revue et corrigée par l'auteur»*). По просьбе Льва Николаевича она перевела с немецкого «Учение 12 апостолов» и с английского о secte бехаистов (*«Персидские мудрецы: Баб и Бага-Улла»* — *«Календарь для каждого»* 1911 г.).

С. А. Толстая приняла живое участие в деле помощи голодающим во время голода 1891—1892 гг. По собственной инициативе она написала призыв к пожертвованиям в пользу пострадавших, который в виде письма в редакцию «Русских ведомостей» был напечатан в № 303 газеты за 1891 г. Письмо встретило широкий отклик, в результате которого хамовнический дом С. А. Толстой сделался средоточием притока пожертвований как деньгами, так и продовольствием, мануфактурой, ценностями и т. п. С. А. Толстая помещала в печати отчеты о пожертвованиях — в «Неделе» (1891 г., № 47 и 50; 1892 г., № 30) и в «Русских ведомостях» (1892 г., № 48 и 109).

Известен ряд ее общественных и литературных выступлений. После опубликования отлучения Толстого от церкви в 1901 г. Толстая написала открытое письмо митрополиту Антонию, которое в сопровождении ответа последнего Софье Андреевне было напечатано в № 7 «Церковных ведомостей» за 1901 г. В 1903 г. Толстая опубликовала письма против творчества Леонида Андреева (*«Новое время»* 1903 г., № 9673); в 1909 г. (12 марта) она заявила протест в газетах против высылки В. Г. Черткова за пределы Тульской губ. В 1914 г. она опубликовала письмо о допросе в Ясной Поляне секретаря Толстого В. Ф. Булгакова (*«Новое время»* 1914 г., номер от 31 октября). С. А. Толстая неоднократно выступала в печати с разъяснениями и опровержениями ложных слухов касательно Толстого и неверных сведений из его биографии. Так в «Неделе» 1892 г., № 13 напечатано было «Оправдание гр. С. А. Толстой слухов об аресте гр. Л. Н. Толстого»; в «Русских ведомостях» 1902 г., № 342 сообщение о состоянии здоровья Толстого; в «Жизни для всех» 1913 г., № 7 исправление сведений об Агафье Михайловне и пяне Льва Николаевича в связи с неверными данными в воспоминаниях А. Моши.

С особою заботливостью относилась С. А. Толстая к рукописям Льва Николаевича; с целью обеспечить их полную сохранность она поместила

их 1 сентября 1887 г. и вторично 12—13 мая 1894 г. (8 ящиков) в отделение рукописей Румянцевского музея. 12 января 1904 г. соответствующие девять ящиков (с переданным первоначально) с автографами были перевезены ею в Исторический музей, где и хранились до конца жизни Толстого. После смерти Толстого, ввиду возникшего спора между Софьей Андреевной и ее дочерью Александрой Львовной, наследницей согласно завещания Л. Н. Толстого, доступ к рукописям был прекращен. Лишь сенатским указом от 18 декабря 1914 г. Софье Андреевне было разрешено получить сданные рукописи, после чего 28 и 29 января 1915 г. Толстая вновь их передала на хранение в Румянцевский музей (ныне Публичная библиотека СССР имени Ленина), где и организовала в результате своего обращения от 26 января и соответствующего ответного письма от директора Румянцевского музея (от 27 января 1915 г.) особый зал, названный «Кабинетом Л. Н. Толстого». Этот кабинет функционирует поныне, являясь средоточием наиболее ценных творческих манускриптов Льва Николаевича. Первое суммарное описание всех рукописей было сделано лично Софьей Андреевной.

Один из циклов собственных писаний С. А. Толстой имеет непосредственным предметом жизнь и творчество Льва Николаевича, являясь весьма ценным материалом в толстоговедении. Сюда относится первый появившийся в печати биографический очерк Толстого (им самим проредактированный) в издании М. М. Стасюлевича «Русская библиотека», IX, «Граф Лев Николаевич Толстой», Спб. 1879. Особое значение представляют записи С. А. Толстой в отдельной тетради «для справок», куда Софья Андреевна занесла данные о работах Толстого над историческими темами (роман времен Петра и «Декабристы»), о «словах, сказанных Л. Н. Толстым во время писания», о создании «Анны Карениной», а также о ссоре и примирении Толстого с Тургеневым (вошло в первую часть кн. «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891 гг.» под ред. С. Л. Толстого, изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1908). После смерти Льва Николаевича Софьей Андреевной был напечатан ряд очерков мемуарного характера: «Женитьба Л. Н. Толстого» («Русское слово» 1912 г., № 219), «Воспоминания» («Власть тьмы») («Толстовский ежегодник» 1912 г.), «Четыре посещения гр. Л. Толстым монастыря Оптина пустынь» («Толстовский ежегодник» 1913 г.) и «Первое представление комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» («Солнце России» № 145 за 1912 г.). С. А. Толстая издала письма к ней Льва Николаевича «Письма Толстого к жене», М. 1913 (второе издание — М. 1915). Из автобиографических писаний опубликована ее краткая автобиография, написанная по просьбе проф. С. А. Венгерова, в журнале «Начала» 1921 г., № 1 (публикация сделана В. С. Спиридовым) и три книги ее дневников за годы 1860, 1862—1909 (в издании Сабашниковых и кооп. изд. «Север»: «Дневники С. А. Толстой», 1928, 1929 и 1932 гг.). Описание ухода Толстого в освящении Софьи Андреевны мы находим в ее обширном письме от 4 декабря 1910 г. на имя Кони, впервые опубликованном Парлем Саломоном в «Figaro» 1923 г., номер от 11 февраля, под заглавием «Les derniers jours de Tolstoi». Отдельный очерк посвятила С. А. Толстая

Тургеневу («Орловский вестник» 1903 г., № 224; перепечатан в книге Н. Л. Бродского «И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах», изд. Думнова, М. 1924); к Тургеневу семья Берсов имела особое отношение помимо Толстого; молодым врачом А. Е. Берс, отец С. А. Толстой, был в связи с Варварой Петровной Тургеневой, матерью писателя; единоутробной сестрой И. С. Тургенева была сестра (по отцу) Софья Андреевны — Варвара Николаевна Богданович-Лутовинова, по мужу Житова; отдельные черты ее изображены Тургеневым в рассказе «Ася».

Из беллетристических писаний С. А. Толстой особое значение имела написанная ею в шестнадцатилетнем возрасте повесть «Наташа», впоследствии ею уничтоженная. О ее содержании мы знаем по воспоминаниям ее сестры Т. А. Кузминской («Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», часть I, глава XVI — «Повесть Сони»). Персонажи этой повести (Наташа, Зинаида, мать, Смирнов) соответствуют действующим лицам «Войны и мира» (Наташа, Вера, Ростова-мать, Друбецкой); повесть Софьи Андреевны, которую с интересом читал Толстой в 1862 г., явилась источником того слоя в развертывании романа «Война и мир», который соответствует одному из ранних планов романа Толстого «Все хорошо, что хорошо кончается» и который наиболее рельефно представлен в описании семьи Ростовых. Поразительно, что Наташа повести Софьи Андреевны, имеющая прототипом ее сестру Татьяну Андреевну, перелилась на страницы романа Толстого с данным именем и с своим прототипом — Татьяной Андреевной, прослеживая судьбу которой в дальнейших шагах ее жизни, Толстой создал самый узел своего романа (так он сам указывал в письме к Бартеневу от 1 ноября 1867 г.).

Из беллетристических произведений С. А. Толстой напечатаны: «Бабушкин клад. Предание» («Детское чтение» 1895 г., № 12), девять стихотворений в прозе, озаглавленных «Строны» под псевдонимом «Устальная» («Журнал для всех» 1904 г., № 3), и сборник детских рассказов «Куколки-скелетцы» (с 8 рисунками в красках, исполненными по плану автора художником А. Моравовым, М., 1910). (Один из рассказов этого сборника «Спасенный такс» был первоначально опубликован в журнале «Для малюток» 1895 г.).

Что касается писаний С. А. Толстой, до сих пор не изданных, то из них прежде всего следует упомянуть ее обширную автобиографию, озаглавленную «Моя жизнь». Это семитомное произведение, хранящееся в рукописи и машинописи в Ясной Поляне и имеющееся в машинописном виде в Кабинете Толстого при Публичной библиотеке СССР имени Ленина, отличается рядом крупных достоинств и недостатков. Приступила С. А. Толстая к летописи семьи Толстых, и прежде всего к своей собственной и к летописи Льва Николаевича, с достаточным количеством данных и задумала свой труд основательно; в ее комнате в Ясной Поляне хранятся помимо черновиков окончательного текста предварительные конспекты, в которых она погодно и помесечно, в виде вех для своего рассказа, вписала все данные и документы, на которых могло строиться

повествование; в основании этой наметки лежат многочисленные выписки из дневников и писем Льва Николаевича, ее собственных писем и дневников, выписки из писем других лиц к Толстым, из ее записных книжек и прочих многочисленных документов, доныне хранящихся в ее комнате в Ясной Поляне. Все эти отправные точки для биографии она стремилась разместить в хронологической последовательности; согласно данной схеме она и строила свою автобиографию. Таким образом ее труд оказался вполне обеспеченным фактическим материалом. Но приступила С. А. Толстая к написанию своей автобиографии в годы постепенного обострения своей нараставшей болезни, приведшей ее в 1910 г. к мучительной истерии со всеми тяжелыми особенностями этой формы душевного заболевания. Нараставшая мнительность и субъективная окрашенность всех переживаний Софьи Андреевны невыгодно отразились на ее труде, переполненном упреками по адресу Льва Николаевича. Слой мелочей самооправданий и подчас неприятных самовосхвалений в тоне непрерывной апологетики в отношении самой себя образует тот наносный пласт в писаниях С. А. Толстой который надо предварительно снять, чтобы вскрыть ценный остов рассказа; тогда в этом остове, при объективном его восприятии, обнаруживаются моменты, рисующие в подлинном виде жизненную роль Софьи Андреевны, обремененной столькими трудностями и невзгодами, несмотря на внешнюю славу и блеск, которыми была окружена жизнь Толстого и всей его семьи. Приступив к написанию автобиографии 24 февраля 1904 г., С. А. Толстая работала до ноября 1912 г. и довела свое жизнеописание до 1897 г. После этого наступил трехлетний перерыв. Толстая вновь приступила к работе 26 декабря 1915 г. и к весне 1916 г. она довела свою автобиографию до 1901 г. включительно. От дальнейшего писания она сознательно отказалась, не располагая текстами дневников Толстого последнего десятилетия и считая наилучшие материалы слишком скучными для продолжения своего труда. Таким образом мы имеем цикл с 1844 по 1901 г.

Кроме этой обширной автобиографии С. А. Толстой в ее рукописном наследии находятся две завершенных повести: «По поводу «Крейцеровой сонаты» и «Песня без слов» (черновики и машинопись находятся в Ясной Поляне; машинописный экземпляр хранится в Кабинете Толстого при Губличной библиотеке СССР имени Ленина). Оба рассказа имеют автобиографическую основу. Первый написан в виде протеста против основной идеи «Крейцеровой сонаты». В черновике Толстая несколько раз меняла заглавие: «Давно убит», «Как она убита», «Виновата ли она», с подзаголовком: «Посвящается герою Крейцеровой сонаты»; окончательное заглавие: «По поводу Крейцеровой сонаты». В повести рисуется идеальная девушка Анна, чистая и невинная по всему строю своей натуры и жизни. В нее влюбляется князь, 35-летний, уже поживший человек: «князь был красив, изящен, богат и образован. Он имел страсть к философии и воображал себя глубоким мыслителем. Эта была его слабость. Но многим казалось, что он действительно очень глубок и умен, и только образованные люди видели, что в сущности философия его жалка

и смешна». Князь пленен Анной и женится на ней. Но скоро он убеждается, что «из всего, что рисовало ему его испорченное воображение, когда он думал о медовом месяце с 18-летней, хорошенькой женой, не вышло ничего, кроме скуки, разочарования и мучительного состояния молодой жены». Князь увлекается хозяйством; у Анны рождаются дети. Тяжелым ударом для Анны было убедиться в том, что у князя до женитьбы была любовница — румяная крестьянка Арина с наглыми карими глазами и белыми маленькими зубами. Тем не менее жизнь супругов идет своим чередом при непрерывном недоверии и взаимной ревности. Проходит 10 лет. Случайно в отсутствие князя к нему приезжает его друг, не видавший князя 12 лет. Анна его принимает. Болезненный, художественно-настроенный и мягкий Бехметев привлекает Анну, и он сам становится к ней неравнодушным. Князь начинает ревновать свою жену к собственному другу. Случайная внешняя близость Анны и доктора, совместно ставшихся помочь расковынявшемуся ребенку, выводит князя из равновесия; отъезд Анны на вечер к Бехметеву в тот же день еще больше подливает масла в огонь. Умирающий Бехметев покидает родину и прощается со всеми близкими; компания едет на пикник; Бехметев просит Анну сесть в свой экипаж и объезжает окрестности, ведя с ней тихую и дружескую беседу. Князь узнает об этой поездке. Взвешенный, он при возвращении Анны домой бросает в нее пресспаль и ударом в висок смертельно ранит ее. Перед смертью Анна сообщает о полной своей невинности, но прощает обезумевшего ревнивца.

Помимо автобиографичности фигуры самой Анны в повесть вплетено много конкретных подробностей жизни Толстой. Старое знакомство князя с семьей Веленьевых и матерью Анны в повести соответствует старинной дружбе Толстого с Исленьевыми; Дмитрий Иванович, студент, влюбляющийся и отвергнутый Анной — нигилист, студент Василий Иванович Богданов, дававший уроки молоденькой Софье Андреевне. Арина — несомненно Аксинья, яспополянская крестьянка, с которой Толстой был в связи до своей женитьбы. Бехметев — это кн. Л. Д. Урусов, платонически влюбленный в Софью Андреевну. В «Моей жизни» она описала поездку в экипаже с Урусовым незадолго до его смерти, — эпизод этот воспроизведен в конце повести.

Другая ненапечатанная повесть С. А. Толстой писана в 1895—1898 гг. Повесть эта «Песня без слов» отражает увлечение С. А. Толстой музыкой и композитором С. И. Танеевым после смерти любимого сына Ванечки. — Героиня романа Александра Алексеевна переживает тяжелое моральное потрясение в связи со смертью матери. Описывается ее поездка в Крым к умирающей матери (С. А. здесь воспроизводит собственную поездку в Ялту к умирающей Любови Александровне в 1886 г.). Александра Алексеевна ищет уединения; она переезжает с мужем на дачу; по соседству лишь одна маленькая желтая дачка. В ней поселяется музыкант-пианист. Первая вещь, исполненная им на даче, — «Песня без слов» Мендельсона, услышанная Александрой Алексеевной, вливает новые силы в ее измученное сердце. Она возрождается к жизни; музыка исцеляет

ее. Музыкант, Иван Ильич, знакомится со всем семейством Александры Алексеевны. Музыка продолжает пленять ее, Иван Ильич, как творец, как пианист, тоже гармонирует с ее чувством. Но душа ищет большего, ищет блажости с Иваном Ильичом, как человеком. Однако это встречает препятствие в натуре Ивана Ильича, который, правда, сам начинает относиться неравнодушно к Александре Алексеевне, но, вместе с тем, замыкается в себе и, как человек, не дает того размаха, какой в нем чувствуется как в музыканте. Александре Алексеевне тяжело переживает свое неразделенное чувство. Не находя душевной отрады, она заболевает первою болезнью и добровольно сама едет в клинику, сознав свою болезнь и беспомощность. — Обе повести не только не носят никаких следов участия или содействия со стороны самого Толстого (в творчестве сестры С. А. Толстой, Кузминской, и сына Ильи, Лев Николаевич был усердным помощником), но вряд ли предлагались ему на просмотр в виду того, что они направлены именно против него. Тема их и сюжет искренно продуманы и прочувствованы, поэтому изображаемые коллизии и психологическая ситуация вызывают интерес и внимание читателя, а развертывающиеся события даны, как удачно пригнанные звенья цепи, в общем хорошо сложенной. Повестям однако сильно вредит приподнятость тона, излишняя чувствительность и многословие в описаниях чувств, причем чрезмерная сентиментальность дурно отзывается на стиле повестей, написанных в общем хорошим слогом — в смысле наличия досадных и подчас безвкусных отступлений и характеристик.

Предлагаемые вниманию читателей 443 письма С. А. Толстой к Льву Николаевичу представляют выборку из всего ее эпистолярного наследия. Всех писем Толстой к мужу около шестисот шестидесяти. До сих пор они оставались неопубликованными. Между тем письма С. А. Толстой в целом представляют многообразный интерес. Они включают гораздо большее количество фактического и объективного материала, нежели появившиеся в печати дневники, где преобладают субъективные переживания и оценки, часто болезненного характера. Литературный интерес эпистолярного наследия С. А. Толстой, отражающего писательство Льва Николаевича, получил преобладающее место в ее письмах в связи с четырьмя обстоятельствами: 1) С. А. Толстая была самой усердной переписчицей произведений своего мужа. Когда они расставались, то Толстой обычно давал ей материал для переписки, она же сообщала о ходе своей работы и о том, что с ее точки зрения представляет наибольший интерес в подготовлявшихся произведениях. 2) Долгое время Софья Андреевна вела литературные дела Толстого, вела сношения с издательствами, типографиями, что и отразилось в переписке. 3) Толстой сам никогда не обращался в цензуру. Все хлопоты в этом отношении брали на себя Софья Андреевна; о ходе цензурных дел и их завершении она подробно писала Толстому. 4) Когда Толстой почувствовал отвращение к городской жизни и замкнулся в Ясной Поляне, С. А. Толстая жила в Москве, имея обширный круг знакомства. В своих письмах она сообщала мужу о всякого рода литературных и политических новостях. Она же

пропагандировала произведения Л. Н. Толстого путем предварительного чтения вновь написанных произведений в кругу знакомых литераторов и ученых; всячего рода отзывы, как изустные, так и печатные, она передавала в своих письмах Л. И-чу. Все это делает из писем С. А. Толстой своеобразную литературную энциклопедию, отражающую общественные и литературные отклики на творчество Толстого.

Но интерес переписки лежит в иной плоскости, гораздо более существенной, если исходить из жизни и творчества Толстого во всем своеобразии его специфических черт. Еще покойный Венгеров, предпринимая (несостоявшееся) полное собрание сочинений Толстого в издательстве Брокгауза и Ефона, привлекал к этому делу С. А. Толстую, стремясь извлечь из ее материалов данные для определения писательского быта Толстого. Венгеров был прав, обращаясь к С. А. Толстой и ее письмам: они прямо дают ответ на поставленный вопрос. И наконец — до сих пор повторяются отзывы толстовцев, что С. А. Толстая была камнем на шее Толстого, что трагедия ухода Толстого тесно связана с «нестерпимым» характером его жены. Опубликованные дневники С. А. Толстой, писавшиеся в моменты припадков меланхолии Софьи Андреевны, как будто подтверждают данную концепцию; во всяком случае — если ими неосторожно пользоваться. Но дневники — документ односторонний, далеко не все в них можно брать за чистую монету: ведь это плод одиноких, часто болезненных раздумий. Письма Софьи Андреевны к мужу в этом отношении — гораздо более объективный источник для характеристики их взаимоотношений. Письма действительно характеризуют, чем жили совместно муж с женой.

С. А. Толстая сама издала письма к ней Льва Николаевича. Ни одного своего встречного письма Софья Андреевна в этом издании не поместила (за исключением нескольких строк на стр. 199 и 217 — по второму изданию). Издание вышло односторонним, — не слышится голоса самой Софьи Андреевны, вследствие этого многие реплики и фразы писем Толстого остаются неясными, непонятными. Об этом рецензенты писали так в свое время: «Правда (тайна отношений Толстого к жене) вскрыта только с одной стороны: в сборнике нет писем графини Толстой к мужу. Тех самых писем, которые Толстой называет «маленьками свиданиями»; тех писем, по которым Толстой, «как по термометру», следил «за нравственной температурой семьи», — поднялась или упала... Для опубликования их, вероятно, «еще не настало время» (Кент, «Книга великой любви» — «Русское слово» 1913 г., номер от 8 сент.). Как сама Софья Андреевна расценивала свои письма к Льву Николаевичу, можно видеть из двух ее писем к дочери Татьяне Львовне 1914 г. В первом письме, от 16 января, С. А. Толстая писала: «Занимаюсь я всё тем же, — переписываю теперь свои письма к мужу; печатать не буду, но если что из них понадобится для печати и для биографии папа, то будет для этой цели готовый экземпляр. Печатать целиком их никогда не надо: неинтересные для публики подробности семейные, детские; но есть кое-что и интересное». В другом письме, от 6 февраля, она писала: «Я рада, что затеяла переписывать

свои письма к папа точко всё опять переживаю, хотя много было тяжелого с болезнями и смертями детей, с переменчивостью взглядов и настроений папа; но и счастья было много от нашей несомненно большой взаимной любви» (письма не опубликованы; хранятся в Толстовском музее).

В каких же чертах рисуется нам взаимоотношение С. А. Толстой с мужем по предлагаемой переписке? Уже первые письма свидетельствуют о том, как Толстая переломила себя, входя в связь с своим замужеством в новое положение хозяйки-помещицы и матери. Она была вырвана из другой среды и окружения. Семейство ее родителей — семья врача-интеллигента, жившего в скучных материальных условиях. Об обстановке, в которой была воспитана Толстая, хорошо свидетельствуют следующие слова Льва Николаевича: «Семейство Берсов жило, как живет самая обыкновенная чиновничья семья, как не стала бы жить теперь. Вся квартира состояла из одного какого-то коридора, дверь с лестницы вела прямо в столовую, кабинет самого владыки был — негде повернуться, барышни спали на каких-то пыльных, просиженных диванах... Теперь это было бы немыслимо. Немыслимо, чтобы к доктору больные ходили по животрепещущей лестнице, чтобы в комнате висела люстра, о которую мог задеть головой даже среднего роста человек, так что больной, если не провалится на лестнице, то непременно расшибет себе голову о люстру — все это теперь считается невозможным, а это-то и есть роскошь» (записано со слов Толстого в дневнике педагога Ивакина под 11 августа 1885 г.; не напечатано, хранится в Литмузее). Софья Андреевна вышла замуж, когда ей только что минуло 18 лет; не имея опыта, она должна была привыкать к новым условиям жизни. Первые письма показывают, каким трудом сопровождался уход за первенцом; самый ребенок был очень слабый и болезненный. Вскоре после его рождения у Толстой открылась грудница, она не могла кормить сама. Лев Николаевич протестовал против приглашения кормилицы. Отцу Толстой с трудом удалось доказать, что в этом нет ничего противоестественного и дурного. Однако этот эпизод послужил первым поводом для размолвки. Естественно при таком положении вещей, что материнские заботы выступают на первый план в начале переписки. Тем не менее роль жены-матери с первых лет давалась Софье Андреевне сравнительно легко. Как свидетельствует ее сестра, Софья Андреевна, еще будучи девушкой, мечтала о детях. Гораздо трулнее было С. А. Толстой наладить деятельность хозяйки, между тем это было необходимо в первую очередь, — в 1860-х гг. Толстой со всеми страстью, свойственной его натуре, отдавался заботам о процветании хозяйства своей любимой Ясной Поляны. Софья Андреевна подчинилась требованиям мужа и тренировала себя, вырабатывая навыки хозяйки имения. Письма конца 1864 г. свидетельствуют, как Софье Андреевне приходилось вникать во все детали хозяйства. Она писала Льву Николаевичу 5 декабря 1864 г.: «А кто такая была Соничка Берс в Кремле, уж осталось одно только предание, а ее уж и помину нет. Мне хочется теперь дойти до идеала моего хорошей хозяйки. Главное

деятельной и способной на все, не говоря уже о заботах о детях, которые явились сами собой, без всяких усилий».

Письма первых двух десятилетий показывают, что жизнь супругов вначале протекала в общем миролюбиво и в большой сердечной близости. Жарким чувством наполнено каждое из писем С. А. Толстой. «А я то тебя как люблю! Голубчик милый», отвечает Толстой на такие послания жены (*«Письма жене»*, стр. 13). «Всеми любовями» перекликаются они в переписке. Толстая задыхается от счастья, получив записку от мужа с дороги. Она пересчитывает его письма по двадцать раз, а он в свою очередь хочет утаить от других письмо жены, чтобы не осквернить сокровища, — «они не поймут, и не поняли» (*ПЖ*, стр. 21).

О том, как ценила Толстая общение со своим мужем, свидетельствуют следующие строки из письма от 13 июня 1871 г.: «во всем этом шуме, без тебя все равно, как без души. Ты один умеешь на все и во все вложить поэзию, прелесть, и возвести все на какую то высоту. Это впрочем, я так чувствую; для меня все мертвое без тебя. Я только без тебя то люблю, что ты любишь, и часто сбываюсь, сама ли я что люблю или только мне нравится что-нибудь оттого, что ты это любишь». Но не только Толстой был нужен жене: и она оказывала ему существенную моральную поддержку; в ответ на его пессимистическое письмо она так подбадривающе писала 9 декабря 1864 г.: «Лёва милый, как мне грустно про роман твой. Что это ты со всех сторон оплошал. Везде тебе грустно и не ладится. И зачем ты унываешь, зачем падаешь духом... Нет, Лёвочка, напрасно. Вот как приедешь к нам... и пойдем мы с тобой на порошку и будем нянчить своих деток, и ты мне начнешь опять с веселым лицом рассказывать свои планы писанья, у тебя пройдет вся ипохондрия твоя». Но на раду с этим подбадривающим тоном и лаской любовной поддержки с самого начала переписки пробивается и другая струя, это — мгновенность Толстой. Она прорывается и в чрезмерных опасениях по поводу состояния здоровья детей, и в боязни всяких мнимых злоключений во время отлучек мужа, и в придавании значения разным житейским пустякам, а иногда и приметам. Это было свойственно натуре Толстой, такова она была по природному предрасположению, заложенному в силу наследственности. Неуравновешенностью страдали и ее родители — это подмечал Лев Николаевич в своих ответных письмах к жене (ср. стр. 17, 20); он писал: «Андрей Евстафьевич постоянно жалуется на свою болезнь, хандрит, он мнителен» (стр. 22); «Любовь Александровна ужасно похожа на тебя. Даже нехорошие черты у вас одинаковые. Я слушаю иногда, как она с уверенностью начинает говорить то, чего не знает и утверждать положительно и преувеличивать — и узнаю тебя» (стр. 37). Сестра Толстой засвидетельствовала о Софье Андреевне: «Она имела очень живой характер с легким оттенком сентиментальности, которая легко переходила в грусть. Соня никогда не отдавалась полному веселью или счастью, чем баловала ее юная жизнь в первые годы замужества. Она как будто не доверяла счастью, не умела его взять и всесело пользоваться им... Эта черта ее характера осталась на всю жизнь. Отец знал

в ней эту черту характера и говорил: «бедная Соничка никогда не будет счастлива» («Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», I, 43). Подмечала эту черту за собой и сама Софья Андреевна. 12 ноября 1883 г. она писала мужу: «так как я особенная мастерица грустить, то я опять до слез грустила о том, что прошло, чем бывало тяготилась и что теперь стало мило и дорого».

При таких неблагоприятных психо-физиологических предпосылках, определявших эмоциональную жизнь Толстой, особенно тяжело семье Толстых пришлось переживать то, что обусловливалось многогранностью гения Толстого. Толстой был натурой непрестанно ищущей. К 1880 г., как известно, преломился путь его духовного развития, — он готов был заклеймить и разрушить те семейные устои, которые за 15 лет до этого налаживал с такой энергией. В этот раз Толстая уже не пошла за ним. Она писала так 3 июля 1887 г.: «На столе у меня розы и резеда, сейчас мы будем обедать чудесный обед, погода мягкая, теплая, после грозы, — кругом дети милые — сейчас Андрюша старательно обивал свою стулья в детскую, потом придет ласковый и любимый Лёвочка — и вот моя жизнь, в которой я нахождаюсь сознательно и за которую благодарю бога. Во всем этом я нашла благо и счастье. И вот я переписываю статью Лёвочки «О жизни и смерти», и он указывает совсем на иное благо. Когда я была молода, очень молода, еще до замужества — я помню, что я стремилась всей душой к тому благу — самоотречения полнейшего и жизни для других, стремилась даже к аскетизму. Но судьба мне послала семью — я жила для нее и вдруг теперь я должна признаться, что это было что-то не то, что это не была жизнь. Додумаюсь ли я когда до этого?» («Дневники С. А. Толстой», I, 143—144). Если вообще матери трудно бросить то гнездо, которое свито долгой любовью и естественной нежностью к детям, то Софье Андреевне тут мешали еще особые обстоятельства; при своей мнительности она опасалась политических преследований в связи с смелыми выступлениями мужа. Но в своей идеологической борьбе против новых взг.цов Толстого Софья Андреевна далеко не всегда обнаруживала только непонимание или неуступчивость. Часто она тут же, не успев оторвать глаз от новых его писаний и по свежим следам его только что произнесенных слов и задуманных начинаний, метко определяла, в чем слабость его позиций. Ее письма являются живым памятником ее наблюдений над жизнью и деятельностью Льва Николаевича, наблюдений, отличавшихся постоянством точек зрения и определенностью оценок. Во вторую половину жизни Толстого Софья Андреевна иначе расценивала его творчество, нежели он сам, и упорно отстаивала свой взгляд на него как мирового писателя. Считая, что отвлеченная мысль не его дело, она писала так в марте 1882 г.: «Каким радостным чувством меня вдруг охватило, когда прочла, что ты хочешь писать опять в поэтическом роде. Ты почувствовал то, чего я давно жду и желаю. Вот в чем спасенье, радость; вот на чем мы с тобой опять соединимся, что утешит тебя и осветит нашу жизнь» (то же в письме от 29 октября 1884 г.). Толстая — горячая поклонница художественных писаний мужа.

Что же она ценила больше всего? Она пишет 11 марта 1885 г.: «Дома... получила корректуры «Детства»... Держание корректур полных сочинений, я чувствую, мне всю душу переворотит. Твои старые писания на меня действуют страшно, и я много еще слез пролью, поправляя корректуры».

Имея свой устойчивый взгляд на творчество мужа, она, не заискивая перед ним, не скрывала своего мнения, а это в окружении Толстого не осмеливался делать никто.

Другая область, в которой Толстая расходилась с мнением мужа — это вопрос о воспитании детей. На попечении Софьи Андреевны оказалось громадное семейство. Через ее руки прошло воспитание семерых сыновей (из них двое умерли детми). Вначале совместно с мужем было решено, что для того, чтобы дать образование детям, нужно жить в городе, затем Толстой стал говорить, что в городе жить бесполезно, даже вредно, что университетское образование ничего не дает, что лучше не иметь высшего образования вовсе, а жить в деревне и т. д. В его переписке с женой и детми, где дискутируются все эти вопросы, мы не находим конкретных решений или определенного руководства Толстого — принятой им точки зрения. С 1880 г. он не вмешивался в обсуждение и воспитание детей, лишь изредка метко и остроумно выслушивая слабые стороны различных систем образования, иногда мягко внушая и подчас резко бичуя. В сущности трудно было решить, как следовало бы приняться за дело с точки зрения новых взглядов Толстого. Все бремя воспитания детей и наблюдения за ходом их ученья пало на Софью Андреевну. Обычно оставалась с детми одна в городе, она чувствовала всю беспомощность своего положения и всю невозможность воспитательного воздействия на детей, отличавшихся большой порывистостью и недисциплинированностью, при которых мужская рука была совершенно необходима.

В письмах Толстой из Москвы всех почти годов последних двух десятилетий прошлого века слышится тревога по поводу негнезда мужа в город и боязнь, что ей не справиться с детми. Когда положение становилось безвыходным, то ее письма наполнялись упреками и жалобами на то, что она одна не в силах совладать. Печатаемая переписка Толстой с мужем ясно показывает, что сама Толстая в сущности очень тяготилась оборотной стороной городской жизни. Она жаловалась так 3 февраля 1882 г.: «В каком неудержимом водовороте я живу эти дни... Костенька [для Толстой] тут поселился совсем и, боже мой! как он тянет душу своими светскими наставлениями» (см. также письмо от 20 октября 1885 г.). В письме от 31 января 1884 г. читаем: «И балы эти оставили в моей голове такую пустоту, так я устала, что весь день как шальная сегодня...» «я стараюсь скрыть, что мне смерть все эти пенья и гости, чтоб детей не огорчить. Может быть им весело, и то слава богу. Вот мне было бы одно хорошо: это сесть за свой перевод и уйти всей лушой в эту работу, или хоть почитать — и на то времени нет» (письмо от 10 марта 1885 г.).

Происходя из интеллигентной городской среды, Толстая тяготела к культуре города. Она открыто заявила Толстому в письме от 9 декабря 1884 г.: «Да мы на разных дорогах с детства: ты любишь деревню, народ, любишь крестьянских детей, любишь всю эту первобытную жизнь, из которой, женясь на мне, ты вышел. Я — городская, и как бы я ни рассуждала и ни стремилась любить деревню и народ, — любить это всем своим существом не могу и не буду никогда; я не понимаю и не пойму никогда деревенского народа». Толстую влекла городская жизнь с точки зрения той пользы, которую она могла принести семье и другим, тех удовольствий, которых она была лишена в деревне, и той работы, которую она всегда готова была выполнять, — работы как домашней, так интеллектуальной и общественной.

Она была практиком. Эта практичность и неутомимость ее деятельности сквозят через строчки всех ее писем к мужу. Под этим углом зрения для нее была приемлема и деревенская жизнь. Когда Толстой написал ей письмо о том, что нужно вести хозяйство в имении так, чтобы одновременно помогать всему окружающему населению — она ответила: «По какой-то странной, верно, случайности, но все, что ты пишешь мне, то не только возражать, но я сама точь в точь то же думала; т. е. в имени, где живешь хотя половину года, не добросовестно не заниматься самому, именно по отношению к народу; выгоду можно извлекать ту же, а по-моему большую и все то, что пропадает, что крадут, что бесхозяйственно тратится, все это с умом можно раздавать, помогать, делить с народом» (письмо от 25 октября 1884 г.). Толстая органически не могла переносить бездеятельности. Она считала, что, взявшись за дело, нельзя на полдороге его бросать. В жизни она не строила воздушных замков, не идеализировала действительности и старалась воспринимать всех людей в том их конкретном обличье, которое не маскирует людских недостатков. Она пишет 14 апреля 1887 г.: «Ты опять скажешь, что я все сержуся; а я не сержуся, но у меня к несчастью моему грубо здравый смысл и взгляд на людей, и я не могу не видеть, как ты, то, что есть. У тебя в голове и воображении типы, а не люди. И ты людей, дополняя недостатки, и отбрасывая неподходящее — всех подводишь под эти типы, одухотворяя и идеализируя их. А в жизни это совсем не так, а я людей сужу и вижу в жизни». Она всегда была готова помочь людям, когда видела реальную нужду, и считала, что вопрос этот очень простой, материальный, и что следует помогать не словами, не правоучениями, а делом. Бессердечие, отсутствие отзывчивости ее органически возмущали, и то, что ее задевало за живое — всегда побуждало к деятельности. В годину голода, перед тем как принять реальное участие в практическом оказании помощи голодающим, она писала Льву Николаевичу: «Дунаев и Наташа рассказывали о голодающих, и опять мне все сердце перевернуло, и хочется забыть и закрыть на это глаза, а невозможно; и помочь нельзя, слишком много надо. А как в Москве ничего этого не видно! Все то же, та же роскошь, те же рысаки и магазины, и все всё покупают, и устраивают,

как и я, пошло и чисто свои уголки, откуда будем смотреть в ту даль, где мрут с голода. Кабы не дети, ушла бы я нынешний год на службу голоду, и сколько бы не прокормила, и чем бы не добыла, чем так смотреть, мучаться и из мочь ничего сделать» (письмо от 9 сентября 1891 г.).

Практицизм С. А. Толстой не мешал ей, однако, самой отдаваться умственным интересам. Если она и протестовала против «идей» или «принципов», то прежде всего тех, которые В. Джэксон называл «тугими» — односторонних, исключающих все остальное, требовательных и ищущих покорности себе. Она писала в дневнике 27 декабря 1890 г.: «Я вдруг почувствовала возможность, помимо подавляющей проповеди Лёвочки, воспрянуть духом и создать свой собственный духовный мир». Это она писала по поводу Рода, которого она в то время с увлечением читала. В настоящих письмах читатель найдет отзвуки чтения Толстой философов: Сенеки, Амиеля, Вл. Соловьева, Ницше; она переводит книгу о Франциске Ассизском; с интересом она слушает чтение профессора Грота по философии и подробно излагает в письме к Толстому содержание этой лекции. Все области искусств вызывали в ней интерес; она хорошо знала многих писателей и поэтов. В ряде ее писем идет речь о картинных выставках и отдельных полотнах; она живо интересуется музыкой и театром. Она сама рисует, играет на рояле, занимается фотографией, любит цветники, посадки деревьев, тонко ценит природу, наслаждается ею и находит в ней успокоение.

Но Софье Андреевне не суждено было дожить до конца жизни Толстого в роли более или менее устойчивой и достойной жены великого писателя. Она израсходовала себя, и сил ее нехватило. Организм не выдержал. У С. А. Толстой было 15 беременностей. Последние беременности явно были не под силу и тяготили ее. В год кормления последнего любимого ребенка Толстой уже нехватало здоровья выполнять свои материнские обязанности.

Очень тяжело она переживала свои недомогания в связи с критическим возрастом; ей приходилось обращаться в Москве к врачам в отсутствие Льва Николаевича, жившего в деревне. Посещения врача-гинеколога, профессора Снегирева, были ей очень трудны в моральном отношении. Еще в 1884 г. Толстой намекал ей о том, как бы ей избавиться от будущих беременностей; она отвечала 29 октября: «Лёвочка, я не решаюсь делать доктору тех вопросов, о которых ты намекаешь. Я и так вся была бледная, как он выразился сам, и вся дрожала от стыда и боли. Он тоже ничего об этом не говорил. Если хочешь, я спрошу его в следующий раз».

Софья Андреевна находилась в полном одиночестве и тяжелом моральном положении в отношении своей болезни, связанной с критическим возрастом. Единственным близким человеком, с которым она делилась всеми своими заветными думами и сомнениями, кроме мужа, была ее сестра Т. А. Кузминская, но с 1893 г. та перестала жить в Ясной Поляне по летам, и прежняя связь с ней сестры постепенно порвалась. А в силу того, что Софья Андреевна была самым активным человеком в доме, все

всегда рассчитывали на нее, как на энергичную поддержку, и все окружающие с недостаточной чуткостью относились к ее собственному положению и даже не подозревали о ее страданиях и сомнениях. Последний удар был нанесен смертью любимого сына Ванички. Его смерть она перенесла тихо, с большим достоинством и моральной самоотверженностью но затем наступил срыв.

Современные физиологи хорошо знают, что происходит с резко ослабленной нервной системой. Начинают растормаживаться все условные рефлексы или вообще исчезают все ранее выработанные навыки — таково состояние организма при наличии «сверхсильных раздражителей». Неврозы человека сопровождаются головными болями, постоянными унылыми, подавленными, нерадостными состояниями и раздражительной слабостью, непорядками со стороны половой жизни, рядом навязчивых мыслей и навязчивых страхов. У истериков симптомы более сложные. Организм недостаточно выносливый погибает под воздействием этих сверхсильных раздражителей, выносливая по существу натура находит себе какую-нибудь «отдушину». Природа Толстой оказалась крепкой, выносливой. Сверхсильные раздражители не сломили ее организма, но подточили его.

В последние годы ее совместной жизни с мужем мы замечаем у нее и известное снижение в духовной сфере (тщеславие, мелочность), и чрезмерную раздражительность, и ряд навязчивых идей. Подробнее об этом читатель найдет в комментарии к письму № 430. О том, что характер Толстой сделался в конце жизни несдержаным и деспотичным — хорошо говорится в письме Льва Николаевича от 14 июля 1910 г.

Порождением болезненности Софьи Андреевны являются также ее писания последних лет. Дневники ей постоянно служили исходом в ее тяжелых приступах и приступах меланхолии, — отсюда их несдержанный, мрачный характер, постоянные нарекания на других, в особенности на Льва Николаевича, с проявлением большого тщеславия и навязчивым желанием самооправдания. Эти дневники С. А. Толстой, представляющие тяжелый материал для чтения, поставленные особняком без соответствующего анализа, дают уродливое и фальшивое представление о ее личности.

Плодом искривления в сторону выявления совершенно чуждых тенденций, говорящих о каком-то срыве, является ее старческое увлечение композитором Танеевым, о котором она неоднократно упоминает в своих письмах конца 1890-х гг. Чтобы залечить раны от утраты Ванички, Толстая стала отдаваться музыкальным впечатлениям, стала усиленно посещать концерты и начала вновь учиться фортепианной игре. В письмах последних пятнадцати лет мы находим многочисленные отзвуки ее музыкальных интересов, — сами по себе они дают любопытную картину жизни музыкальной Москвы. Но увлечение на этой почве музыкантом Танеевым, хотя подчас и приносило ей успокоение, на самом деле переживалось ею очень тяжело и ненормально. Она писала в своем днев-

нике под 18 июля 1897 г.: «Знаю я это именно болезненное чувство, когда от любви не освещается, а меркнет божий мир, когда это дурно, нельзя — а изменить нет сил». В другом месте читаем: «Как войду в свою комнату, опять охватывает меня какая-то злая таинственность моего внутреннего состояния, хочется плакать, хочется видеть того человека, который составляет теперь ту центральную точку моего безумия, постыдного, не своевременного, — но, да не поднимется ничья рука на меня, потому что я мучительно исстрадалась и боюсь за себя. А надо жить, надо беречь мужа, детей, надо не выдавать, не показывать своего безумия, и не видеть того, кого болезненно любишь» (дневниковая запись под 10 марта 1903 г.— III, стр. 218).

Навязчивый рой нареканий по адресу Льва Николаевича и самооправданий в отношении себя, заглушающий в дневниках Софью Андреевну подчас интересные и меткие ее определения слабых сторон деятельности Толстого — чувствуется также и в письмах Софии Андреевны к нему, правда в гораздо меньшей степени, но все это не колеблет представления о ее любви и привязанности к Толстому, которые сопровождали взаимоотношения Толстой с ее мужем при всех ее самых острых разногласиях с ним и при всей ее болезненной ненависти к некоторым сторонам личной его жизни и его друзей. 24 декабря 1885 г. Толстая писала: «Чертков в разладе с матерью — уйти хотел. Фейнерман с женой — бежать хочет. Ты от семьи — бежать хочешь. — А ведь если не это, как бы счастливы мы были; как в глубине души мы все-таки наверное любим друг друга. И верно и Чертков, и Фейнерман — любят своих. Вот чего не пойму я никогда: почему истина должна вносить зло и разлад? Разлад не с разбойниками, а с тихими, любящими людьми?»

Известно, что Толстой очень тяжело переживал свои разногласия с женой. В ряде его записей и дневников можно найти очень неприязненные и суровые отзывы о Софье Андреевне. Наиболее выразителен в этом отношении дневник Толстого за 1884 год. Но спохватившись, Лев Николаевич записал 21 октября 1894 г. следующее: «Дня три тому назад перечитывал свои дневники 84 года, и противно было на себя за свою недоброту и жестокость отзывов о Соне и Сереже. Пусть они знают, что я отрекаюсь от всего того недоброго, что я писал о них».

18 октября того же года Толстой написал Черткову письмо, в котором читаем: «Сейчас попал мне в руки мой дневник 1884 года....., и чтение это возбудило во мне очень тяжелое чувство стыда, раскаяния и страха за то горе, которое может произвести чтение этих дневников теми людьми, о которых во многих местах так дурно, жестоко говорится. Неприятно уже, — больше чем неприятно, больно то, что дневники эти читали кроме вас люди, — хоть тот, кто переписывал, — больно, потому что все, что там писалось, писано под впечатлением минуты и часто ужасно жестоко и несправедливо, и кроме того говорится о таких интимных отношениях, о которых гадко и скверно было с моей сто-

роны записывать, и еще, гаже допустить, чтобы кто-нибудь кроме меня читал их» (не опубликовано).

О прочности эмоциональной связи между Толстым и Софьей Андреевной лучше всего свидетельствуют следующие его два отзыва. Приводив свою жену в 1891 г., он писал ей через день (8 мая) в Москву: «Ты уезжала, мне показалось, грустная и нездоровая: седые волосы твои трогательно трепались по ветру» (ПЖ, стр. 353). А при других проводах Софью Андреевну Лев Николаевич написал 25 октября 1895 г.: «Сейчас уехала Соня с Сашей. Она сидела уже в коляске, и мне стало страшно жалко ее; не то, что она уезжает, а жалко ее, ее душу. И сейчас жалко так, что насили удерживаю слезы. Мне жалко то, что ей тяжело, грустно, одиноко. У ней я один, за которого она держится, и в глубине души она боится, что я не люблю ее, не люблю ее, как могу любить всей душой и что причина этого — наша разница взглядов на жизнь. И она думает, что я не люблю ее за то, что она не пришла ко мне. Не думай этого. Еще больше люблю тебя, всю понимаю и знаю, что не могла, не могла притти ко мне и оттого осталась одинока. Но ты не одинока. Я с тобой, я такою, какая ты есть, люблю тебя и люблю до конца так, как больше любить нельзя» (запись не опубликована).

Этим проникновенным и в высшей степени любовным отношением Толстого к жене долгие годы поддерживалась связь между Львом Николаевичем и Софьей Андреевной, несмотря на разность убеждений. Софья Андреевна подчас колебалась, падала духом, но она не могла не чувствовать этого любовного отношения со стороны мужа. Когда же она перестала владеть собой, когда ее навязчивые идеи и напряженное первое состояние взяли верх и она, отдавшись болезни, начала превращать жизнь в муку себе и другим и, прежде всего, Льву Николаевичу, Софья Андреевна еще более мучительно почувствовала, что своим истерическим состоянием она губит все, — но она не вольна была в себе. Вопрос о завещании, в силу желания Льва Николаевича сделать свои писания достоянием всех и не отдавать их в собственность отдельных лиц — начиная с той же С. А. Толстой — еще больше волновал ее, и она совсем вышла из своей колеи. Положение Толстого стало невыносимым. И он ушел из дома, не желая больше жить под одним кровом с Софьей Андреевной (об этом подробнее в примечаниях к письмам 1910 г.). Хотя Толстой давно лелеял мечту об уходе из условий той социальной жизни, которая его не удовлетворяла по существу, все же ближайшим поводом была она, Софья Андреевна — этого она не могла не чувствовать и не сознавать. Мучительная мысль, что она сама, своими руками разрушила то единение, которым она дорожила, как главным достоянием своей жизни, подкосила окончательно Софью Андреевну и обусловила как попытку самоубийства, так и другие эксцессы с ее стороны.

Известно, что Толстой умер вскоре после ухода, не повидавшись и не примирившись с женой. Но тут С. А. Толстая поборола себя.

Страсти понемногу успокоились. Софья Андреевна дряхлела, но мир постепенно возвращался в ее душу, и она скончалась в 1919 г. успокоенная, кроткая, помирившись со всеми и восстановив добрые отношения с младшей дочерью Александрой, с которой у нее было пережито много неприязненного в эпоху, связанную со смертью Льва Николаевича,— А. Л. Толстая горячо поддерживала отца, сочувствовала его уходу и составлению завещания в его духе.¹

Павел Попов

¹ Наилучше разработанной биографией Толстого с параллельной характеристикой этапов жизни С. А. Толстой является немецкая книга Тихона Полнера (*«Leo Tolstoi und seine Frau. Die Geschichte einer Liebe»* — «Лев Толстой и его жена. История одной любви».— Берлин 1928, стр. 362.) См. также статью Д. А. Горбова «Софья Андреевна и Л. Н. Толстой» (*«Октябрь»* 1935, № 6). Ценной стороной русской книги, посвященной жизни и взаимоотношениям Льва Николаевича с С. А. Толстой (В. Жданов, «Любовь в жизни Толстого», две части, 1928), является богатство привлеченного материала, приведенного в выдержках и цитатах.

ОТ РЕДАКЦИИ

С. А. Толстая сама привела в порядок свое эпистолярное наследие, приготовив две копии своих писем к мужу: одна (частью рукой переписчика, частью собственноручно) ныне хранится в Ясной Поляне; другая — вся изготовлена рукой Толстой и отличается большей хронологической точностью в смысле последовательности расположения материала. Переписывая собственные письма, Толстая относилась довольно свободно к тексту, выправляя и стилизую его. В настоящем издании все тексты выверены по подлинникам, и письма даются в их первоначальном виде. Перед переписыванием своих писем Толстая в самых подлинниках делала вставки и вносила пояснения. В задачу редакции входило изъять из этого слоя изменений, — поскольку это было возможно, — исходя из качества чернил и характера вставок, писанных более поздним пером.

Примечания Толстой частично использованы в комментариях настоящего издания, причем цитирование их оговаривается словами: «помета Толстой» и т. п.

На большинстве подлинников имеются даты. В случае отсутствия или неполноты их, недостающая часть или полная дата проставляется редактором, причем редакторская дата печатается в отличие от собственноручной в квадратных скобках: [].

В качестве основного текста печатаются лишь письма С. А. Толстой. Большинство писем Л. Н. Толстого к жене, опубликованных ею же (неполностью) в 1913 г., печатались по копиям с неудовлетворительной редактурой и произвольными датами. Особенностью настоящего издания является то, что, не давая публикации встречных писем к жене Толстого в целом, редакция в отрывках включила их в комментарий: иначе голос С. А. Толстой звучал бы одиноко и письма ее не показывали бы, какой отклик они находили в Льве Николаевиче. Таким образом, в целях большей компактности, настоящее издание дает лишь выдержки из писем Толстого в соответствии с письмами его корреспондентки, этим способом заменяя публикацию всей переписки Л. Н. и С. А. Толстых (типа Briefwechsel).

Все цитируемые отрывки писем Толстого впервые публикуются по оригиналам, хранящимся в Библиотеке СССР им. Ленина в Москве. Письма Толстого заново передатированы. В ссылках даются указания

на страницы второго издания писем 1915 г., причем оговариваются все расхождения датировки.

Письма С. А. Толстой публикуются впервые. Лишь одно письмо Толстой к мужу было опубликовано целиком (№ 319). Биографы Толстого и Толстой, однако, неоднократно пользовались письмами Софии Андреевны в своих работах, цитируя отдельные фразы и отрывки. Сюда относятся: второй том биографии Л. Н. Толстого, составленный П. И. Бирюковым, М. 1908; два тома книги В. Жданова «Любовь в жизни Толстого», М. 1928; аннотации Г. А. Волкова к третьему тому дневников С. А. Толстой, М. 1932, и две собственных работы Софии Андреевны — ее автобиография («Начала», I, 1921) и очерк «Воспоминания» («Власть тьмы») (ТЕ 1912 г.). (Сокращенные обозначения: БИР, ЖД, ДСТ, АВТ и ТЕ). В этих изданиях приводятся как незначительные цитаты из писем Толстой (иногда одно, три слова и т. д.), так и более или менее значительные куски (отрывки в полстраницу, в страницу). По номерации настоящего издания использованы следующие письма: №№ 2, 3, 5 (ЖД); 6 (ЖД и БИР); 9 (АВТ и БИР); 10 (ЖД); 11 (ЖД и БИР); 12 (АВТ); 15 (ЖД); 16 (ЖД и АВТ); 17 (ЖД); 19 (ЖД и АВТ); 21, 26, 27, 28, 31, 35, 37, 39, 41, 42, 43, 55 (ЖД); 59 (БИР); 68 (ЖД); 70 (ЖД и БИР); 81, 90 (ЖД); 93 (ЖД и БИР); 100 (ЖД); 104 (БИР); 105 и 106 (ЖД); 107 (БИР); 109 (ЖД); 111 (ЖД и БИР); 116, 117, 118, 121, 122, 134, 135 (ЖД); 145 (АВТ); 147, 150, 151, 157, 158, 164, 165, 166 (ЖД); 168 (АВТ); 180 (ТЕ); 190, 200, 203, 206, 218, 244, 245, 246, 247, 248, 277, 278, 280, 299 (ЖД); 319 (ДСТ; полностью); 322, 324 (ЖД и ТЕ); 326 328, 341, 343, 345, 347, 355 (ЖД); 363 (ЖД и ДСТ); 365 (ЖД и ДСТ); 369 (ЖД и ДСТ); 370 (ДСТ); 371 (ЖД); 372, 374, 379, 382, 383 (ДСТ); 384 (ЖД); 386, 387, 388, 389, 390 (ДСТ); 397 (ЖД); 400 (ДСТ).

Кроме того в зарубежном издании по копиям на немецком языке опубликованы два письма С. А. Толстой 1910 г. — № 438 (полностью) и 439 (полностью) (Alexandra Tolstoi, «Wanderer in Ketten», Berlin, Fursche-Verlag [1932], SS. 332, 348). Подлинники всех публикуемых писем хранятся в Кабинете Толстого при Публичной Библиотеке СССР имени Ленина в Москве. Исключение составляют: №№ 1, 368, 420, 421, 422, 424, 427 и 428 (автографы хранятся в Толстовском музее), №№ 20 и 438 (хранятся у А. И. Толстой); №№ 48, 177, 203, 432, 433, 440, 441 и 443 публикуются по копиям, сделанным рукой С. А. Толстой (письмо № 433 вписано ею в дневник 1910 г., хранится в Публичной Библиотеке СССР имени Ленина); № 439 публикуется по машинописной копии записок А. Л. Толстой, хранящихся в Толстовском музее; № 442 печатается по фотокопии.

Письма Толстой печатаются в настоящем издании не все. Опускаются письма, к которым применимы вышеприведенные слова С. А. Толстой: «печатать целиком их никогда не надо: неинтересные для публики подробности семейные, детские».

В настоящем издании для экономии места вводятся следующие сокращения:

АК — Архив Т. А. Кузминской (Государственный Толстовский музей, Москва).

АС — Архив Т. Л. Сухотиной (Государственный Толстовский музей, Москва).

АСТ — Архив С. А. Толстой (Государственный Толстовский музей, Москва).

АТ — Архив Л. Н. Толстого (Публичная Библиотека Союза СССР им. Ленина, Москва).

БИР — П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой». «Биография». М. 1908, первое издание, «Посредник» — том 2-й; Берлин 1921 — том 3-й.

ГТМ — Государственный Толстовский музей, Москва.

ДСТ — Дневники С. А. Толстой, М. 1928—1932, тт. 1, 2, 3.

КК — Книги архива Кочаковской церкви (метрические и исповедальные).

КМЖ — Т. А. Кузминская, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», изд. Сабашниковых, 1. 1845—1862, 1927 г.; 2. 1863—1864, 1927 г.; 3. 1864—1868, 1928 г.

ПЖ — «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», 1862—1910, М. 1915.

ПС — Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, СПБ. 1914, изд. «Толстовского музея».

ПТ — Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой, СПБ. 1911, изд. «Толстовского музея».

ПТС — «Письма Л. Н. Толстого», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», 1 — 1910; 2 — 1911.

ТЕ — «Толстовский ежегодник».

ТП — Толстой «Памятники жизни и творчества», № 1—4.

ТТ — «Толстой и о Толстом». Новые материалы. Сборники: 1 — М. 1924; 2 — М. 1926; 3 — М. 1927; 4 — М. 1928.

Я. П. — Ясная Поляна.

Письма Толстой печатаются по новой орфографии, но с сохранением грамматических и фонетических особенностей.

Обороты речи у С. А. Толстой не всегда правильны; мы встречаем у нее ряд галлицизмов: «упрекать тебе» — вместо тебя (срв. on lui reprocher); «берегись, чтобы не впасть в тиф» (tomber malade); «я была прощдана Фета»; «очень жду иметь известия от вас»; «я одиночеством не скучала». Кроме этих особенностей речи, которые мы оставляем в неприсклонности, в лексиконе С. А. Толстой встречаются простонародные выражения, обусловленные ее длительной жизнью в деревне («спотела»; «вострый»; «не попускайся»; «справляла корректуры»; «опрундыкался»). Часто синтаксис Толстой неправилен, приближаясь к разговорной речи; она ломает фразу, изменяя в процессе писания самую мысль, почему конец фразы подчас не соответствует началу. Все эти особенности ярко передают импульсивность письма С. А. Толстой. В связи с этим мы нигде не отступаем от текста писем, внося поправки лишь тогда, когда неправильность препятствует осмыслиению фразы. Поправки не оговариваются в тех случаях, когда соответствующие исправления были внесены

самой Толстой в процессе переписывания ею копий собственных писем к Л. Н. Толстому. Не оговариваются также явные описки.

В получении материала для комментария редакция многим обязана: Н. П. Чулкову, С. Л. Толстому, Н. Н. Гусеву и К. С. Шохор-Троцкому, а также С. С. Попову, Д. Д. Дьякову и И. Л. Поливанову. В выявлении сведений о крестьянах яснополянской деревни, служащих усадьбы и местных жителей значительно помогли картотеки, составленные научными сотрудниками музея-усадьбы «Ясная Поляна». С. Л. Толстым просмотрен комментарий всего тома.

1862 г.
Санкт-Петербург Альб.

Л. Н.
Толстой
фотография Елены Киселёвой

Л. Н. Толстой.
С фотографии 1862 г.
Гос. Толстовский музей в Москве.

**ПИСЬМА
к
Л. Н. ТОЛСТОМУ**

№ 1

[1862 г. Августа 28. Покровское Стрешнево]

Еслиб я была государыня, я прислала бы вам в день вашего рождения всемилостивейший рескрипт, а теперь, как простая смертная, просто поздравляю вас с тем, что вы в один прекрасный день увидели свет божий, и желаю вам долго еще, и если можно всегда, смотреть на него теми глазами, какими вы смотрите теперь.

Соня.

Первое и единственное письмо Софии Андреевны к Льву Николаевичу до замужества, имеющееся в нашем распоряжении. Текст Софии Андреевны — часть коллективного письма семьи Берсов к дню рождения Толстого за двадцать дней до того, как Толстой сделал предложение С. А. Берс — 16 сентября 1862 г. Кроме нее в письме писали ее отец, старшая сестра, брат, младшая сестра и мать: «В главе всех пишущих приношу Вам, любезный граф Лев Николаевич, мое задушевное поздравление с днем Вашего рождения и прошу Вас приехать к нам сегодня обедать и ночевать. В среду утром я собираюсь доставить вас в Москву, если вам угодно будет со мною ехать. Надеюсь, что добный Лев Николаевич не откажется всех нас утешить, — подавно в такой день, который многих утешил появлением и теперешним вашим пребыванием на белом свете. — Итак, надеюсь, что до свидания. Ваш искренно любящий Берс» [отец, А. Е. Берс]. «Лев Николаевич, поздравляю вас с днем вашего рождения, и так как 28-го числа с вами всегда замечательное случается, то желаю вам, чтобы вы нынче, проснувшись, вдруг почувствовали, что вы большой Е. Берс» [сестра]. «Александр сын Андрея по прозванию бысть Берс кланяется графу, батюшке Льву Николаевичу, и желает им много лет здравствовать. А. Берс» [брать Александр]. «M-elle Tatiana Behrs a l'honneur de féliciter monsieur le comte Léon Tolstoy à l'occasion de l'anniversaire de sa naissance, et de lui souhaiter tout le bonheur possible dans ce bas monde» [«Татьяна Берс имеет честь поздравить графа Льва Толстого по случаю годовщины дня его рождения и пожелать ему всевозможного счастья в этой земной жизни»]. «В старину Левочка и Любочка танцевали в этот день, теперь же на старости лет, не худо нам вместе попокойнее отобедать в Покровском в кругу моей семьи, вспомнить молодость и детство. Л. Берс» [мать]. В своем дневнике от 28 августа Толстой записал, что Берсы прислали ему «букеты писем и цветов». В то время женихом С. А. Берс считался Митрофан Андреевич Поливанов (1842—1913), товарищ старшего брата С. А. Берс по корпусу. О претендентах на ее руку до замужества Софья Андреевна пишет в своих неопубликованных мемуарах (книга I): «Веселиться и тан-

цовать мне пришлось в жизни очень мало[...]. Всякое так называемое ухаживание меня пугало и я никогда не поощряла их, тем более, как бы наивно это ни было, но раз мы с Поливановым решили, что мы поженимся в далеком будущем, когда он кончит академию и сделает карьеру, то я уже считала себя связанный. Странно, что лично мне никто никогда не делал предложения; вероятно всякого отпугивал мой наивный страх перед всякими ухаживаниями. Когда мне было 16 лет, молодой сын аптекаря придворного [Александр, Карл или Николай — сыновья Карла Петровича Зенгера (1800—1872)] сделал мне предложение через сестру. Я так рассердилась, какая-то глупая, аристократическая гордость поднялась во мне, и я ей только ответила: «да вы, кажется, сума сошли!»[...]. Весной того же года, мы раз сидели на балконе дома Шиловского на Тверской, у тетеньки Шиловской, и пили все чай. Понемногу все разошлись, и я осталась одна на террасе с Давыдовым, кажется, Василем Денисовичем, сыном партизана. Ему было уже за 40 лет, у него был, как мне говорили, удар, и я его иногда встречала у тётиньки. Он мало говорил, но упорно смотрел на меня, и мне всегда это было неловко, и он совсем меня не интересовал. Я хотела уже уйти с террасы, когда вдруг он спросил меня: «Вам Вера Александровна ничего не передавала от меня?» — Ничего. — «Я бы хотел с вами поговорить!»[...]. В это время вошла тётинька. Она хитро улыбалась и сказала мне: — Василий Денисович тебе делает предложение. — Что? — с ужасом сказала я, и прямо обратилась в бегство. Так я его никогда более не видела, и не знаю что стало с ним впоследствии. [Василий Денисович Давыдов (1822—1892) — генерал-майор, был женат на Наталье Александровне Ивинской, имел трех детей в 1859 г.]. Стремление мое к идеализации сильно поколебало со временем наш русский учитель, медик студент Василий Иванович Богданов. Это был живой, способный малый, интересовавшийся всем на свете, прекрасный студент, умелый учитель и ловкий стихотворец. Он первый, как говорится, раз вивал нас, трех сестер. Он так умел интересно преподавать, что пристрастил прямо меня, ленивую девочку, например к алгебре и русской литературе, особенно к писанию сочинений. Эта форма самостоятельного изложения впечатлений, фактов, мыслей до того мне нравилась, что я писала длиннейшие сочинения с страшным увлечением. Раз он задал мне тёму чрезвычайно трудную: «Влияние местности на развитие человека!»[...]. Уроки наши с Василем Ивановичем кончились довольно печально. Сестра моя, Лиза, 16-ти лет держала экзамен на звание домашней учительницы и, кончив экзамены, перестала заниматься с Василем Ивановичем. Остались мы две с сестрой Таней. Но она была гораздо слабее меня и на два года моложе. Приходилось заниматься с Василем Ивановичем вдвоем с глазу на глаз. Скоро вместо уроков стал он приносить мне философские книги материалистов: Бюхнера, Фейербаха и других. Он горячо толковал мне, что бога нет, что весь мир состоит из атомов и тому подобное. Меня это приводило в восторг, как нечто новое, простое, не сложное. Но недолго я исповедовала материализм: мне вдруг стало невыносимо грустно без религии, я не могла жить без молитвы... И вот я возненавидела своего учителя Василия Ивановича, тем более, что в один прекрасный день он, в числе многих стихотворений, написал мне объяснение в любви, а потом, став на колени, схватил мою руку и начал целовать. Я страшно рассердилась, расплакалась и пошла сначала в свою комнату смыть о-де-колоном поделу Василия Ивановича с руки, а потом пошла к матери и пожаловалась на учителя. Она спокойно посмотрела на меня сквозь очки и сказала: «ох, уж эти мне студенты!». И когда пришел Василий Иванович сконфуженный и красный, она ему отказалась и сказала мне, что больше русских учителей у меня не будет. Это очень меня огорчило. [В Яснополянском архиве С. А. Толстой сохранилось два рукописных стихотворения Богданова: «Я» и «Челнок»]. [В зиму 1861—1862 г.]

Мэр Николаевск, поздравляю
вас в День вашего рожде-
ния и желаю вам 28го числа
всех благ здравия и счастья.
Согласен, что ваше имя
запомните на долгое время
всячих любителей, что
вы бывший.

Е. Берс

Если я одна государыня, я прошу
ибо ваша фамилия
запомнилась всеми милющими ее
изречениями, а теперь хочу просить
спечьтное, просить из здоровья
вашего здоровья, что бы вы однажды
прекрасный день устроили своим лю-
дям, и желаем вам дома еще.

Письмо Е. А., С. А., А. А. и Т. А. Берсов к Л.

Где. Толстовский музей

если наше беды, временные же
и неизменные, какими бы
исправить нечаян.

Саша

Люсандра супруга Альпера не
пробывавшего вчера вчера, и на-
учившися гравюры, запечатала
Леву Николаевичу, и посластив
име этого имени здравомо-
бам.

Альпер

Melle Tatiana Pekis a l'honneur de
féliciter monsieur le comte Leon Tolstoy,
à l'occasion de l'anniversaire de sa naiss-
ance, et de lui souhaiter tout le bon-
heur possible dans ce bas monde.

Толстому от 28 августа 1862 года.

Москве.

приехал в Москву из своего имения сын знакомого нам доктора-акушера Янихена, женатого на Мусиной-Пушкиной. Акушер этот лечил мою мать и был дружен с моим отцом. Красивый и богатый, этот Янихен имел совсем особенное положение в Москве, по связям, через свою жену. Старик Янихен сейчас же представил нам своего также красивого сына, приехавшего из Екатеринославской губернии, из своего имения, просить у родителей разрешения на женитьбу. Молодой Янихен стал часто бывать у нас; кроме того мы встречались на вечерах, танцевал он удивительно хорошо, особенно мазурку. Большой, широкоплечий, он так легко, не-подвижно и плавно скользил по паркету, что мы все любовались им. Отношения мои к нему были самые простые, дружеские; он был ласков, прост и недалек; но когда мы встречались, мы оба были рады видеться. Вместо того, чтобы ехать жениться, молодой Янихен прожил всю зиму до весны в Москве. Никогда он мне не говорил ни слова о любви; но, например, на вечере у нас, он все только приглашал меня, и лицо его во время танца, когда я своими близорукими глазами могла видеть его близко, выражало столько нежности и чего-то сильного, даже страшного, что я начинала угадывать причину замедления его отъезда из Москвы. На вечере у нас я отказывала всем, кто приглашал меня на мазурку и, не получая до конца приглашения Янихена, стала бояться, что останусь без кавалера. Но как только маленький оркестр, состоявший из музыкантов Малого театра, заиграл мазурку, Янихен подошел ко мне, и так просто, ласково, протянул мне руку, сказав: «со мной», что я несколько не удивилась, и радостно прошлась с ним первый круг мазурки. Подошла весна и мы стали собираться на дачу, а Янихен к своей невесте. Я уговаривала его скорее ехать и не огорчать ту, которой он обещал жениться[...]. Вечером, накануне нашего переезда, он пришел прощаться и просил у меня что-нибудь на память. Я дала ему какую-то книгу. Мы оба были грустны, но оба понимали, что ехать ему необходимо нужно. На другой день мы переехали на дачу, и я забыла Янихена[...], вдруг вижу воронью рысаки Янихена подъезжают к нашей даче. Я так и обмерла. — Зачем вы приехали? — вырвалось у меня поневоле[...]. «Еще раз взглянуть на вас»[...]. Когда я вышла замуж, он говорил Льву Николаевичу о любви его ко мне. Но он честно женился на своей невесте, и я никогда больше не встречала его в своей жизни. [Это сын врача Федора Ивановича Янихен и Серафимы Матвеевны, рожд. Мусиной-Пушкиной].

Если бы я была государыня. С. А. Толстая вспоминала в своей автобиографии: «Помню раз, мы были все очень веселы и в игривом настроении. Я всё говорила одну и ту же глупость: «когда я буду государыней, я сделаю то-то», или когда я буду государыней, я прикажу то-то»[...]. У балкона стоял кабриолет моего отца, из которого только что выпрягли лошадь. Я села в кабриолет и кричу: «Когда я буду государыней, я буду кататься в таких кабриолетах!» Лев Николаевич схватил оглобли и вместо лошади рысью повез меня говоря: «Вот я буду катать свою государыню» («Моя жизнь», I).

№ 2

[1864 г. Апреля] 23 вечером [Я. П.]

Я также аккуратно и хорошо хотела описать тебе всё, что было в эти полтора дня у нас и с нами, но вдруг Серёжа стал хрипеть, ему заложило грудь, и на меня нашел такой страх, я по обыкновению начинаю теряться и бояться. А без тебя еще страшнее и хуже. Употреблю все средства против простуды, бог даст не опасно. А ужасно, ужасно трудно мне и грустно, и страшно без тебя. Теперь он спит, а я беру на себя и всё тебе описываю. — Вчера, как ты уехал, я себя выдержала и не плакала. Но вдруг у меня будто бы стало очень много дела, я хлопотала, бегала, суетилась, хотя нынче, спроси, что я делала, — я не знаю. Больше возилась с Серёжей и с рук его почти не спускала. Гулять не ходила, а вечером вязала. Когда же пришла в свою комнату и хотела, было, ложиться, так мне вдруг стало скучно, что я просидела два часа, писала, да не пошлó, плакала, и всю ночь потом почти не спала. А когда заснула, всё видела какие-то страшные сны и пугалась и просыпалась. В пять часов Дра нас разбудила. Таня (она спала в гостиной) встала, оделась и выпустила ее на цепи. Но опять та же возня с собаками, и Дорку принесла Таня на руках. Потом ее заперли и увезли в Москву только в одиннадцать часов, тоже возились долго, от собак не могли отбиться.

Хотя я с пяти часов опять спала плохо, но встала в одиннадцать часов как будто я больна, так дурно мне было. Серёжа был и весел, и здоров, и мил. За чаем я узнала, что Николай болен и не может даже готовить. Я пошла в кухню и простояла всё утро. В кухню Таня принесла мне твое письмо. Я так обрадовалась, что меня всю в жар бросило. Я читала и просто задыхалась от радости. В самом деле, точно ты давно уж уехал. Всё, что ты про Серёжу мне писал, так во мне отзывалось, что всё плакать хотела, и вдруг так я его полюбила, тоже и мне его жалко стало. Я очень рада твоему намерению писать, — мы ни о чем не переговорили, мне не хотелось говорить тогда,

потому что и так тяжело было расставаться. А теперь писать грустно, и я всё избегаю называть тебя по имени, потому что как будто говоришь с тобой, а тебя нет, и еще скучнее. Вслед за твоим письмом привезли письма с почты: от С. Горсткиной, от Анеточки, от Иславина и Серёжи. Последние посылаю тебе. Верно письмо Серёжи на тебя подействует хорошо. Я ему так обрадовалась, что сказать тебе не могу. Всё-таки нравственно ему лучше, и я нынче как-то так раздражена, что всё очень принимаю к сердцу. Не сердись, что мы распечатали. Это письмо было радостно для всех и потому только я не раскаиваюсь, и, если тебе неприятно, то раскаиваюсь и прошу прощения.— Серёжа кашляет очень дурно; я совсем начинаю унывать и завтра пошлю и за доктором и к тебе, если ему не будет лучше.

24. После обеда.

У нас всё просветлело, и меня мучает, что ты едешь и ужасно беспокоишься о нас всех. Я тебе скоро всё лично буду рассказывать, и пишу, чтоб время прошло скорее и всё-таки как будто говорю с тобой. Что это только было вчера, я вспомнить не могу! Совершенно неожиданно, сидим за чаем, вдруг Серёжа закашлял, я встала, посмотрела, мне показалось, что ничего особенного. Потом всё пошло сильнее; я писала, услыхала опять кашель, пошла в детскую и тут его начало душить. С первых минут я совсем растерялась, не помню даже ничего об окружающих. Он кашлял как из бочки и задыхался, но я скоро опомнилась, хотя всё плакала. Одно знаю, что было очень серьезно и верно опасно, и все, особенно Таня и Татьяна Александровна, очень испугались. Хочется мне похвастаться, что я хорошо распорядилась, и, если ты скажешь, что дурно, то я верно с тобой соглашусь. Я послала за Иваном Ивановичем и просила его немедленно ехать к Шмигаро, а, если он не поедет, то привезти какого бы то ни было доктора, и кроме того велела позвать к себе Кондратия. А Дуняша велела сделать маленький горчишник и припарки, о которых напомнил Кёller. (Он, повидимому, принимал большое участие.) Дала Серёже масла касторового, положила горчицу. Если ты только видел, как он был жалок. Плакал, задыхался, горчица его щипала; он сучил ножками и хватался всё за мои волоса, серьги, воротник, точно он в меня влезть хотел или просил, чтоб его спасли. Я всё держала его на руках, и чем больше он мучился, тем живее мне представлялись его щечки, его любовь ко мне, все его мины и я думала, что он умрет. Вспомнила еще, что ты бы отнял его у меня и сердился бы на меня, а я бы отдала бог знает что, чтоб ты всё-таки был со мной. Думая о смерти Серёжи, мне еще стало страшнее без тебя. Ты не можешь вообразить этого чувства осиротелости, которое

я испытываю без тебя и испытала, особенно вчера с больным Серёжей. Я стала придумывать, как бы скорее тебе дать знать. Пришел Кондратий, оказалось, что верхом он проездит сутки и даже больше; к тому же у него не оказалось вида, а то я его хотела послать на перекладной. Таня говорит: «пошли Алексея». Он согласился, и вот мое распоряжение. Слава богу, что напрасно послали; хуже бы, если бы не напрасно. А ты мне ужасно нужен, я так измучилась и отдохнуть не с кем. Таня и тётичка Татьяна Александровна были ужасно милы. Их любящие натуры выскажались вполне. Таня всё бегала: по дворне, к работникам, распоряжалась от моего имени, не спала всю ночь, только часа три, и помогала во всем, хотя сама дрожала и плакала от страха, а Татьяна Александровна была и бодра, и добра, и своим настоящим участием меня просто поддерживала. А очень мы все перепугались. Тётичку Полину я не видела; она объелась и спала всю ночь ~~препокойно~~, только ходила в палатку и отпивалась мяты. Прости за грубость и злость на нее. —

После горчишников и масла Серёжа заснул, но дышал страшно всю ночь. Я продолжала класть ему припарки и он проспал всю ночь распеленутый, такой трогательный и милый, в самых милых детских позах. Тётичка Татьяна Александровна и я, мы à la lettre¹ ни минуты не заснули. Я всё его сторожила, как бы он не задохнулся, а тётичка всё навещала. Никто и не раздевался. Еще я растерла его теплым маслом, но не могла никак добиться, чтоб он спотел. Как много я передумала в эту ночь, как любила тебя, как я хорошо понимала и чувствовала, какой ты отличный и как я тебя люблю. Лежала я на кушетке и всё прислушивалась, не едет ли доктор. Несколько раз я сбегала на крыльце посмотреть не едет ли доктор и всякий раз Кёллер выходил из кабинета и спрашивал: *Wie geht der Kleine?*². Он тоже не раздевался и не тушил свечи. В пятом часу явился Иван Иванович и с ним какой-то толстый белокурый доктор. Доктора я проводила в детскую и спросила, кто это у Ивана Ивановича. Оказалось, что Шмигаро не поехал, а что это Виганд. И то заманили его насилием. Он всё отговаривался, что у нас лечит Шмигаро и что он не поедет. Виганд дал Серёже в три приема 85 антимониальных капель, поставил не к груди, как мы, — а к спинке горчицу и дал сыроп, который очень помогает от кашля. Опять я ужасно мучилась: бедный Серёжа страшно метался; его тошнило, рвало, он всё лежал у меня на плече и хватался за меня. Как жалок был, ты вообразить не можешь! Но душить его перестало, дышал он всё лучше и лучше и заснул совсем покойно. Мы все до одной души собрались пить чай,

¹ [буквально]

² [Как здоровье маленького?]

было совсем светло и шесть часов. Все успокоились, я видела, что прошла опасность, но всё меня мучил его кашель и дыханье, и до сих пор я не совсем покойна. Ел он хорошо, спал порядочно и слабило хорошо. А его нежность ко мне сводит меня совсем с ума. Мне всё хочется плакать, да и нервы расстроены, может быть, оттого. Он похудел и стал еще больше похож на тебя. Тебя я не вижу и мне всё хочется в его лице увидеть твои черты и найти сходство. Когда уехал доктор, я легла и спала часа полтора в детской. Всё мне представлялось в тумане: и ночь прошедшая, и природа вся, и люди; — ты знаешь, как после бессонной ночи, а когда я думала о тебе, то ужасная пустота, скука и всё, кажется, как будто не для меня, что я умерла и что только здоровье Серёжи и ты опять меня оживят. И до сих пор это чувство. Серёже делалось всё лучше и лучше, тётичка спала, Таня бегала везде: и в сад, и еще куда-то, а я всё у Серёжи, и всё с самыми радостными, но тревожными мыслями о тебе. Часа в три мы все опомнились, умылись, оделись; Кёллер поехал в Тулу, Серёжа уж стал играть и смеяться и я села есть. Потом опять в детской; любовь Серёжи ко мне, меня так и тянет к нему. В четыре с половиной часа обедали, а потом, с моего позволения, Иван Иванович с сыном и Таня поехали верхом кататься. Они и третьего дня ездили ловить лошадей крестьянских на наших лугах, но ничего не поймали. Я пошла нынче после обеда к Мышке и опять я для всего мертвая, как будто. Погода была чудесная, всего часа полтора, особенно ярко блестела на солнце трава, мне это в глаза бросилось. Мышки дома не было; я вернулась домой и встретила Ивана Ивановича, Таню и Анатоля. Таня была блестяща просто. В бархатной курточке, в своей шляпке с пестрыми перышками, беленькая, свеженькая, — прелость. Немножко завидно было и я подумала, что и ты ею поразишься, страшно немножко стало. А я дурная с измятым лицом, жалкая, чересчур не элегантная пешеходка. — Дома, пока Серёжа спал, пописала, потом он оторвал меня, потом я опять писала и пишу до сих пор. Его кладут спать, я отпущу няню, и сама продежурю до его приезда. Я жду тебя непременно нынче в ночь. Приедешь-ли? Я не дождусь, кажется, тебя, а как хочется увидеться скорее с тобой.

Месяц и год отсылки письма определяется ответным письмом Толстого. Письмо писано С. А. Толстой в имение Пирогово, куда Толстой ездил по хозяйственным делам владельцев имения, брата и сестры Толстого — Сергея Николаевича и Марии Николаевны, в связи с отъездом последних за границу. С. А. Толстая пометила к серии писем, писанных в апреле 1864 г.: «Эти три дня подробного описания моей жизни без Льва Николаевича [...] были им мне заказаны. Это не письма, а дневник, который я охотно вела, как бы всё время общаясь с ним». В это время С. А. Толстая, прожив полтора года в Ясной Поляне, имела уже

ребенка десяти месяцев. Позднейшая надпись С. А. Толстой на оригинале: «1863 год» — ошибочна.

Серёжа — Сергей Львович Толстой (р. 28 июня 1863) старший сын Толстых. До осени 1881 г. жил с родителями в Ясной Поляне. В 1881 г., выдержав экзамен на аттестат зрелости в Тульской гимназии, С. Л. Толстой поступил в Московский университет на отделение естественных наук, где по преимуществу занимался химией. В 1886 г. окончил курс кандидатом. Музыкальное образование первоначально получил у тульского учителя музыки А. Г. Мичурина, затем у профессора Московской консерватории Н. Д. Кашкина и исследователя русской народной песни В. П. Прокунина. Занимался сельским хозяйством в Ясной Поляне и самарском имении с 1884 по 1891 г., начиная с последнего года — в своем имении при селе Никольском-Вяземском. 10 июля 1895 г. женился на Марии Константиновне Рачинской, скончавшейся 2 июля 1900 г. В 1898—1899 гг. участвовал в деле переселения духоборов и ездил в Англию и Канаду в качестве агента переселения. С 1900 по 1908 г. был гласным Московской городской думы. В 1901—1904 гг. был гласным Чернского земства. 30 июля 1906 г. женился вторым браком на гр. Марии Николаевне Зубовой. В 1911 г. принимал участие в организации Толстовской выставки и затем — Толстовского музея. С этого же года состоял товарищем председателя, а затем председателем Толстовского общества в Москве. Был с 1919 по 1931 г. председателем Совета Товарищества по изучению и распространению творений Л. Н. Толстого. С 1912 г. по 1917 г. состоял председателем Комиссии по народному образованию при Обществе распространения технических знаний, заведывавшей курсами для рабочих (Пречистенскими курсами, при фабрике Тилле и др.). С 1921 по 1930 г. — научный сотрудник Государственного института музыкальной науки (ГИМН). В 1926—1928 гг. преподавал народную музыку Западной Европы на этнографических курсах ГИМНа, зимой 1928—1929 г. — в Консерватории, в 1929—1930 гг. — в Музикальном техникуме имени Октябрьской революции. С. А. Толстая так охарактеризовала Сергея Львовича в «Моей жизни» под 1883 г.: «Мне часто было жаль его, что он молодой, как бы от конфузов и некоторой неловкости совсем не ездит в свет, а что, может быть, ему иногда и хочется веселья. Если знал Серёжа с какой глубокой нежностью я часто смотрела на него, и как я его всегда горячо любила. Я гордилась и его университетскими и его музыкальными успехами и любила его деликатную душу, часто скрываемую под какой-то внешней брюзгливостью и даже иногда грубостью» (Рукопись, стр. 422—423). С. Л. Толстой является автором ряда произведений, в том числе: «Тургенев в Ясной Поляне» («Голос минувшего» 1918, 1—4); «Л. Н. Толстой о поэзии Ф. И. Тютчева» (ТЕ за 1912 г.); «Юмор в жизни Л. Н. Толстого» (ТП, 3, М. 1923); «Ясная Поляна, путеводитель и описание»; «Федор Толстой американец» (ГАХН, М., 1926); «Мать и дед Л. Н. Толстого» («Федерация», М. 1928); «Л. Н. Толстой в 70-х годах» («Красная новь» 1928, IX); «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» (Юбилейный сборник Толстовского музея, 1929), вышло на английском и немецком языках; «Л. Толстой и П. Чайковский» («История русской музыки, труды ГИМНа», 1925); «Les derniers jours de ma mère. Fragment inédit d'un journal intime» [«Последние дни моей матери. Неизданный отрывок из интимного дневника»] («Europe» 1928, № 67, р. 497—511). Под редакцией С. Л. Толстого вышли 3 тома дневников С. А. Толстой (изд. Сабашниковых, М. 1928—1932). С. Л. Толстому принадлежит ряд музыкальных композиций. В сборнике «Звенья» № 2 совместно с И. В. Ильинским опубликовал статью: «Квартет «Ключ» в романе «Война и мир» с приложением нот: «Ключ» («С тобой вдвоем») — для трех голосов с напева И. В. Ильинского.

Дора — сестра, любимая охотничья собака Толстых.

Таня — Татьяна Андреевна Берс (р. 29 октября 1846 г., ум. 8 января 1925 г.), младшая дочь А. Е. и Л. А. Берсов. Помнила Льва Николаевича с своего девятилетнего возраста, когда Толстой приезжал к Берсам на дачу «в военном мундире во время Севастопольской войны». Толстой навещал тогда Берсов, как «товарищ детства матери» (КМЖ, I, стр. 52). В начале 1860-х гг., когда Толстой стал, приезжая в Москву, чаще бывать в доме Берсов, он, по свидетельству самой Т. А. Берс, относился к ней, как к ребенку, «школьничал, как с подростком, сажал к себе на спину и катал по всем комнатам. Заставлял говорить стихи и задавал задачи» (КМЖ, I, стр. 71). Когда Толстой был женихом, Т. А. Берс перешла с ним на «ты» в то время, как он продолжал «говорить Софье Андреевне «вы»». В неопубликованном дневнике под 30 декабря 1862 г. Толстой записал: «Таня — чувственность. Соня трогает боязнью». Под 15 января 1863 г. читаем: «Таня прелесть наивности, эгоизма и чутья. Как она отнимет у Л[юбови] А[лександровны] чай или повалит ее. Люблю и не боюсь». После своей женитьбы Толстой с неизменным благорасположением и вниманием относился к Т. А. Берс, принимая близко к сердцу все обстоятельства ее жизни. По поводу получения письма от Татьяны Андреевны С. А. Толстая писала ей так 28 февраля 1865 года: «Лёвочка, прочтя, сказала: «какая славная девочка, со всех сторон, куда ни поверни, все хороша». Конечно я подумала тоже самое уже в тысячный раз в своей жизни» (не опубликовано; хранится в АК). Т. А. Берс в свою очередь относилась к Льву Николаевичу, как к самому близкому человеку. Она писала Льву Николаевичу 25 ноября 1865 г.: «Ты мне и лучший друг и второй отец, и всегда это так будет и я тебя очень, очень люблю, и где бы я не жила и не была, это никогда измениться не может» (не опубликовано; хранится в АК). Т. А. Берс послужила живой натурой Толстому в «Войне и мире», явившись прототипом Наташи Ростовой. А. Е. Грузинский пишет: «Образ Наташи до мелочей совпадает с Т. А. Кузминской» (Л. Н. Толстой, «Новые тексты из «Войны и мира», «Огонек», ч. I, стр. 10). В 1867 г. Т. А. Берс вышла замуж за своего двоюродного брата, Александра Михайловича Кузминского. Толстой был против этой свадьбы, предполагая, что состоится брак Т. А. Берс с его другом Д. А. Дьяковым, в имении которого Татьяна Андреевна часто гостила. В течение двадцати пяти почти лет ежегодно Т. А. Берс, сначала девушкой, а потом с мужем и детьми, проводила лето в Ясной Поляне во флигеле. Л. Л. Толстой писал так: «у тёти Тани была способность, как у нас говорили, «поднимать вопросы» и, действительно, очень часто какой-нибудь своей самой неожиданной и крутой постановкой мысли она заставляла и Льва Николаевича и других доходить до интересных разговоров» («В Ясной Поляне», Прага 1923, стр. 24—25). Т. А. Кузминская оставила о себе память, как о талантливой исполнительнице романсов. Ей посвящено стихотворение Фета «Опять» («Сияла ночь. Луной был полон сад...»). И. Л. Толстой пишет: «Позднее, уже взрослым человеком, я часто задавал себе вопрос: был ли папа влюблен в тёту Таню. И я думаю теперь, что да. Прошу читателя понять меня. Я разумею не пошлую влюбленность..., то чувство, которое, как мне кажется, отец испытывал к тёте Тане, французы называют «amitié amoureuse» [любовь и дружба]. И. Л. Толстой считает, что исполнение дуэтов Т. А. Кузминской с Ипполитом Нагориным (братьем мужа дочери М. Н. Толстой) послужило Толстому основным сюжетом для «Крейцеровой сонаты». И. Л. Толстой кончает так: «Ревновал ли тогда отец тёту Таню? Если можно ревновать мечту, то, конечно, да. С внешней стороны отношения отца с тёте Таней были чисто братские. Они были друг для друга Лёвочка и Таня и такими они и остались до конца. Мечта увяла, но не разби-

лась» (Илья Толстой, «Мои воспоминания», М. 1933. Второе издание, стр. 63). Т. А. Кузминская является автором следующих работ, посвященных Толстому и лицам, с ним связанным: «Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом в шестидесятых годах» (иллюстр. прил. к «Новому времени» 1908 №№ 11655 и 11659; было переиздано брошюрой); «Мои воспоминания о М. Н. Толстой» (иллюстр. прил. к «Новому времени» 1913, №№ 13543 и 13550; было переиздано брошюрой. Спб. 1914); «В Ясной Поляне осенью 1907 года» (иллюстр. прил. к «Новому времени» 1908 №№ 11530, 11534, 11544 и 11554; было переиздано брошюрой. Спб. 1908); «Мой последний приезд в Ясную Поляну» (о смерти и похоронах Толстого) («Новое время» 1910, 15 декабря, № 12487); «Как мы жили в Ясной Поляне» («Родник» 1906, №№ 23, 24, стр. 59—64); «Воспоминания прошлого (быль)» (Тип. Губернского правления. Орел 1885) [анонимно]; «Сестра и я» (печаталось в журн. «Семейные вечера»); «Отношение графа Льва Николаевича Толстого к войне вообще» (Петр. 1915); «Tolstoy et la guerre» («La Revue» 1917, № 1—2); «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» (Три части в изд. Сабашниковых, первое издание М. 1925—1926, второе издание — М. 1927—1928). Кроме того Т. А. Кузминская написала: рассказ «Бабья доля» (проредактирован Толстым и напечатан в «Вестнике Европы» 1886, № 4; отдельно издан «Посредником», М. 1886) и др. О Т. А. Кузминской см. статью В. В. Нагорновой, рожд. Толстой: «Оригинал Наташи Ростовой в романе «Война и мир». Молодость Т. А. Кузминской» (иллюстр. прил. к «Новому времени» 1916, №№ 14400, 14413, 14427 и 14434). После смерти Т. А. Кузминской в Ясной Поляне остался ценный архив, включающий обширную переписку Т. А. Кузминской с С. А. Толстой и рядом лиц, связанных Толстым и Ясной Поляной. Архив этот хранится в ГТМ.

Николай — Николай Михайлович Румянцев (1818—1893), бывший флейтист яснополянского крепостного оркестра. Служил до 1883 г. поваром, потом жил на пенсии. О нем см. Илья Толстой, «Мои воспоминания», М. 1914, стр. 16; там же помещена его фотография.

Таня принесла мне твоё письмо. В своем письме от 22—23 апреля Толстой, между прочим, писал: «у меня в ухе шумело и стало грустно о тебе (о Серёже меньшем я еще не жалею), и нашел страх, что я тебя оставил; потом заснул и видел во сне разные лица из моего романа [будущая «Война и мир»] [...]. Вот что: пожалуйста, ты без меня не попускайся — тебя в это втягивает Таня, — а действуй, как бывало в эти дни, когда ты сходишь к Мышке и играешь на фортепианах и только Серёжа отрывает тебя. Ежели Серёжа будет нездоров, пришли ко мне сейчас нарочного. Я прошу не сидеть, а ходить, для того, что иначе (я имею дерзость думать) тебе будет грустнее без меня» (ПЖ, стр. 6—7).

Всё, что ты про Серёжу мне писал. Сергей Николаевич Толстой (р. 17 февраля 1826 г., ум. 23 августа 1904 г.), — брат Толстого, с которым всю жизнь он был очень близок и находился в постоянной переписке. Сохранилось около 175 писем Льва Николаевича к брату. Учился в Казанском университете, откуда выбыл в 1847 г. Гр. С. Н. Толстой был женат с 7 июня 1867 г. на цыганке Марии Михайловне Шишкиной (1829—1919), прожив с ней восемнадцать лет до венчания. В своих «Воспоминаниях», написанных в год смерти С. Н. Толстого, Толстой так говорит о брате: «Серёжей я восхищался и подражал ему, любил его, хотел быть им. Я восхищался его красивой наружностью, его пением (он всегда пел), его рисованием, его веселием и, в особенности, как ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма. На днях он умер, и в предсмертной болезни и умирая, он был так же непостижим мне, и так же дорог, как и в давние времена детства. В старости, в последнее время, он больше любил меня, дорожил моей привязанностью, гордился мною, желал быть со мной согласен, но не мог и оставался таким, каким был: совсем особыенным,

самим собой, красивым, породистым, гордым и, главное, до такой степени правдивым и искренним человеком, какого я никогда не встречал» (Собр. соч. Л. Н. Толстого, под ред. Бирюкова, т. I, стр. 290). Племянница С. Н. Толстого — Е. В. Оболенская — описывает гр. С. Н. Толстого так: «Он был обворожительным, но характер у него был тяжелый, несдержаный, вспыльчивый. Он был большим оригиналом. Он любил всё заграничное, особенно англичан; уже в зрелых годах самостоятельно выучился английскому языку, и любимым его чтением были английские романы. Он страстно любил пение — простое бабье пенье и цыганское. А под старость стал нелюдимым, подозрительным, почти не выходил из дома, избегал наемной прислуги. — Жил он чрезвычайно скромно, сам убирал свою комнату, чистил свое платье... Льва Николаевича он очень высоко ставил, любил, гордился им, но не разделял его политических и социальных взглядов» («Октябрь» 1928, кн. 9—10, стр. 207—208). Гр. С. Н. Толстой — прототип Володи «Детства, отрочества и юности». В 1863—1864 гг. Сергей Николаевич увлекался Татьяной Андреевной Берс. 20 января 1864 г. Лев Николаевич писал сестре М. Н. Толстой за границу о брате Сергееве: «Под секретом скажу тебе. Он с Таней влюбились друг в друга и, как кажется, очень серьезно». Роман Сергея Николаевича с Татьяной Андреевной, кончившийся разрывом в 1865 г., послужил Толстому материалом для «Войны и мира» при изображении взаимоотношений князя Андрея и Наташи Ростовой. В настоящем письме С. А. Толстая имеет в виду следующие строки письма Льва Николаевича от 23 апреля из Пирогова: «После ужина я прошел в подробности по всему дому и узнал веши Серёжины (разные мелочи), которых я не видел давно, которые знаю 25 лет, когда мы оба были детьми, и ужасно мне стало грустно, как будто я его потерял навсегда. И оно почти так [...]. Я спал внизу, должно быть, на том диване, на котором Таня за ширмами держала его. И эта вся поэтическая и грустная история живо представилась мне. Оба хорошие люди, и оба красивые и добрые: стареющий и чуть ли не ребенок, и оба теперь несчастливые; а я понимаю, что это воспоминание этой ночи — одни в пустом и хорошенъком доме — останется у них обоих самым поэтическим воспоминанием, и потому, что оба были милы, особенно Серёжа. Вообще мне стало грустно на этом же диване и об обоих, и о Серёже, особенно глядя на ящичек с красками, тут в комнате, из которого он красил, когда ему было 13 лет; он был хорошенъкой, веселой, открытый мальчик, рисовал, и всё бывало, пел разные песни, не переставая. А теперь его, того Серёжи, как будто нет» (ПЖ, стр. 5—6).

Я очень рада твоему намерению писать. Л. Н. Толстой писал 23 апреля: «Еще я буду писать тебе каждый день, как нынче, — всё хоть с собой привезу; также и ты пиши пожалуйста; но не посыпай по почте, не дойдет; а в субботу вечером вышли Якова» (ПЖ, стр. 7).

С. Горсткина. — Софья Михайловна Горсткина, рожд. Кузминская (1842—1891), была замужем за Львом Ивановичем Горсткиным. С. М. Горсткина — сестра А. М. Кузминского, мужа Т. А. Берс.

Анеточка — Анна Карловна Юргенс (р. 1843), дочь содержателя аптеки в Москве — Карла Петровича Зенгера (1802—1872) и Екатерины Кубе. Подруга Софии Андреевны. (Письмо Зенгер к С. А. Толстой от 16 апреля 1864 г. хранится в АСТ).

Иславин — Владимир Александрович Иславин (1818—1895), дядя С. А. Толстой, сын А. М. Ислениева и кн. С. П. Козловской, был членом совета министра земледелия и государственных имуществ. Этнограф. Автор книги: «Самоеды в домашнем и общественном быту» (СПб. 1847), Толстой усматривал в натуре Иславина сочетание «адуевщины» (тип из романа Гончарова) с «готовностью делать добро для других». В 1863 г. Толстой был в деятельности переписке с Иславиным, подбивая его уча-

ствовать в постройке винокуренного завода в Никольском-Вяземском. Иславин уклонился от предложения Толстого.—Письмо, которое переслали С. А. Толстая мужу, вероятно от 13 апреля (год не проставлен); в нем Иславин сообщает о стоимости разных препаратов для винокуренного завода.

письмо Сережки. Не сохранилось.

Он кашлял как из бочки, и задыхался. «Это был сильный ложный круп» (прим. С. А. Толстой).

Татьяна Александровна— Т. А. Ергольская (р. в 1792 г., ум. 20 июля 1874 г.), троюродная сестра отца Толстого, Николая Ильича; была воспитана бабкой Льва Николаевича, Пелагеей Николаевной Толстой, будучи сиротой с малолетства. После смерти жены отец Льва Николаевича хотел жениться на Ергольской, она же отклонила брак, но обещала посвятить себя воспитанию детей Николая Ильича. До конца жизни прожила в доме у Толстых в Ясной Поляне. Лев Николаевич описал ее комнату в «Семейном счастье», как комнату матери героя романа, Татьяны Семеновны (см. вариант № 9 — «Юбилейное собрание сочинений Толстого», т. V, стр. 181). В «Воспоминаниях детства» Л. Н. Толстой писал так: «Третье после отца и матери, самое важное в смысле влияния на мою жизнь была тётичка, как мы называли ее, Т. А. Ергольская [...]. Когда я стал помнить ее, ей было уже за сорок, и я никогда не думал о том, красива или некрасива она. Я просто любил ее, любил ее глаза, улыбку, смуглую, широкую, маленькую руку с энергической попечерной жилкой. Я сказал, что тётичка Татьяна Александровна имела самое большое влияние на мою жизнь. Влияние это было, во-первых, в том, что еще в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни». В письме к М. Н. Толстой от 20 января 1864 г. Лев Николаевич писал: «Тётичка Татьяна Александровна все дороже и дороже становится нам, потому что чувствуешь, что она не долго с нами останется». (Письмо не опубликовано, хранится в ГТМ). С. А. Толстая отзывалась так: «Она старого воспитания с странными правилами и высокой нравственностью» (письмо Т. А. Берс от 27 марта 1864 г., не опубликовано).

Иван Иванович— И. И. Орлов, приказчик; из духовного звания, окончил Тульскую духовную семинарию. Был учителем в школе Крапивенского уезда, бывший в ведении Толстого. Прослужил у Толстых 28 лет в качестве управляющего имением Никольское-Вяземское (до 1890 г.). Злоупотреблял спиртными напитками. Сохранился ряд хозяйственных писем Толстого к И. И. Орлову (хранятся в АТ); два из них опубликованы в «Красной нови» 1928, сентябрь, стр. 209—210.

Шмигаро.— Сигизмунд Адамович Шмигаро, главный врач Тульского оружейного завода.

Кондратий— Кондрат Пименов (р. 1798), бывший дворовый Толстых, в 1859 г. отпущен на волю.

Дуняша, рожд. Банникова (ум. 1879)—дочь дядьки Толстых, Николая Дмитриевича и Арины Игнатьевны Банниковых; жена Алексея Степановича Орехова. О ней: Илья Толстой, «Мои воспоминания», 1914, стр. 12. Была горничной Т. А. Ергольской.

Кёллер— Густав Федорович Кёller, немец, привезенный Толстым в Яснополянскую школу во время его путешествия по Германии. Первоначально преподавал в школе рисование и черчение. В 1864 г. был учителем у С. Н. Толстого, воспитывая его сына, Григория Сергеевича. Позднее — учитель немецкого языка Тульской гимназии.

На перекладной— езда с перепряжкой почтовых лошадей на каждой почтовой станции.

Алексей — Алексей Степанович Орехов (ум. 1882), камердинер, позднее — приказчик и управляющий в Ясной Поляне. Из Яснополянских крестьян; в качестве камердинера сопровождал Толстого в Севастополь.

Тётиенька Полина — Пелагея Ильинична Юшкова (1801—1875). Когда Толстому было тринадцать лет, в виду смерти воспитавшей его тётки, он вместе с братьями и сестрой перешли на попечение другой своей тетки, П. И. Юшковой, жившей в Казани. Там Толстой прожил с 1841 по 1847 г. Но отзывам лиц, знавших ее, у нее, человека недалекого, внешняя светскость совмещалась с культом предрассудков и двиких понятий (см. статью Н. Загоскина «Студенческие годы Л. Н. Толстого», «Исторический вестник» 1894, январь). После кончины мужа жила в Тульском женском монастыре, потом совсем переехала в Ясную Поляну, где и умерла.

Виганд. — Эдуард Ильич Виганд (р. 1826), доктор медицины, был врачом в Тульской гимназии, впоследствии — главный доктор Оружейного завода в Туле.

Мышка — вероятно Ольга, дочь Родиона Егоровича Егорова, вышедшая замуж за Семена Яковлевича Базыкина; была очень маленького роста.

Анатоль — Анатолий Львович Шостак (ум. 1914), сын Льва Антоновича и Екатерины Николаевны, рожд. Исленьевой, впоследствии получил фамилию Исленьев-Шостак; окончил Александровский лицей, впоследствии черниговский губернатор, тайный советник и камергер. С. А. Толстая называла его пустозвоном (письмо к Т. А. Берс от 23 мая 1863 г., не опубликовано). К 1863 г. относится увлечение Т. А. Берс Шостаком, который приходился ей троюродным братом. Сближение произошло в Петербурге весной 1863 г., куда Татьяна Андреевна ездила с отцом. После этого Шостак приезжал в Ясную Поляну в июне того же года и усиленно ухаживал за Татьяной Андреевной, одновременно гостившей у Толстых. Лев Николаевич, которому не нравились отношения Шостака к Татьяне Андреевне, добился того, что Шостак принужден был покинуть Ясную Поляну. В петербургских кругах, однако, говорилось, что виновата во всем эпизоде Татьяна Андреевна, которая вела себя легкомысленно. (По письмам Кузминского к С. А. Толстой, хранящимся в АТ). С осени того же года наметилось сближение Татьяны Андреевны с Сергеем Николаевичем. Эпизод увлечения Татьяны Андреевны Шостаком послужил Толстому материалом для описания романа Наташи Ростовой с Анатолем Курагиным, который в первых черновых набросках «Войны и мира» назван Анатолем Шимко. — Настоящее письмо является единственным свидетельством того, что Анатолий Львович был в Ясной Поляне вторично уже после того, как налаживался роман у С. Н. Толстого с Т. А. Берс, и продолжал с последней свой флирт. Это обстоятельство вносит корректив в описание событий, как они изображены в воспоминаниях Татьяны Андреевны, и рисует ее поведение в несколько ином свете.

В тот же отъезд Л. Н. Толстого в Пирогово С. А. Толстая продолжала ему писать, — это дальнейшее письмо, писанное в два пристesta, 25 апреля, нами не воспроизведется.

№ 3

[1864 г. Августа 10] Понедельник. [Я. П.]

Боюсь, что письмо это не дойдет уже до тебя; ты, может быть, уж будешь возвращаться; но всё-таки пусть лучше пропадет, чем не писать, когда всё таки, может быть, и получишь. Веселого мало: Серёжа всё нездоров. Удивляюсь я его бессоннице. Вечером до двенадцати часов не спит, а потом всю ночь вскри-

кивает и плачет. По вечерам оглядывается, всё что-то высматривает и всё издаёт те звуки, которые он произносит при виде лошадей. Понос продолжается по семь раз в сутки и очень жидко. Нынче, верно, была боль в животе, потому что он очень кричал и ножками сучил. Я покуда только грею ему припарки и больше ничего. Тётеньке я вчера обрадовалась больше, чем сама думала. Так она меня хорошо, добродушно и ласково встретила и видно, что искренно. Что это за горе мне будет, когда её не будет на свете. Я ее очень люблю. Таня мне тоже ужасно стала чужая. Мне точно так же, как и тебе, так неестественно, и неловко, и не приятно, когда они с Серёжей. Когда-то это всё кончится! Нынче она за чаем стала рассказывать, что про тебя дурного говорил Серёжа и что она с ним согласна. Что ты бестолков, что у тебя нет верного слова, я не могла удержаться, чтоб не наговорить ей неприятного. Но ей всё равно, что стакан воды выпить. Так она в эту историю с Серёжей много потеряла деликатности, самолюбия, чувства такта, которое в ней было так сильно.

Твое письмо меня так обрадовало, что передать тебе не могу. Они приехали в ту самую минуту, как я сидилась за свой одинокий обед. Я его побежала читать в свою комнату, и даже стыдно было, — всё время от радости смеялась. Уж сколько раз я его перечитывала! Мне тебя даже не жалко, что ты испортился, так я рада, что ты меня всё помнил и что я тебе недоставала. А домой тебя не вызываю, я рада, что нынешний раз я не выхожу из себя от скуки и страха насчёт Серёжи, и рада, что ты из Пирогова не приехал домой. Раз расстались, надо уж сделать дело, чтоб не расставаться во второй раз. Жаль, что опоздал на охоту, а то бы ты повеселился. Щенят я очень кормлю; белый стал еще больше. Ивану Ивановичу я очень внушала про посев; он уверял, что уже распорядился давно точно так, и нынче уж сеят. Рассказывал мне с гордостью, что у него не было довольно народу работать, он и поехал ночью лошадей ловить и, в виде штрафа, заставил работать, по одной и по две десятины вязать. — Серёжа сейчас встал и еще слабило уже в пятый раз, а теперь только половина двенадцатого. Я ему всё грею припарки. Когда Серёжа спит, я нигде себе места не нахожу, так и тянется всё к тебе, и всё я тебя жду, как будто ты только ушел не надолго. Серёжа очень скучен нынче, не знаю, от погоды это или от того, что ему хуже. У нас проливной дождь, но, кажется, не надолго. Я немного удивилась, что ты так поздно выехал в Никольское; ведь это было на третий день после твоего отъезда из Ясной. Жаль, что тебе даже не было весело. Лёвочка, куда ты дел Машенькины письма из-за границы. Мы вчера искали их весь вечер, чтоб ей их послать с лошадьми, и не могли нигде найти. Неужели ты потерял их? — Первую жертву я сыну сделала, что не поехала с тобой. Мне теперь весело думать о том, как

бы мы с тобой вдвоем, совсем одни куда-нибудь поехали пожить, как молодые. Но теперь это уж кончено, никогда этого не будет. Серёжа меня ужасно измучил своей продолжительной болезнью. Просто не дает отдохнуть даже. Всё понос, понос и понос! Я уверена, что я просто не умею его воспитывать, но что же мне делать! Когда ты что-нибудь решительное говоришь на счет его, я как будто сержусь, а в душе ужасно рада и дорожу всем, что ты говоришь. И теперь, верно, ты что-нибудь сказал бы дельное, а я теряюсь и не знаю, на что решиться. Я очень часто думаю и не могу себе объяснить, какое чувство имеешь ты к Серёже. Уж верно не такое, какое я,— как любишь ты его? У меня всё только страх и сожаление к нему. Я не могу вообразить себе, что завтра, может быть, ты приедешь. Это было бы очень хорошо, да плохо я на это надеюсь. До вчерашнего твоего письма меня всё мучило, что последнее время между нами была какая-то холодность, особенно с твоей стороны, и даже неловкость, но письмо твое так просто, так хорошо, что все эти мысли прошли. Мне вчера так всё опять показалось весело, после твоего письма. И время, прожитое без тебя, сократилось, и болезнь Серёжи как будто не стала так опасна, и всё, всё стало лучше, как будто ты сам побывал дома. Я говорю с твоей стороны, а с моей я такие тебе сделала две неприятности, что теперь и стыдно, и ужасно грустно вспомнить. Чем больше я с тобой живу, тем тяжелее мне делается всякая гадость, которую я тебе сделаю. Я всё бы писала тебе, да боюсь опоздать, почта отойдет; и потому цалую тебя покуда, и уж больше не жди от меня письма; всё равно оно тебя не застанет, пожалуй. А если ты не приедешь завтра в ночь, я еще беспокоиться не буду, только с 15-го начну беспокоиться. Прощай, милый, может быть, мне привезут нынче от тебя письмо. Если ты не приедешь и поехал к Фету и напишешь, что вернешься не прежде 15-го, я тебе еще напишу в среду. Не получишь, так не беспокойся.

Письмо писано Льву Николаевичу во время его поездки в Чернсккий уезд: он поехал на охоту в Пирогово, а оттуда через Чернь в свое имение Никольское-Вяземское. Данному письму С. А. Толстой предшествовало другое, утраченное, о получении которого Толстой так писал 9 августа: «А я-то тебя как люблю. Голубчик, милый. Всю дорогу ехал до Черни и думал: нет, непременно произойдет какая-нибудь путаница с письмами, и я не получу в Черни. Приезжаю, и бывший прикащик Томаса — какое милое лицо у этого прикащика — говорит: а вы не изволили получить письма? Нет. А я так проголодался, занялся супом, что еще не спросил. Какое письмо милое, и ты милая; я спокоен, и по письму вижу, что ты не в веселом, но в очень хорошем состоянии» (ПЖ, стр. 13—14; неверно датировано 12 августа).

будешь возвращаться. Толстой решил с охоты проехать дальше в Никольское-Вяземское.

Тётиньке я вчера обрадовалась. Т. А. Ергольской.— Толстой писал из Пирогова Софье Андреевне 9 августа: Тётинька первое слово сказала,

как мы тебя оставили одну, и сказала, что поедет. Я подговаривался, чтобы она ехала на другой день, но она не сказала, когда» (ПЖ, стр. 10).

Таня мне тоже ужасно стала чужая. Лев Николаевич писал так 9 августа: «Было бы очень хорошо всё, ежели не присутствие Серёжи и Тани, которое дает натянутость и неискренность всем отношениям. Это пение, выходы на балкон и всё мне ужасно неприятно. Вся эта история много портит мне жизнь. Постоянно неловко и боишься за них обоих[...]. У Серёжи с Таней что-то было, — я вижу по признакам, и мне это очень неприятно. Ничего, кроме горя, и горя всем, от этого не будет. А добра не будет ни в каком случае» (ПЖ, стр. 10—11).

Твое письмо меня так обрадовало. Письмо от 9 августа. Толстой писал: «Вчера я возвращался в Пирогово с мыслью, что я нынче еду назад в Ясную: так мне стало страшно за тебя и Серёжу, которого видел во сне. И мне досадно было, что тётичка не едет и не уехала[...]. Может я нынче найду письмо в Черни. Испортился я совсем. Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно с людьми. На охоте я забываю, помню об одном лунеле; но с людьми — при всяком столкновении, слове — я вспоминаю о тебе, и всё мне хочется сказать тебе то, что я никому, кроме тебя, не могу сказать» (ПЖ, стр. 11).

из Пирогова. Имение Крапивенского уезда Тульской губ. в 32 верстах от Ясной Поляны. Принадлежало раньше троюродному брату Толстого, Александру Алексеевичу Темяшеву, давало дохода в год до 70 тысяч рублей. По разделу между братьями Толстыми в 1847 г. часть имения перешла к Марии Николаевне Толстой, другая часть досталась Сергею Николаевичу Толстому.

Иван Иванович — И. И. Орлов, управляющий.

Никольское — Никольское-Вяземское, имение Толстых Чернского уезда Тульской губ., заключавшее около 1200 десятин; в 100 верстах от Ясной Поляны. Принадлежало брату Льва Николаевича, Николаю Николаевичу Толстому, а после его смерти в 1860 г. перешло к Л. Н. Толстому. После раздела между детьми Льва Николаевича досталось в большей части Сергею Львовичу Толстому.

Машенькины письма. Мария Николаевна Толстая (1803—1912), единственная сестра Толстого, с 1847 г. была замужем за своим троюродным братом, Валерианом Петровичем Толстым. По соседству с имением ее мужа «Покровское» жили Фет и Тургенев. Последний, заинтересованный литературными опытами Толстого, стал бывать у М. Н. Толстой. Первый шаг к знакомству с Толстым был сделан Тургеневым в Покровском: оттуда Тургенев впервые обратился с письмом к Толстому, находившемуся тогда в Крыму. В 1857 г. гр. М. Н. Толстая разошлась с мужем, после чего жила в Пирогове, владея частью имения, а затем уехала за границу. Две зимы (1861—1862 и 1862—1863 гг.) провела в Алжире. В 1861 г. увлеклась шведом, Гектором-Виктором де Клееном, ставшим ее гражданским мужем. По возвращении в Россию, после смерти гр. В. П. Толстого в 1865 г., переехала в Покровское. Впоследствии гр. М. Н. Толстая поселилась в Шамардинском монастыре Калужской губ., где в 1891 г. постриглась в монахини. К ней в Шамардино Толстой прежде всего направился, когда уехал 28 октября 1910 г. из Ясной Поляны. — Е. В. Оболенская характеризует свою мать, М. Н. Толстую, так: «Вообще характер матери был трудный[...]. Она была капризной, раздражительной и, как очень нервная, несдержанной[...]. Нежности в ее характере не было, но мы знали, что она горячо нас любит» («Моя мать и Лев Николаевич», «Октябрь» 1928, кн. 9—10, стр. 226 и 234). — С. А. Толстая отозвалась так в письме к Т. А. Кузминской от 13 февраля 1900 года: «У нас гостит Марья Николаевна и на сколько она может быть приятна, когда она спокойна и довольна, на столько она невыносима, когда она приходит в ворчливое и суевидное

состояние и грустно в ней видеть, по мере приближения к концу, возрастание житейских забот. Закупка вещей, провизии, разных платков, белья — всё это ее занимает бесконечно, всё это ей куда как важней душевного состояния. Религия же всё больше и больше принимает у нее характер суеверия, мистицизма и обожания или священника, или старца, или иконы. Потом еда сладкая тоже играет у нее роль. Я очень ее люблю, но очень устала от нее» (не опубликовано; хранится в АК). В 1865 г. С. А. Толстая писала сестре: «[Серёжа] говорил, что у Машеньки скуча, она графиня, а сидит в кресле и читает уроки о нравственности [...]. Вообще я Машеньку не долюблю». Лев Николаевич приписал к этим строкам: «Напрасно. Всё это так кажется, только когда не в духе. А было и будет всем вместе хорошо, весело, и Машенька очень много хорошего имеет». (Неопубликовано; хранится в АК.) Толстой изобразил свою сестру в образе Любочки из «Детства, отрочества и юности». О ней см. Бирюков «Гр. М. Н. Толстая» («Русские ведомости» 1912, № 83); И. Толстой «М. Н. Толстая» («Русское слово» 1912 г., от 10 апреля). Он же «Памяти Марии Николаевны» («Новое время» 1912 г., от 12 апреля; здесь же некролог Д. П. Маковицкого, посвященный М. Н. Толстой; Т. Кузминская «Мои воспоминания о гр. Марии Николаевне Толстой», Спб. 1914. — По поводу запроса о «Машенькиных письмах» в письме С. А. Толстой, Лев Николаевич писал только что вернувшейся из-за границы Марии Николаевне: «Ты на меня сердишьась поделом за то, что я забыл твои письма. Меня это мучило верно столько же, сколько и тебя. Удивляюсь, что они не нашли их на столе. Чтоб загладить свою вину, посыпал тебе два письма, только что полученные мною нынче» (письмо от 14 августа 1864 г.; не опубликовано; хранится в ГТМ).

к Фету. Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин) (1820—1892), лирический поэт. Жил по соседству с имением Толстого Никольское в имении «Степановка» Мценского уезда, Орловской губ. Был женат на Марии Петровне, рожд. Боткиной. Находился в постоянной переписке с Толстым до 1881 года. С 1856 года — начала знакомства Фета с Толстым — до нас дошло 158 писем Толстого к Фету, из них многие напечатаны в воспоминаниях Фета: А. А. Фет, «Мои воспоминания», М. 1890, ч. I—II. Сын Толстого Лев Львович так пишет в своих воспоминаниях: «Из всех русских писателей чаще всего посещал Ясную в пору моего детства Фет, друг моего отца еще до его женитьбы, наилучше его понимавший и ценивший. Почти ежегодно Фет приезжал с своей женой в Ясную, и мой отец всегда искренно был рад его видеть. Мой отец писал и рассказывал Фету, как верному другу, всё, что лежало у него на сердце. Он очень ценил поэзию своего друга и ряд стихотворений он цитировал наизусть» (Статья Л. Л. Толстого в «Figaro» от 12 февраля 1923 г.). Сам Лев Николаевич писал Фету так 28 июня 1867 г.: «Я свежее и сильнее вас не знаю человека. Поток ваш всё течет, давая тоже известное количество ведер воды — силы, — колесо, на которое он падал, сломалось, расстроилось, принято прочь, но поток всё течет и, ежели он ушел в землю, он где-нибудь опять выйдет, и завертит другие колеса» (опубликовано Фетом). Несмотря на изменение взглядов Толстого и всё возраставшую реакционность убеждений Фета, отношение первого к последнему не изменилось до конца жизни поэта; имеются лишь неодобрительные отзывы Толстого по поводу юбилея Фета в 1889 г., в связи с которым Фет домогался камергерства; в октябре 1892 г. незадолго до смерти Фета Толстой писал жене так: «Скажи ему, чтоб он не думал, как он иногда думает, что мы разошлись. Я часто испытываю это, и с ним особенно, что люди составят себе представление о том, что я должен отчуждаться от них, а сами отчуждаются от меня» (ПЖ, стр. 428). Отзывы С. А. Толстой в её дневниках таковы: под 16 июля 1865 г. она записала — «он немного напыщенный»; 23 декабря 1890 г.: «Получила очень

льстивое и почти влюбленное письмо от Фета, и мне это было приятно, хотя никогда ни крошечки не любила его, и он был мне скорее неприятен» (ДСТ, I, стр. 92 и 158). 22 мая 1891 г.: «Был Фет с женой, читал стихи — всё любовь и любовь, и восхищался всем, что видел в Ясной Поляне, и остался, кажется, доволен своим посещением, и Лёвочкой, и мной. Ему 70 лет, но своей вечно живой и вечно поющей лирикой он всегда пробуждает во мне поэтические и несвоевременно молодые, сомнительные мысли и чувства» (ДСТ, II, стр. 42). Фет посвятил С. А. Толстой пять стихотворений: «Когда стопой слегка усталой», «Когда так нежно расточала», «И вот портрет! И схоже и не схоже», «Пора, — по влаге кругосветной», «Я не у вас, я обделен». В неопубликованном письме 1870-х гг. Фет писал Толстому: «Жаль, если вы не вполне знаете, как хорошо в вашем оазисе. Тут все спелось. Отнимите графиню с ее прелестными волосами и глазами, отнимите детей: Илью-богатыря или Лёвочку, боящегося «Лесного царя», и все разрушено. Дай бог, чтобы это всё долго, долго так было» (хранится в АТ).

№ 4

[1864 г. Августа II] вторник вечером [Я. П.]

Мне нынче что-то так взгрустнулось, милый Лёвочка, вся моя бодрость пропала, и так захотелось скорей, скорей увидеться с тобой. Это всё сделало твое милое письмо, твоя ко мне любовь и то, что нам всё делается лучше и лучше жить на свете вместе. Мне грустно стало, что ты еще не скоро воротишься; к тому же Серёжа мой всё незддоров, а причина тому та, что корова больна. У ней так болят ноги, что она даже ходить не может. Но всё это случается как будто нарочно. Он так хорошо стал поправляться; надо же такое несчастье. Ходит он без боли, безо всякого жилиния, но очень жидк и часто. Спал нынче хорошо и ест порядочно. Нынче весь день гуляет, потому что погода чудесная, тепло и тихо. Мой день провела я вот как: встала, как и все дни, в восемь часов, спала первую ночь отлично, потому что Серёжа спал хорошо; потом послала в Ясенки Таню. Она привезла мне твое письмо, а я всё утро убирала все книги, твои и наши, перетерла их все, вымыла полки и очень устала. Это до моих родов я убираю их в последний раз; работа не легкая. Потом вообще на меня нашел дух порядка и я всё стала убирать. До обеда рисовала и идет очень плохо, но на этот раз хочу выдержать характер и кончить начатое. Обедала ровно в четыре часа. Дворецкий наш очень исправен, мы тоже. Потом я гуляла с Серёжей и была по всем садам. Карапузчик солдат был вчера пьян и он препротивный; Кондратий старик пьян постоянно, — и я Ивану Ивановичу говорила, чтоб он на всё это обратил внимание. Пушкин обирает с Кузьмой персики и сливы, и Кузьма очень деятелен, исключая огородной части. Все твои приказания я передала Ивану Ивановичу. Жаль, что лучшие десятины нынче уж

С. А. Толстая
С фотографии 1863 г.
Гос. Толстовский музей в Москве

заселяли, твое письмо шло очень долго. Еще вчера вечером Таня ездила, и письма не было. Теперь я буду брать скоро ванну, а ложусь я в десятом часу, потому что вечера без тебя и Серёжи очень грустны и длинны. Серёжа опять стал бледен и такой у него большой, слабый вид. Насчет Серёжи большого я говорила с Таней. Она говорит, что он сказал то же самое, что ты, т. е., что ты был какой-то озабоченный и растерянный, что ему хотелось поговорить с тобой о деле, но что тебе было не до того, что он думал, нет ли какого дурного известия из Ясной. А в Пирогове ничего не было и он был весел, и с Таней ничего не было, она мне слово дала, что ничего не было и даже не намекали ни на что друг другу. А с Таней я нынче много говорила откровенно. Она очень жалуется на тебя, что ты очень о ней дурного мнения, что ты с ней не хороши, считаешь ее страшной кокеткой и что она при тебе всегда расстается и ей неловко. Конечно, она чувствует, что всё это не даром, и она заслужила, но не сознается. А я прямо всё сказала, что я думаю и что у меня на душе, и она была рада моей откровенности.

Тётинька наша всё похаживает по дорожкам с зонтиком и всё хочется ей съесть: и персики, и петуха, и яблоки. Она очень в хорошем духе и добра. А нынче так трогательно рассказывала про старину, про смерть всех близких ей, и, знаешь, как всегда — голос у неё немного дрожал и она была в таком трогательном волнении. Я покуда рисовала, а Таня тоже слушала. Лёва, милый, кабы ты скорей приехал. Я уже мечтаю, не застанет ли тебя это письмо в Черни, на возвратном пути. Я не поняла, что это значит, что я не думаю ехать к Фету и Киреевскому а *moi qu'il n'arrive quelque chose d'extraordinaire.*¹ Но что же может случиться особенное? Ну, прощай, завтра утром напишу еще и пошлю это письмо. Цалую тебя, милый.

Датируется на основании пометы «вторник вечером» и связи с предшествующим письмом, датированным 10 августа. [«Понедельник»].

Ясенки (Ясенецкая станция). В то время почтовая станция, в 5 верстах от Ясной Поляны, с конца 1860-х гг. — станция М.-Курской жел. дор., ныне переименована в Щекино.

Она привезла мне твое письмо. — Письмо от 9 августа из Черни.

Пушкин обирает с Кузьмой персики. Пушкин — тульский торговец, покупавший фрукты по окрестным имениям. Кузьма — садовник при оранжерее. Персиковые деревья существовали в Ясной Поляне до 1867 г.

Все твои приказания я передала Ивану Ивановичу. Толстой писал 9 августа из Черни: «Еще скажи ему [Орлову], чтобы лучше землю (самую навозную), 2 десятины, он бы не засевал, а оставил под пшеницу, которую привезут из Никольского. В выборе земли пусть он спросит совета

¹ Лишь бы не случилось что-нибудь необыкновенное,

Тимофея старости. Еще скажи ему, чтоб он посмотрел саженый клевер, — не перепустить бы его, т. е. как бы головки не свалились. Еще семянной же клевер за рощей, надо обирать. Послать туда 10 девочек и Соню с ними, если хорошая погода, и щипать головки, класть в фартуки, а из фартуков в телегу» (ПЖ, стр. 15).

Тётичка наша — Т. А. Ергольская.

я не думаю ехать к Фету и Киреевскому. Николай Васильевич Киреевский (1797—1870). Ему принадлежало имение Шаблыкино Каравеевского уезда, Орловской губернии. Владел огромным состоянием. Страстный охотник и гитарист; вел постоянно журнал своей охоты. С 1834 по 1837 г. — каравеевский предводитель дворянства. Дом его, похожий на дворец, состоял из нескольких десятков комнат: отличался широким гостеприимством, причем гости его пользовались полной свободой: жили сколько хотели, и некоторые уезжали, даже не видев хозяина (из биографии Киреевского, помещенной в «Сборнике биографий кавалергардов», 1801—1826, там же портрет его). Будучи на охоте у Киреевского в 1865 г., Толстой описал его в письме к Софье Андреевне так: «Приехал я [...] утром к Киреевскому. Он уже встал. Меня отвели, не спрашивая, кто я и зачем, в комнату, спросили, чего я хочу, чаю, кофе. Куча грязных лакеев в передней встают всякий раз, как ты проходишь. Он — ограниченный, честный, твердый человек, исключительно охотник. Из всех его рассказов три четверти принадлежат охоте [...]. 29-го мы поехали после завтрака в 7 экипажах на скверных упряжках и лошадях, но все с отличными собаками и ружьями, и с такой важностью и степенством, как будто мы ехали на важнейшее дело в мире. Правду сказать, мне здесь дороже охоты этот охотничий мир и старицкий» (письмо от 31 июля 1865 г. см. ПЖ, стр. 46—47, где письмо неверно датировано 1 июня). Толстой изобразил некоторые черты Киреевского в «Войне и мире» в лице дальнего родственника Ростовых (дядюшки — «чистое дело — марш»), страстного охотника и гитариста («Война и мир», т. II, часть 4, глава VII по изд. 1886 и сл. годов). — Киреевский написал: «40 лет постоянной охоты. Из воспоминаний охотника». Второе изд. М. 1875.

№ 5

[1864 г.] 22 ноября. Воскресение. 10 ч. вечера [Я. П.]

Только что уложила свою девочку, милый Лёвочка, и теперь засела писать тебе, пока не засну над письмом. Девочка что-то очень бунтовала, а у мальчика сильный понос нынче, т. е. шесть раз, хотя он ночь спал очень хорошо. Может быть это к лучшему, а впрочем очень грустно всё-таки. Оспа начинает краснеть, но осцы я не боюсь. Вот тебе рапорт о твоих собственных детях, больше о них сказать нечего. Теперь спят, как херувимчики, а няня на лежаночке пьет чай. Как-то тебя застанет это письмо? Хорошего я ожидаю мало, дай бог тебе только силы всё получше перенести. Завтра посылаю за телеграммой к Серёже и на телеграфную станцию; жаль, что мы не условились, куда ты поплешь телеграмму. Лёва, голубчик, пожалуйста, пиши мне всю истинную правду; я знаю, что после восьми недель очень трудно и больно, и, пожалуй, опасно вправлять вывих, но надеюсь, что всё-таки кончится все хо-

ропо. Ты о нас не думай, а, главное, думай о себе, лечись хорошенько, может быть в Петербурге есть специалисты лучше, чем в Москве. Теперь верно ты уже приехал, если карета доставила исправно и не сломалась нигде. То-то Берсы наши тебе рады были. Я совсем переношусь к вам с тех пор, как воображаю тебя уже не в дороге, а в Кремле. И легче мне стало, не так грустно. Вот как ты уехал нынче, пришла я к деткам и как посмотрела в кроватки, так и прошло то маленькое чувство досады на них, которое испытывала, когда прощалась с тобой. Девочка сейчас же проснулась и я долго сидела, кормила ее и всё думала о том, что я очень счастливая, благодаря тебе и что ты мне много хорошего внушил. Спала я очень дурно на этой кушетке, а утром ушла наверх, где стало так скучно, что я заснуть не могла. Машенька переходить ко мне не хочет. Мысль, что везде дует, в двери и окна, так глубоко вкоренилась в нее, что ей кажется, что в мою дверь дует, а у неё зубы болят. Пусть делают, как хотят, а ей было бы удобнее. Об отъезде она, слава богу, не говорит. Я очень рада, и боюсь, что она оттого уедет, что ей неудобно. Дети сегодня целый день смотрели картины и приходили в восхищение, а я нынче весь день писала; надеюсь скоро кончить, и пользуюсь просто всякой секундой времени, чтоб написать хоть одно слово, — всё подвигается. Как кончу, — перешлю немедленно. Хотела я тебе напомнить, что ты сам говорил. Не читай никому своего романа, никому, кто может быть судьей тебе. Помни, что тебя уже не раз сбивали, а теперь дело серьезное, кто-нибудь скажет глупость, а ты к сердцу примешь. Если тебе что понадобится переписать, дай мамаше, она славный писарь, да и охотно будет писать. Что Таня, заботится ли она о тебе? Как иногда страшно подумать, как ты далек от нас и как много может теперь быть с тобой разных неприятностей.

Лёва, Якова я нынче отправила, но вообрази, что он не понял, что я ему говорила про лечебницу, и отправился прямо к Серёже. Серёжа сказал ему: «ну, брат, мы завтра с тобой вместе поедем в лечебницу». Я этому очень рада, и уведомлю тебя, что с ним сделают. Завтра его привезут домой, я за ним посылаю. Я хочу начать гулять. Постоянная сидячая жизнь в детской, в духоте меня совсем притупила и нравственно и физически. Нынче я почувствовала себя такою вялою, притупленною и так захотелось мне чистого воздуха, что я, несмотря на эту морозную, ясную, бесснежную погоду, начну ходить гулять. Надо освежиться и поднять нервы. А то, пожалуй, без тебя опустишься и труднее будет переносить свое одиночество.

Вчерашний вечер и наше с тобой прощанье, — твой отъезд, всё это мне представляется теперь как сон, такая я сама-то была

сонная и в неестественном, напряженном состоянии. А как нам хорошо было последнее время, так счастливо, так дружно, надо же было такое горе. Грустно без тебя ужасно и всё приходит в голову: его нет, так к чему всё это? Зачем надо всё также обедать, зачем так же печи топятся и все суетятся и такое же солнце яркое и та же тётичка, и Зефироты, и всё. Я нынче весь день внизу, писала изо всех сил и это рассеивает.

Конец письма утрачен. Письмо писано в Москву, куда Толстой поехал на операцию. 26 сентября 1864 г. Лев Николаевич во время охоты, по дороге в соседнюю деревню Телятинки, упал с лошади и вывихнул себе плечо. Тульские врачи правили ему руку неудачно, поэтому 21 ноября Толстой отправился в Москву, чтобы посоветоваться с московскими докторами. Падение с лошади Л. Н. Толстого описано С. А. Толстой в ее письме к Т. А. Берс от 1 октября 1864 г., а также С. П. Арбузовым (Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова. М. 1904, стр. 4 и сл.).

уложила свою девочку. Татьяна Львовна Толстая (р. 4 октября 1864 г.) — старшая дочь Толстого. Художница. Ученица Репина. С 1899 г. замужем за Михаилом Сергеевичем Сухотиным (1850—1914). В 1922 г. организовала школу рисования и живописи. В 1923—1925 гг. была директором Толстовского музея в Москве. С 1925 г. живет за границей, в настоящее время — в Риме. Первый свой литературный труд — детский рассказ «Учитель музыки» опубликовала в журнале «Игрушечка» 1891 г., № 11 под псевдонимом Ольги Болхиной. В разных периодических органах напечатала ряд очерков (посвященных Тургеневу, Н. Н. Ге и др.), которые объединены в ее сборнике «Друзья и гости Ясной Поляны». М. 1923. Ей принадлежат также следующие публикации: «Как мы с отцом решили земельный вопрос» (ТТ, I, стр. 45—62); «Из дневника Т. Л. Толстой», ТII, 1923, III, «Sur la mort de mon père» [«О смерти отца»] («Европе» 1928, № 67, р. 395—472); ее письмо о завещании и литературном наследии Толстого опубликовано М. А. Стаковичем в статье «Tolstoy's posthumous works» («The Russian Review» 1913, маю, № 2). При ее содействии и с ее предисловием вышел на немецком языке том избранных писем Толстого к жене (Leo Tolstoy, Briefe an seine Frau. Herausgegeben v. D. Umansky. Eingeleitet von T. Suchotine-Tolstaja, 1925). Большинство писем к Татьяне Львовне Л. Н. Толстого опубликовано в сборнике «Современные записки» (Париж 1928, № XXXVI).

а няня на лежаночке пьет чай. Татьяна Филипповна; няньчила еще Льва Николаевича. О ней Толстой писал в своих «Воспоминаниях детства»: «Няню Татьяну Филипповну я помню потому, что она потом была няней моих племянниц и моего старшего сына. Это было одно из трогательных существ из народа, которые так сживаются с семьями своих питомцев, что все свои интересы переносят в них и для своих семейных представляют только возможность выпрашивания и наследования нажитых денег».

То-то Берсы наши тебе рады были. Лев Николаевич останавливался в Москве в Кремле у родителей Софии Андреевны А. Е. и Л. А. Берсов. Андрей Евстафьевич Берс (р. 9 апреля 1808 г., ум. 1 мая 1868 г.), сын аптекаря, врач Московской дворцовой конторы. По окончании университета А. Е. Берс в 1822 г. с семьей родителей И. С. Тургенева поехал в Париж. Вернувшись из Парижа, где он провел два года, поступил на службу в сенат. Считался модным доктором. Получил дворянство в 1843 г. Состоял сверхштатным врачом московских театров, откуда его знакомство с театральным миром. Сохраняя связь с семьей Тургеневых, часто бывал в Спасском. От В. П. Тургеневой у него была внебрачная

дочь В. Н. Богданович-Лутовинова, по мужу Житова (1833—1900), составительница мемуаров «Семья И. С. Тургенева» («Вестник Европы» 1884, XII). С 1842 г. А. Е. Берс был женат на дочери А. М. Исленьева, Любови Александровне Иславиной, познакомившись с нею проездом в Орловскую губернию. Благодаря присущей ему мнительности, Толстой во время жениховства относился к А. Е. Берсу боязливо (дневниковая запись под 8 сентября 1862 г.: «Андрей Евстафьевич в своей комнате, как будто я что украд»). Но вскоре установились очень дружественные отношения между Толстым и Берсом, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. А. Е. Берс с интересом следил за литературной деятельностью Толстого и помогал ему в получении нужных материалов и в издательских делах. В статье «Как писался роман «Война и мир» М. А. Цявловский пишет: «В первоначальной стадии работ Толстого над романом, в деле розыскания и собирания материалов, обожавший Льва Николаевича, добрейший Андрей Евстафьевич всячески старался помочь, чем только мог» (ТТ, 3, М. 1927, стр. 131). В «Моей жизни» С. А. Толстая пишет: «Тяжелое осталось впечатление и от болезни и от настроения моего отца за последние годы моей жизни дома. Это вечное ожидание ночных посещений моего отца к матери и его крики — расстраивали наши нервы и омрачали наши юные души. Мы очень любили мать, больше отца, и жалели ее очень. Но когда я на днях [в 1904 г.] прочитывала письма моего отца ко мне и ко Льву Николаевичу, меня поразила эта его глубокая нежность к нам, эта радость за наше счастье, эта готовность во всем помочь нам, как-нибудь нам у служить, несмотря на постоянное недомогание и большое количество дел и больных. Что-то было такое широкое, великодушное и щедрое в его натуре и характере» (I, стр. 101). А. Е. Берс был страстью охотником и любителем собак. Как-то в последние годы своей жизни Лев Николаевич, вспоминая А. Е. Берса, сказал: «Это был чрезвычайно прямой, честный и вспыльчивый человек», а потом, понизив голос и после некоторой паузы, прибавил: «и большой ловелас» (сообщение М. А. Цявловского со слов Т. А. Кузминской). — Жена А. Е. Берса Любовь Александровна (1826—1886), рожд. Иславина, дочь Александра Михайловича Исленьева и кн. Софии Петровны Козловской, рожд. гр. Завадовской. С. А. Толстая писала о матери в своих мемуарах в связи с своим замужеством: «Моей матери тогда было 37 лет, и она была красива, стройна и с удивительным цветом лица. Нежно-розовые щеки, синие жилки на висках, белый лоб с очень тонкими морщинками. И большие, продолговатые, очень черные глаза. Волосы тоже черные, очень тонкие и вились сами собой [...]. Мы, две дочери, наследовали ее цвета, но не наследовали ее величавого спокойствия, ее осанки» («Моя жизнь», I, стр. 100). Кузминская писала о матери: «Хозяйственные заботы и частые дети поглощали всю жизнь Любови Александровны. Всех детей нас было тринацать человек [...]. Мать была серьезного, сдержанного и даже скрытного характера. Многие считали ее гордой. Она была очень самолюбива, но не горда» (КМЖ, 1846—1862. М. 1925, стр. 36). С. А. Берс пишет: «Моя покойная матушка рассказывала мне, что, описывая свою первую любовь в произведении «Детство», он [Толстой] умолчал о том, как из ревности столкнулся с балкона предмет своей любви, которая и была моя матушка, девяти лет от роду, и которая после этого долго хромала. Он сделал это за то, что она разговаривала не с ним, а с другим. Впоследствии она, смеясь, говорила ему: «Видно, ты меня для того в детстве столкнул с террасы, чтобы потом жениться на моей дочери» (С. А. Берс, «Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом», Смоленск 1894).

Машенька — М. Н. Толстая; гостила в то время в Ясной Поляне.

Дети сего дня целый день смотрели картины. Дочери М. Н. Толстой. Старшая — Варвара Валерьяновна (1850—1921) была замужем за Николаем Михайловичем Нагорновым. Варвара Валерьяновна была любимой

племянницей Толстого. В 1857—1858 гг. он изобразил ее в «Сказке о том, как другая девочка Варенька скоро выросла большая». В. В. Толстая помогала Толстому при писании им «Азбуки» и «Книг для чтения». Сохранился ее девичий дневник, очень литературно написанный с любопытными записями о Толстых (не напечатан). Другая дочь М. Н. Толстой — Елизавета Валерьевна (1852—1935), была замужем за кн. Л. Д. Оболенским. Составила воспоминания о Толстом, опубликовав часть их под заглавием: «Моя мать и Лев Николаевич» («Октябрь» 1928, №№ 9—10). В своей автобиографии С. А. Толстая записала о В. В. и Е. В. Толстых: — «Эти милые девочки на всю жизнь остались моими нежно любимыми подружками; и теперь мы разница лет уже давно не чувствуем».

я нынче весь день писала. В автобиографии С. А. Толстой читаем: «Перед отъездом из Ясной Поляны он [Лев Николаевич] всегда оставлял мне работу переписыванья» («Начала» 1921, № 1, стр. 145).

Не читай никому своего романа. Толстой повез в Москву первые главы своего романа «1805 год» (так первоначально называлась первая часть будущего романа «Война и мир»). В бытность свою в Москве Толстой отказался от мысли издать «1805 год» особой книгой и продал законченную первую часть в «Русский вестник».

Яков — Яков Васильевич Цветков (1848—1921), охотник, ездивший с Львом Николаевичем,

отправился прямо к Серёже. С. Н. Толстой имел квартиру в Туле.

Зефироты. Так в доме Льва Николаевича называли девочку М. Н. Толстой — Варю и Лизу. Название это, надо полагать, литературного происхождения. В газете «Северная пчела» 1861 г., № 75 от 1 апреля был напечатан шуточный фельетон «Зефироты», в котором описывались странные существа — полу-люди, полу-птицы, появившиеся в Северной Америке. Автором этого анонимного фельетона был кн. В. Одоевский. С. А. Толстая несколько иначе рассказывает о происхождении этого прозвища. Она пишет: «Прозвание, данное сначала сестре Тане и мне, потом племянницам Льва Николаевича — Варе и Лизе. Крестная мать Марии Николаевны, тульская монахиня [Марья Герасимовна], приехав в Ясную Поляну, рассказывала, что в газетах напечатано о прилетевших Зефиротах, не то птицах, не то драконах. Лев Николаевич шутя говорил про нас и племянниц: «Жили мы с тётинькой тихо, вдруг прилетели Зефироты и все перевернули».

Я нынче весь день внизу, писала изо всех сил. Переписывала «Войну и мир» (примечание С. А.).

Толстой писал в ответ 27 ноября: «За обедом позвонили, газеты; Таня все сбегала, позвонили другой раз — твое письмо. Просили у меня все читать, но мне жалко было давать его. Оно слишком хорошо, и они не поймут, и не поняли. На меня же оно подействовало, как хорошая музыка и весело, и грустно, и приятно — плакать хочется. Какая ты умница, что пишешь, чтобы я никому не давал читать романа; ежели бы даже это было не умно, я бы исполнил потому, что ты хочешь» (ПЖ, стр. 21).

№ 6

[1864 г.] 25 ноября, среда. [Я. П.]

Вечером.

Нынче получила обе телеграммы, милый Лёвочка. Вчера телеграмма получена была уже после отъезда Семёна, — линия была занята, и Кёллер, которому ее принесли, прислал нынче

утром, а другую привез сейчас Семён. Не знаю, радоваться или сокрушаться. Конечно, приятно мне, что ты избегаешь больших страданий и опасности даже, но грустно также, что уж конечно; ни прежней силы, ни мускулов, ни свободных движений, ничего не будет. Еще грустно, что, так как ты будешь лечиться гимнастикой, то тебе долго нельзя будет вернуться домой, надо лечиться с выдержкой, последовательно и долго. Ну да что, это пустяки, только бы не даром прошло всё это, а была бы польза. Я рада, что общее здоровье твое лучше, это главное. Как скучно, что до сих пор нет от тебя писем. Твоим духом на меня повеет, когда прочту твое письмо и это меня много утешит и оживит, да и подробности-то, главное, я все узнаю, что говорили доктора и как ты смотришь на все эти передряги с рукой. Очень ли тебя всё это огорчает или нет. Серёжа всё говорит о твоей руке с каким-то разочарованием, но все рады, что тебя не будут ломать. Нечего просить тебя, чтоб ты мне писал обо всем подробно, ты, верно, сам меня не забываешь. А я то вчера, сумасшедшая, обвиняла тебя, что нет телеграммы. Прости меня, Лёвочка, я была так встревожена и огорчена; какую я пынче ночь провела гадкую. Думала, думала, так в голове стало спутано всё и тяжело. Расстались таки мы с тобой, пришлось и горе испытать, не всё же радоваться. А это настоящее горе, серьезное, которое тоже надо уметь перенести. Как то вы все там поживаете? Хорошо ли тебе? Ты обо мне не думай, ты всё делай, что тебе весело. И в клуб езди, и к знакомым, к кому хочешь; я теперь насчёт всего так покойна, так счастлива тобой и так в тебе уверена, что ничего в мире не боюсь. Это я тебе говорю искренно и самой приятно в себе это чувствовать. У нас всё по-старому, без малейших перемен. Я всё сижу внизу, тут мое царство, мои дети, мои занятия и жизнь. Когда приду наверх, мне кажется, что я пришла в гости. Серёжа, когда я приду, встает, без меня шутит и врёт, а при мне всё церемонии и натянутость, хотя он и любезен и хорош со мной. Чувствуется мне, что я им всем чужая; странно, — чужая твоим родным; что все они любят и дороги друг другу, а на меня смотрят снисходительно и ласково, как на воспитанницу в доме. Все очень добры и участие большое принимают во мне, но всё это как то не то. Без тебя я тут не при чем, — такие уж у меня дикие мысли, — при тебе я чувствую себя царицей; без тебя — лишней. Все, кто меня любит — теперь в Кремле, и я постоянно с вами живу, вся моя жизнь, — исключая детей, — всё там. Тётишка самая родственная и самая добрая. Она никогда не меняется, — всё та же. Боюсь, что тебе немного неприятно будет, что я говорю тебе так, но ты, Лёва, для меня всё равно, что я сама, так просто и естественно мне говорить тебе всё, что у меня на душе. Ты не думай, мы все

очень дружны, но так мне нынче показалось. Я пришла к ним в гостиную, они все в кружке сидят, работают, читают, болтают; Серёжа лежит на диване, Лиза у него сидит на ногах. Когда я вошла, Серёжа вскочил, пошли фразы — скучно, я и ушла. Точно я им помешала. — Списывать тебе я еще не кончила, что делать, не до того было. Завтра кончу непременно.

Девочка моя очень беспокоилась, она горит от оспы, у ней принялись одна на одной руке и три на другой. У Серёжи, кажется, не принялась, хотя няня и уверяет, что примется. У него всё еще довольно сильный понос, верно потому оспа и не примется. Понос этот меня не очень тревожит. Он довольно весел, спит и ест хорошо, но слабит его до шести раз в сутки и очень дурно. Ничем не лечу и даю одно молоко и куриный суп, который ест плохо. Вообще в детской у нас почти совсем исправно, а что и не исправно, бог даст пройдет. Напиши, милый Лёвочка, когда ты думаешь, будет возможность приехать. Кажется уж так давно, что ты уехал. Как здоровье папа? что его трубочка? Грустно, что нет от вас всех писем. Взяла этот большой лист, хотела писать много, но рука так устала от списывания, что просто трудно даже ею двигать. Тебе, верно, интересно знать про Якова. В больнице он лежать не захотел и ушел оттуда. Ему хотели отрезать палец, он не дался ни за что. Это будет ужасная история; у него вся рука уже опухла и всё сильно очень. Мы всё о нем наведываемся, да делать-то не знаем что. Какой глупый народ, — ужас просто. Того и гляди, что сделается Антонов огонь. Без тебя с ним не сладишь. Может быть, и так пройдет, да навряд-ли. Всё это очень дурно. О хозяйстве твоем не знаю ничего. Только говорят, что всё благополучно и хорошо. Старосту я нынче видела; — только и разговору с ним было, что он требовал купить два топора, а то повар с немцем подрались. Григорий столяр сделал флинты, завтра купят войлок и краску и, может быть, натянем клеёнку без тебя, если я ни в чем не затруднюсь; я этого очень желаю. — Здоровье всех нас, больших, хорошо, только у Машеньки болели зубы, а теперь лучше. Все сидим, как закупоренные, даже дверей, боже сохрани, отворять. Я сижу оттого, что еще шубка не готова, завтра ее привезут, и я начну гулять. — Как будут тебя лечить гимнастикой? Вероятно, пассивной, а не активной гимнастикой, а то ведь ты руки поднять не можешь. Что сказали про ямку сзади, про выдавшуюся кость спереди и про шишку, которую я ощупывала? Понравились ли тебе врачи? Как бы мне хотелось знать всё подробнее. Что Таня, исполняет ли мои поручения относительно тебя, и соблюдает ли тебя довольно хорошо. Так как тебя не ломали и ты всё в том же положении, то, верно, ты и выходишь; пиши так подробно мне, как дневник. Где бываешь,

кого видишь, всё, всё. Прощай, друг милый; будь здоров, поконен, весел. Я спешу кончать, потому что Таня моя ворочается что-то. Теперь, кажется, опять заснула.

Как хорошо всё, что ты мне оставил списывать. Как мне нравится вся княжна Марья! Так ее и видишь. И такой славный, симпатичный характер. Я тебе всё буду критиковать.— Князь Андрей, по-моему, всё еще не ясен. Не знаешь, что он за человек. Если он умен, то как же он не понимает и не может растолковать себе свои отношения с женой. Старый князь очень тоже хорош. Но мне первый, которым ты был недоволен, нравился больше. Я уж из того составила себе в голове идеал, который не подходит к теперешнему князю. Сцена отъезда князя Андрея—очень хорошо, и с образом княжны Марьи—отлично. Мне было такое удовольствие это списывать. Пишешь ли ты в Москве? Был ли у Каткова? На счет денежных дел скажу тебе, что оттисками не бери. Все, кто получает «Русский вестник», не купят книжки, а это большая часть людей денежных, которые выписывают журнал. Лучше погоди, может, сам напечатаешь.

Это не мое дело, я знаю, да так в голову пришло.

Лёвочка, милый мой друг, когда-то я увижу тебя? Всё ли еще с удовольствием думаешь ты о нашем житье в Ясной, не понравилось ли тебе в Москве? Не думаю. А мне даже Ясная опостылела без тебя. Никуда мне не хочется выдти из детской, ничего не хочется делать. Но ты не думай, я не опустилась. Я очень всё-таки деятельна и бодра. Ну, уж теперь решительно прощай. Цалую тебя крепко. Теперь уж когда буду писать, пошлю рукопись. Должно быть это будет в субботу. Дай бог тебе всего хорошего. Береги себя, ради бога. Помни нас с детскими.

Твоя Соня.

Этому письму предшествовали два других — от 23 и 24 ноября, — в настоящем издании они не воспроизведутся.

Нынче получила обе телеграммы. От 24 и 25 ноября. Текст первой таков: «Тула. Графине Толстой. Екатеринин день помешал. Отложено до завтра. Еще советуюсь с Иноzemцевым. Общее здоровье лучше». Второй: «Решил поступить по совету Рудинского, он отсоветовал ломать, говоря почти справлена и улучшится много гимнастикой». (Телеграммы не напечатаны; хранятся в АТ.)

Кёller, которому ее принесли, прислал ее нынче утром. Г. Ф. Кёller жил в то время уже в Туле.

А я то вчера, сумасшедшая, обвиняла тебя, что нет телеграммы. 24 ноября С. А. Толстая писала: «Не знаю, что и думать, что вы со мной делаете; нынче Семён весь день ждал телеграммы, а ее не было; завтра посыпаю опять. Я в ужасном горе и тревоге. Точно меня бьют, бьют, и я всё желаю, чтобы было больнее, чтобы поскорее это кончилось. Мне представляется бог знает что: всевозможные бедствия и случаи. Неужели никому в голову не пришло, что мне будет ужасно, если я не получу телеграммы?»

Тёменька — Т. А. Ергольская.

Лиза — тринадцатилетняя Е. В. Толстая.

Как здоровье папá? Что *его* трубочка? В октябре 1864 г. А. Е. Берсу делали операцию трахеотомии, в результате чего сделали искусственное горло, вставив ему трубочку (канюлю).

Тебе, верно, интересно знать про Якова. Толстой отвечал 1 декабря: «Что Яков? какой дурак, что убежал из больницы: не переставайте следить за ним» (ПЖ, стр. 28).

Старосту я нынче видела. Василий Ермилов Зябрев (1826—1880), был помощником управляющего в экономии имения Толстых.

Как мне нравится вся княжна Марья! Марья Болконская из «1805 года», протогипом которой Толстой взял свою мать.

Старый князь — князь Н. А. Болконский, из романа «Война и мир».

Сцена отъезда князя Андрея. Имеется в виду гл. XXVIII (последняя) первой части первого тома романа (по изд. 1886 г. и всем последующим).

Был ли у Каткова? Михаил Никифорович Катков (1818—1887), публицист; первоначально — либерал, со временем польского восстания — выразитель дворянско-монархической реакции. Был редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника». До «1805 года» в Катковском «Русском вестнике» Толстой опубликовал: «Семейное счастье», «Казаки» и «Поликушку». — Толстой сообщил Софье Андреевне 27 ноября: «Потом пришел Любимов от Каткова. Он заведует «Русским вестником». Надо было слышать, как он в продолжение, я думаю, двух часов торговался со мной из-за 50 рублей за лист и при этом, с пеной у рта, по-профессорски смеялся. Я остался тверд и жду нынче ответа. Им очень хочется, и вероятно согласятся на 300 руб., а я, признаюсь, боюсь издавать сам, хлопот и с типографией, и, главное, с цензурой» (ПЖ, стр. 21).

Толстой писал Софье Андреевне 1 декабря: «Как в житье нашем сказались, что нам дома не надо, а достаточно одной детской, так и в жизни, с тех пор, как вырос большой, вижу, что никого не нужно, кроме пятнадцати человек самых близких людей [...]. Я вчера объяснял Тане, почему мне легче переносить разлуку с тобой, чем бы это могло быть, если бы у меня не было писания. Вместе с тобой и детьми (я чувствую однако здесь, что я их еще мало люблю) у меня есть постоянная любовь или забота о моем деле писания. Ежели бы этого не было, я чувствую, что я бы не мог, решительно, пробыть дня без тебя, ты это верно понимаешь, потому что то, что для меня писание, для тебя должны быть дети [...]. Я всегда податлив на похвалу, и твоя похвала характера кн. Марии меня очень порадовала» (ПЖ, стр. 26—27).

№ 7

[1864 г.] 26 ноября. Вечером поздно. [Я. П.]

Вот, Лёвочка мой друг, посылаю тебе мое списыванье и прошу извинения, что ленилась и мало переписывала. Теперь жаль, что кончила; мне это было развлечение, тем более, что ты мне сказал в день отъезда: «ты мне помощница». Я и рада бы писать с утра до ночи и помогать тебе. Писала сегодня с Серёжей к папá, что оспа у Серёжи fils¹ не принялась, а теперь посмотрела и, кажется, на здоровой ручке принялась, наверное, и на больной тоже, кажется. — Иван сейчас приехал из Тулы и не привез писем от вас. Это меня очень огорчило.

¹ [сына].

Пишите мне, голубчики, это меня бы очень утешало. Завтра, Лёвочка, кроим клеенку и всё примеряем и пригоняем. Купили сегодня войлок, 6 руб. с. стоило, очень дорого, и краски на флинтусы. Столляр велел.

Что твоя рука, милый мой Лёва? Лечишься ли ты? Принесла ли тебе московская поездка хоть малейшую пользу? Господи, как бы я желала с тобой повидаться, поговорить, посидеть с тобой. Что ты делаешь в Москве, где бываешь, кого видишь. Ужасно, сколько дней только по нескольку слов знаю о тебе, а подробностей никаких, и до сих пор писем нет. Лёвочка, на всякий случай пишу тебе на другой стороне реестер, что нам нужно из Москвы, если можно, то попроси Таню и мама купить.—О себе нечего тебе говорить; ты знаешь меня, знаешь, как я люблю тебя и что мне скучно без тебя.

посылаю тебе мое списыванье. Толстой писал в ответ 1 декабря: «Нынче я перечел все присланное тобою, и мне показалось, что это очень гадко, и я почувствовал лишение руки; хотел поправить кое-что, перемарать— и не мог; вообще разочаровался насчет своего таланта, тем более, что вчера диктовал Лизе ужасную ерунду. Я знаю, что это только временное настроение, которое пройдет,— может быть оттого, что нервы не окрепли» (ПЖ, стр. 27).

Иван сейчас приехал. Иван Алексеевич (ум. 1884), яснополянский дворовый.

реестер — на обороте списка предположенных покупок — рукой С. А. Толстой; сюда входят: кусок русского полотна, тонкая фланель, подкладка на халат Льва Николаевича, какао, мыло, гребень и т. п.

№ 8

30 ноября, вечером 1864 г. [Я. П.]

Вчера не писала тебе, милый друг мой Лёвочка, и что-то так неловко на душе, точно я, как бывало, маленькая, Богу не помолюсь. Вчера уже поздно вечером привезли мне твоё письмо, грустное, неприятное, и вчера же получила самую приятную и утешительную телеграмму, что рука на месте и ты здоров. Ну, слава Богу, мне, признаюсь, немного неприятно было, что ты останешься убогий, именно с той точки зрения, что это твое существование немного бы отравило и испортило. Но я до того удивилась, что рассказать не могу. Особенно после письма, в котором ты с такими подробностями пишешь о том, как править нельзя, как уже пустое пространство заросло хрящем и мускулы приведены в параличное состояние и проч. Что побудило тебя править руку? Кто советовал тебе, как правили? Не скоро узнаю я всё это. Давали ли тебе хлороформу? Завтра посыпаю в Тулу за — и с письмом. Но еще описания, как тебя чинили и правили, быть не может. Спасибо, душенька,

что посыпал мне такие частые и правдивые телеграммы. Вижу, что ты помнишь обо мне и понимаешь, как мне дорого знать всё, что до тебя касается. Это бы мне и писать не надо. Лёвочка, письмо твое от 25-го мне очень было грустно. О рукете уж теперь прошло, а Таню, бедную, мне ужасно жаль. Видно она только и дышит, что у нас, а там душно ей. Да, кремлевским воздухом дышать теперь тяжело, особенно таким лёгким, как у Тани. Ей только бы теперь веселиться, развернуться. Два раза молод не будешь. Мне ее ужасно жаль. Утешай ее, Лёва, и зови к нам на лето непременно. Отчего ты, глупый, скучаешь? Я уже писала тебе, чтобы ты рассеивался, нарочно стараися веселиться, а то что же, кой веки раз уехал, и то скучаешь. Я очень рада, что тебе пишется. Это всегда для меня радость. Готовь, готовь мне работы. Я уже соскучилась без переписывания.

Бот нынче-то у нас возня была, Лёвочка. Вообрази, вчера явился поп, просит меня и Машеньку крестить. Мы уж отвёртывались, отговаривались,—нет же, не отделались. Он решился привезти мальчика сюда и нынче явились: Константин Иванович, Василий Иванович, Василий Давыдович, старик. Мы крестили в две пары. Я с молодым попом, Машенька с Василем Давыдовичем. Привез нам поп две полбутылки шампанского, пироги, наливку, рыбу, икру и угощал нас, кумушек. Такая была комедия. Маленького своего сына он привез, который, бедный, бегал, бегал, не знал к кому обратиться, опрундыкался и разревелся. Всё бы это ничего, но нынче же утром я решилась наконец, так как надо же когда-нибудь, начать обивать клеёнку. Мы и переносились всё утро из детской в мою комнату. Всё почти перенесли, комнату внизу опростали совершенно. Здесь, в спальной устроились очень хорошо, и теперь я пишу перед своим туалетом, и херувимчики спят. Ну, вот, в самую то переноску и приехали попы с попёнком. Дети кричат, девочку надо кормить, попёнок кричит — опрундыкался, Серёжа кричит, оттого, что дети кричат, а тут: «елицы во Христа крещаши»... и шампанское и «как прикажете клеёнку кроить», и «чай кушать пожалуйте». Совсем голову потеряла, но всё сошло с рук хорошо. Войлок обили совсем, клеёнку совсем скроили, Иван уже шьет. Будет так хорошо, что чудо. — Главное-то я и не пишу тебе, что у Серёжи понос прошел совершенно, жару тоже почти нет, и вообще ему гораздо лучше, но сипь, на руке особенно, и на лице и везде ужасно усилилась и обезобразила его. Мокнет, чешется, просто страсть. Спит он очень плохо, ночь почти напролет кричит без устали. Совсем уходил нас с няней. Девочка моя цветуща здоровьем и красотой, и полнотой. Чудо, какая растет. Дай бог, чтоб не испортилась. Но в развитии плоха. Ничего не понимает еще,

и успехов без тебя не сделала. А Серёжа вместо того, чтобы начать ходить, вовсе теперь ослаб и не в состоянии даже ходить около стульев.—Похвастала было, что понос прекратился у Серёжи, а к вечеру ему стало опять хуже.

Сейчас приехал большой Серёжа и привез мне твоё письмо, мой милый голубчик Лёва. Все истории о руке остались в прошлом,—но я всё-таки ужасно обрадовалась, и так хорошо мне стало от твоего письма. Только бедная Таня, очень мне за неё грустно, и жаль ее; она много отравляет мою жизнь, потому что я ее очень люблю. После тебя и детей, её и мама люблю больше всего.

Теперь совестно мне стало, милый друг мой, что я не всякий день писала тебе, а пропустила два раза. Это не лень, а совестно всякий день было в Тулу гонять. Когда воротишься ты? ничего-то я про тебя не знаю. Отчего не пишешь ты мне, где бываешь? Как приняли тебя у Сушкиных, что говорили, весело ли было. Мне так всё это интересно. Насчёт своих сочинений и вообще всего, спасибо, что послушал меня. А писем моих лучше не давай. Еще как посмотрят, и мне неловко будет писать; тебе-то и дурно, и хорошо, а всё ловко; ты и осудишь, так так и быть, а от них я уже отсталая. Так, кое-что прочесть можно, а всего не давай. Теперь ты сбинтован, писать не можешь, уж я не увижу твоего милого, крупного, сжатого почерка. Когда-то я твою милую рожу увижу и расцелую. Я без тебя еще больше зарылась в детской, тем более, что Серёжа теперь у няни с рук не сходит, и девочка исключительно на моем попечении. Вчера, Лёвочка, я сделала маленькую *extravagance*.¹ После обеда собрались мы с Лизой (Варе и Машеньке нельзя) гулять. Пошли на скотный двор сначала; видела я в первый раз твоего бычка Пашковского. Чудо, как хорош, вылитый английский бык. Какая серьезная, беспристрастная физиономия, какой сытый, и чудесно сложен. Копыловского глядела; он вовсе плох. Худой, кашляет, совсем не вырос, лохматый. Английские свинки пресмешные: толстенькие, коротенъкие, идут — и все суставчики и мускулы, обтянутые жиром, вытягиваются, съёживаются и трясутся. Свиньи, которых откармливают, уже до того жирны, что вставать не могут, особенно старая свинья. Всё очень сыто и хорошо. Ну и потом вдруг мы с ней расхрабрились и отправились в мелкий Заказ, оттуда низом к броду, кругом, потом на гору, и мимо Чепыжа домой. Шли так скоро, как будто нас ветер нес, и всё болтали. Уже совсем смерклось, немножко жутко, а хорошо было. Я стала очень сильна, нисколько не устала. А природа такая жалкая стала. Всё голо, пусто, кое-где сне-

¹ [Экстравагантность, сумасбродство].

жок; не осень и не зима, а что-то печальное, неопределенное. Лиза всё понимала, в ней поэзия есть; так хорошо она говорила и любовалась засекой и природой, и тоже ей было немножко жутко. Домой пришли, уже было совсем тёмно. Щёки разгорелись, захотелось спать, а тут детки мои разгулялись, привезли телеграмму, письма, пошло всё другое. Из мира поэзии в житейские дела. От Саши и я получила письмо. Всё жалуется на свою жизнь и судьбу. Что это, как они все, мои-то, разладились. Серёжа большой очень весел, едет в Пирогово завтра утром. Я опять засела дома. Вчера напилась холодного квасу и нынче горло разболелось. А я, было, так охотно разгулялась. Пороши у нас еще не было, Серёжа ждет её. Видно, что ему дома стало веселее, чем прежде, но что сказал Алексей Тане,— и похожего нет.— Что, милый Лёвочка, любишь ли ты меня в Москве? Вдруг приедешь ко мне и скажешь, что я ошибался. Иногда, признаюсь, приходит в голову и ревность, и мысли, что ты разлюбишь, но большею частью я покойна. Но рука твоя,— это для меня какая-то загадка. Отчего вдруг вздумалось тебе её править, после всего, что говорили доктора. Правда-ли, что всё благополучно? Я всё еще не желаю, чтобы ты приехал, пока мы не устроимся совершенно, и здоровьем, и комнатами. Теперь я хриплю, Серёжа чешется и понос; у Вареньки тоже болит горло и голова, вот поздоровеем все, и ты, и мы, тогда и заживем веселее. Что рука? Я в таком еще до сих пор волнении, что, как и зачем правили руку? Ну прощай, друг мой милый. Мое удовольствие кончено, я уже не буду получать от тебя собственно писем. Ты опять убогий. А Таню очень, очень прошу, чтоб она о тебе мне писала, как ты будешь себя чувствовать и как ты поживаешь. И о себе также пускай мне душу изливает. Прощай, душенька, целую тебя. Если с тобой что будет, телеграфируй мне опять.

Твоя Соня.

Настоящее письмо, как и предшествующее от 28 ноября (его мы не печатаем), рисуют ту атмосферу, в которой писалась «Война и мир», абсолютно не литературную,— а узко семейную, даже детскую. В автобиографии С. А. Толстой мы находим следующее свидетельство о жизни Толстого в 1864 г.: «Раз как-то я задержалась внизу в детской и написала шуточное стихотворение с запросом, чем все заняты наверху, которое послала наверх Льву Николаевичу и девочкам. Немного погодя получаю ответ, написанный Львом Николаевичем:

Лиза с Варей все за Фетом
С низкой свечечкой сидят,
А ma tante¹ перед буфетом,
Алексей с Дуняшкой спят.

¹ [моя тетя]

Я ж пишу о дырке
В горле медика отца,
Размышил о подтирке,
О пеленках без конца».

(«Моя жизнь» II, 159—160; не напечатано.)

поздно вечером привезли мне твоё письмо — от 25 ноября; в нем Толстой писал: «[Рудинский] смотрел внимательно и решил, что ломать не надо, что был перелом (это признал и Попов), и что полному вправлению могла помешать какая-нибудь подвернувшаяся под головку связка, и что кроме того пустое пространство, которое не занято костью руки, теперь уже наверно выполнилось хрящом (это тоже говорил Попов), и что поэтому пробовать нечего. Он говорил, что рука очень, очень немного не на месте, и что владеть я ей буду гораздо лучше, чем теперь» (ПЖ, стр. 18—19).

приятную и утешительную телеграмму — от 29 ноября; текст ее таков: «Правили руку удачно. Совершенно здоров. Владеть буду свободно. Нужно две недели бинтование, осторожности» (не опубликована, хранится в АТ).

Что побудило тебя править руку? 29 ноября Толстой писал: «Когда Редлих, у которого была выгода брать с меня деньги, на гимнастике сказал, что [б] я правил, то я окончательно решился; по чистой правде, решился я накануне в театре [на представлении «Зора» в Большом театре], когда музыка играет, танцовщицы пляшут, Michel Bode [сын президента Московской дворцовой конторы] владеет обеими руками, а у меня, я чувствую, вид кривобокий и жалкий, в рукаве пусто и ноет» (ПЖ, стр. 22).

как правила? Т. А. Кузминская так описала операцию в своих мемуарах: «Лев Николаевич очень спокойно приступил к операции, но не мог заснуть от хлороформа. Возились долго. Наконец, он вскочил с кресла, бледный, с открытыми блуждающими глазами; откинув от себя мешочек с хлороформом, он в бреду закричал на всю комнату: — Друзья мои, жить так нельзя... Я думаю... Я решил... — Он не договорил. Его посадили в кресло, подливая еще хлороформ. Он стал окончательно засыпать. Сидел передо мной мертвец, а не Лев Николаевич. Вдруг он страшно изменился в лице и затих. Двое служащих, по указанию Попова, тянули из всех сил руку Льва Николаевича, пока не выломали неправильно сросшуюся кость. Это было очень страшно. Мне казалось, что без хлороформа операция эта была бы немыслима. Меня охватил страх, что вот он сейчас проснетесь. Но нет, — когда рука безжизненно повисла, Попов ловко и сильно как бы вдвинул ее в плечо. Я как сейчас вижу всё это, такое сильное впечатление произвела на меня эта операция [...]. Когда он очнулся, то покалывался на боль в руке. Я просидела с ним весь вечер. Он страдал от тошноты — следствие хлороформа — и долго мучался ею. Когда же он через два-три дня писал Соне про операцию, он не упоминал о своих страданиях. Я спросила его: — Ты скрываешь это от нее? — Да нет, да я не особенно страдал. Я думал, будет хуже» (КМЖ, 1864—1868, М. 1928, ч. III, стр. 19).

Таню, бедную, мне ужасно жаль. Толстой писал о Т. А. Берс 25 ноября: «Она плоха. Беспрестанно плачет и молчит почти так же, как было первое время» (ПЖ, стр. 19).

Отчего ты, глупый, скучаешь. Толстой писал 25 ноября: «Вечером поехали опять в Малый театр все, без Тани, в новую дурацкую пьесу, но всё хорошо бы было, только не для меня. Мне всё скучно здесь, кроме моей работы и пенья Тани» (ПЖ, стр. 19). — Толстой был на пьесе «Семейные расчеты» Куликовых.

Я очень рада, что тебе пишется. В письме Толстого от 25 ноября читаем: «Нынче утром я опять писал охотно».

вчера явился поп — Константин Иванович Пашковский (р. 1823) с Ко-
чаковского погоста близ Ясной Поляны, сын дьячка, окончил Тульскую

духовную семинарию, в Кочаках с 1860 по 1876 г. В своей автобиографии С. А. Толстая аттестовала его так: «всегда почти пьяный и очень глупый» («Моя жизнь», II, 70). По свидетельству ныне здравствующего яснополянца И. И. Кандаурова, яснополянские старики помнили, как однажды Пашковский шел со святым по деревне и, увидав игру в бабки, прицелился, и крестом, который был у него в руках, подбил сложенные бабки. Он крестил первого сына Льва Николаевича и, будучи в нетрезвом состоянии, чуть не потопил его в купели.

Василий Иванович — В. И. Карницкий (1831—1881), другой священник Кочаковской церкви, незадолго до того (в 1862 г.) поступивший. Учил закону божию всех детей Толстого. «Был простой, хороший человек с большой семьей» (примечание Софьи Андреевны). Дочь его, Евдокия Васильевна, была крестницей Льва Николаевича.

Василий Давыдович — В. Д. Можайский (р. около 1792 г.), священник Кочаковской церкви с 1817 по 1859 г. Сын священника, кончил курс Тульской духовной семинарии. Крестил Льва Николаевича в 1828 г.

Мы и переносились всё утро из детской. Детская находилась в первом этаже в комнате под сводами, где одно время был кабинет Льва Николаевича. Желая отеплить комнату, Софья Андреевна воспользовалась отъездом Толстого и перевела детей себе в спальню в то время, как обивали kleenкой пол в детской.

«елицы во Христа крещаеши». «Елицы во Христа крестистеся» — трижды поется во время обряда крещения.

Сережка и привез мне твое письмо — от 27 ноября.

Только бедная Таня, очень мне за нее грустно. Толстой писал: «Таня плачет целые дни, как вчерашнее утро. О чем? не добьешься, или все о том же, или о том, что ей скучно. Это правда. Года 3—2 тому назад был ваш целый мир, твой и её, с влюбленьями разными и ленточками, и со всей поэзией и глупостью молодости, а теперь вдруг и после нашего мира, ей очень полюбившегося, и всех передряг, т. е. чувства, испытанного ею, она, вернувшись домой, не нашла больше этого мира, к [которому] у нее [был] с тобой, а осталась добродетельная, но скучная Лиза, и поставлена она лицом к лицу, т. е. ближе к родителям, которая [Лиза] вследствие болезни стала тяжела. Ну, записались на коньки, сделали шапочку мерлушечью, записались в концерт, но этого ей мало. Вчера же она ревела кроме того, потому что через Алексея она будто узнала, что Серёжа женится на Маше» (письмо от 27 ноября, ПЖ, стр. 20).

Как приняли тебя у Сушковых? Николай Васильевич Сушков (1796—1871), писатель, был женат на сестре поэта Тютчева — Дарье Ивановне (1806—1879); Толстой часто у них бывал в 1850 г. Имели литературный салон, где встречались писатели различных направлений.

бычок Пашковский — из высокосортного отродья бычков, культивировавшегося помещиком Пашковым в Приволжском крае.

Копыловского глядела — купленного у Копылова быка. Копылов — тульский купец; часто упоминается в письмах Толстого 1848—1849 гг.

Английские свинки. Толстой одно время очень увлекался свиноводством. В июле 1865 г. он писал А. Е. Берсу в Москву о покупке японских свиней, причем прибавляет: «Я на днях видел у Шатилова пару таких свиней и чувствую, для меня не может быть счастья в жизни до тех пор, пока не буду иметь таких же» (Иллюстр. прилож. к «Новому времени» 1908 г., № 11659).

отправились в мелкий Заказ — лес за гумном яснополянской усадьбы.

мимо Чепыжа домой. Чепыж — смешанный вековой лес близ дома (дуб и липа), являющийся продолжением яблоневого сада в Ясной Поляне. Любимое место Льва Николаевича.

любовалась засекой. Засека — большой казенный лиственный лес (32 000 десятин), примыкающий к Ясной Поляне; тянется через всю Туль-

скую губернию полосой, шириной от двух до пяти верст. В XVI—XVII вв. деревья засекались, в сваленном виде они служили заграждением от набегов татар. Этим объясняется название леса. Ближайшая к Ясной Поляне железнодорожная станция, носившая в настящее время название «Ясная Поляна», расположена среди этого леса и называлась «Козлова засека».

От Саши и я получила письмо. Письмо это не сохранилось. Александр Андреевич Берс (р. 3 ноября 1845 г., ум. 16 ноября 1918 г.) — старший сын А. Е. и Л. А. Берсов. Воспитывался в Московском кадетском корпусе, который окончил в 1863 г. В 1872—1882 гг. служил в Закавказском крае. Участник Турецкой кампании. Был градоначальником города Баку. В 1882 г. получил назначение орловским вице-губернатором. Позднее член совета Московского земельного банка. Вышел в отставку после серьезного ранения, полученного им при проезде в Петербург вследствие крушения поезда Николаевской жел. дор. Был женат на княжне Патти (Матроне) Дмитриевне Эристовой. Развелась с ней, вторично женился в январе 1887 г. на Анне Александровне Митрофановой. — Л. Н. Толстой отозвался так в письме к А. А. Берсу от 4 февраля 1866 г.: «У тебя и сердце и ум (*esprit de conduite*), которое тебе лучше меня покажет, где хорошее и дурное» (не напечатано; хранится в АК). С. А. Толстая писала Татьяне Андреевне 10 декабря 1874 г.: «Лёвочка всегда о нем [Саше] говорит: «вот милый малый и честный, лучше их всех. Он, да Стёпа — это Лёвочкины фавориты из братьев» (не напечатано; хранится в АК). — В 1864 г. А. А. Берс служил в местечке Варки Варшавской губернии.

№ 9

[1864 г. Декабря 3. Я. П.]

Половину письма напишу теперь пораньше, потому что вечером нынче дела много. И ванна, и переноска. Хочу нынче вечером переходить вниз опять, потому что уже сейчас будет готово, а здесь детям холодно. Какой пол вышел чудесный, просто прелесть. Другую половину письма напишу тебе по получении письма. Уж нынче я надеюсь непременно получить известие о тебе, мой милый Лёва, а то уж слишком было бы грустно. Сегодня я опять совсем здорова, и зуб прошел совершенно, только всё немного охрипла. Серёжа всё еще плох. Слабит его не часто, но совершенно как вода, и очень бело. Ясно, что молоко, которое он сосет, проходит насквозь, не перевариваясь. Что всего хуже, что мальчику второй год, и в нём просто ни кровинки, и ручки постоянно холодные. Нынешний раз я не так отчаялась как бывало, потому что он довольно весел, играет, кушает и спит порядочно. Пишу всё подробно тебе, мой милый друг Лёва, потому что это меня очень занимает, и еще для того, чтоб уж ты ни о чем не беспокоился, а знал бы всю истинную правду. — Нынче утром встала, вижу пороша, ночью шел снег; я непременно решилась отправиться с собаками и с Лизой, конечно, пешком. Но не успели напиться чаю, как пошел снег; так и остались. Теперь к вечеру Лиза, бедная, расклелась. У ней болит голова, ей тошно и железа

распухли. Так я и осталась без товарища. Когда ты, мой милый товарищ, приедешь опять к нам? Не могу представить себе, что это будет за счастье, когда я тебя опять увижу, милый мой голубчик. Какой ты? В воскресение будет две недели, что ты уехал, а кажется, что прошло уже два года. Так я и не знаю, как твое здоровье после операции, только телеграмма была утешительная, что здоров и рука на месте. Не испортилось ли что с тех пор. Я всё соображаю, когда можешь ты приехать? Если нужно бинтовать две недели, стало быть ближе этого срока тебе нельзя будет пуститься в дорогу. Кажется ведь только одни сутки езды, а ни ты ко мне, ни я к тебе приехать не можем. Ты девочки нашей не узнаешь, так она выросла и переменилась. Понимать еще ничего не в состоянии, и всё-таки славная и миленькая.

Как то ты ночь провел после операции. Мучился ли ты и кто за тобой ходил. Как я всё подробно о тебе всё пере-думала, и сколько раз страшно становилось за тебя. Слава богу, что ты взял Алексея с собой, а то плохо бы было с чужими людьми.

11 часов вечера.—Сейчас получила два пакета за раз твоих, Таниных и папа писем, и вообрази, сидя в ванне читала их. Хоть бы ты еще когда-нибудь вздумал подиктовать Тане; с таким наслаждением читала я писанное твоим слогом, хотя и не твоей рукой. На счёт руки не совсем еще утешительно, потому что не совсем еще она на месте. Наверное ли только, что лучше? А мне-то как грустно стало, Лёвочка, что Любимов унёс твою первую часть. И так хорошо, а вдруг еще бы лучше. То браница, браница, зачем поправляешь, а теперь самой жаль стало, что продал. Ужасно, свои мысли, чувства, свой талант, просто даже душу продал! Ей-богу, очень жаль, пока не будет совсем напечатано и не оценят порядочные люди. Всё про именины вы хорошо описали, и в день операции суматохи было не мало. Я, читая, совсем перенеслась в ваш мир. А мне теперь мой, ясонополянский,—милее. Видно гнездо, которое сам совьешь, лучше того, из которого вылетишь. Еще долго не увижу я тебя, мой милый Лёвочка. Всё думаю про себя: дай, господи, полегче перенесть, дай, господи, силы побольше. Знаешь, со дня на день всё больше слабею, особенно, как получу письма, да на меня тобой пахнет, так сделается грустно, такой сиротой я себя вдруг почувствую. А жаль, что не ты мне пишешь. Твои первые письма такие были унылые, что-то не хорошие. Ни одно меня не подбодрило, ни одно не прибавило силы легче перенести разлуку с тобой. Лёвочка, любишь ли ты всё еще меня? Это страшнее всего. Признаюсь, я не думала, что так долго ты должен будешь прожить в Москве. Ужасно досадно что потерял целую неделю; целую неделю напрасно разлучались

Лёвочка, береги свою руку, хоть уж не напрасно теперь прошло всё это.— Я нынче к вечеру опять уныла. У Серёжи желудок совершенно не варит. Ей богу, не дошло бы это с его бесконечными поносами до паралича в желудке. Ведь ни на что не жалуется, есть, но так и проходит пища насквозь, не перевариваясь. Пожалуйста, спроси папа, что делать. Я тебе даю честное слово, что если будет плохо, я телеграфирую, а вы телеграфируйте, что делать. А покуда *еще* ничего. Может быть и так пройдет.— Я удивилась твоей бодрости при операции. Слава богу, что всё так прошло. Теперь, как ждать и желать больше нечего, я жду и желаю тебя видеть изо всех сил. Мы перешли в детскую, устроились немного иначе, но очень хорошо. Я очень устала от ванны и переноски, и потому больше не пишу тебе. Прощай, мой милый, девочка кричит, Серёжа тоже. Хотела ей дать соску, чтоб *еще* пописать, да ей это не нравится. Жаль, что не можешь ты писать мне, это меня много бы ожидало и утешило. А *всё-таки* не спеши, голубчик,— береги себя.

Твоя Соня.

Этому письму предшествовало два других — от 1 и 2 декабря, пх мы не воспроизведим.

ты взял Алексея с тобой. Толстой взял с собой в Москву слугу А. С. Орехова.

Сейчас получила два пакета за раз твоих, Таниных и папа писем. От Льва Николаевича С. А. Толстая получила письма от 29 ноября и 1 декабря. В первом Толстой писал: «Ухаживали и ухаживают за мной так, что желать нечего, и только совестно; но, не смотря на всё, вчера с расстроеннымми нервами после хлороформа, особенно после твоих писем, которые пришли четверть часа после операции, я бог знает, как хотел, чтобы ты тут была, не для того, чтобы ты что-нибудь сделала, а только для того, чтобы ты тут была» (ПЖ, стр. 23—24). Письмо Т. А. Кузминской не сохранилось. Письмо А. Е. Берса — от 29 ноября.

Любимов унес твою первую часть. Николай Алексеевич Любимов (1830—1896), профессор физики Московского университета, сотрудник Каткова, принимал ближайшее участие в «Русском вестнике». — Толстой сообщил Софье Андреевне 29 ноября: «Забыл, было, описать свидание с Любимовым перед «Зорей», он приехал от Каткова и, опять слюняво смеясь, объявил, что Катков согласен на все мои условия, и дурацкий торг этот кончился, то есть я им отдал по 300 р. за лист первую часть романа, которую он [с] собою и увез, но когда мой *porte-feuille* запустел и слюнявый Любимов понес рукописи, мне стало грустно, именно оттого, за что ты сердишься, что нельзя больше переправлять и сделать еще лучше».

Все про именины вы хорошо описали. 30 ноября праздновались именини отца С. А. Толстой А. Е. Берса. Лев Николаевич писал так 1 декабря: «О вчерашнем дне писала тебе Таня; отчего я не писал, сам не знаю, кажется, устал, да и весь день для всех был, несмотря на свою торжественность, тяжелый и скучный. Кто ни приедет, с кем ни поговоришь, и Дьякова [жена друга Толстого], и Перфильева Варинька и Саша Кун-фершилдт [скрипач, приятель А. Е. Берса] всё люди хорошие и показывают участие, а бог знает отчего, — не только скучно, но тяжело, как будто под наказанием сидишь с ними[...]. Веселее всего, даже Армфельда

[профессор, друг Берса], блан-манже и пирогов Николая Богдановича [Анке], было вчерашний день то, что мы с Таней и Петей [братья С. А. Толстой] в пристройке повторяли всё «Са-а-ш Кун-фершмидт (!!! staccato)»¹ этаким голосом. Впрочем, Саша Кунфершмидт, Петр Гаврилович [Степанов, актер], няня и многое мне особенно странно и приятно потому, что напоминает тебя девочкой и когда ты была невестой, и это хорошее чувство я второй раз испытываю, живя без тебя в Кремле» (ПЖ, стр. 25—26).

№ 10

[1864 г.] 5 декабря. Утром. [Я. П.]

Сейчас пришла домой, целое утро ходила по хозяйству. Вот тебе подробный отчёт. Сначала отправилась я к овцам. Там всё хорошо очень, все по местам: молодые, старые, бараны, валухи, всё это по особенным загородкам. У молодых нашла только я две старые овцы; немец говорил, что они были плохи, и он хотел их поправить. Корм был, чисто там очень. Видела твоего Рамбульетовского барана; он чудо как хороший, сыт, и шерсть прекрасная. Я немцу говорила, чтоб он старался, он уверял, что очень старается и, кажется, действительно, хорошо. Английские свинки у него очень сыты и хороши, я их даже сама руками пробовала.—Затем я отправилась к Анне Петровне. Ну, тут очень плохо. Телята, особенно три бычка так худы, что все ребра видны. Бычки, которых надо было поить одним молоком, щипят сено, которое разбросано и топчется под ногами. Я ей сделала серьезный выговор; она была очень сконфужена и даже разговаривала не так хорошо. Бычков молочных я велела привязать, чтоб они не допускались до сена, велела лучше поить, подобрать сено. Но я думаю, что бычки уже испорчены и мясо их не будет так бело и хорошо. Затем я отправилась к свиньям. По-моему, свиньи очень сыты — жирны, но корма у них тоже я не нашла. Анна Петровна уверяла, что уже кормила их, и нельзя же поминутно, чтоб был корм. Коныловский бычок тоже плох. Она при мне дала ему немного овса, а сено было раскидано по всей закутке, и он топтал его ногами. И за это я сделала выговор. Пашковский бычок очень сыт и хороший. А какой красавец, — прелесть. У больной коровы была, она уже ест хорошо, и ей лучше. Больше больных нет, все здоровы. У коров четвертый день нет барды, завод стоит и Анна Петровна уверяет, что они оттого спали с тела. Действительно, при мне поили коров; только что нальют воды, а она и замерзнет. У коров чисто, солома только овсяная валялась, я велела ее загрести, — да сено привезенное валялось кое-как у ворот. У лошадей не была, потому что Кондратий уехал за водой, да я и не понимаю

¹ [отрывисто]

ничего. Очень понравилась мне тёлочка Кошловская, прелесть как мила. Ну, потом я пошла по своему птичьему хозяйству. Это тебе не интересно: скажу тебе только, что у меня уже больше недели несутся две курицы, приезжай кушать свежие яички. Нынче вообще, я в тоне настоящей хозяйки, и уже перестаю конфузиться и поддаваться разговорам разных Анн Петровн. Забыла я сказать, что Анна Петровна уверяла, будто телята худы оттого, что у них понос. Но это её же вина. Отчего бы быть поносу, если они в теплой избе и пьются тёплым молоком. Еще Анна Петровна говорила, что коровы не пьют воды потому, что она из пруда очень воняет. Не знаю, умно ли, нет ли, но я велела возить из Воронки. Если и не умно, так недолго, бог даст опять пойдет завод. Верно, прочтя всю эту хозяйственную болтовню, ты будешь надо мной смеяться, скажешь: «вот какой дельной представляется». Я таки признаюсь, что немногого и придаю себе важности, но всё-таки стала кое-что понимать, благодаря моим прогулкам с тобой по конюшням, варкам, скотным, и проч. Ну, теперь о хозяйстве, — вся.

Вечером. Серёжа всё болен и слаб. Понос продолжается и меня часто приводит в отчаяние. Решительно слабит его водой. Так жидко и дурно. Похудел он ужасно, все ребра видны. Я всё терплю, терплю и не знаю, когда уже будет конец. А жаль мне, что ты детей мало любишь; мне они так дороги и милы. А если так, то я тебе ничего о них рассказывать не буду. Какие они и что новенького. Жаль только, что Серёжа не ходит к твоему приезду. Какая это для меня эпоха — твое отсутствие. Но грустная эпоха. А ты теперь, милый Лёва, в каком мире живешь. Мы поменялись: я — в твоем, ты — в моем. А кто такая была Соничка Берс в Кремле, уж осталось одно только предание, а ее уж и помину нет. Мне хочется теперь дойти до идеала моего хорошей хозяйки, главное, деятельной и способной на всё, не говоря уже о заботах о детях, которые явились сами собой, безо всяких усилий. Дочка моя совершенно покуда такая, о какой я мечтала. Такого ребенка я и желала: здоровенького, крепинького, покойного и моего питомца. Мне с ней нет никаких хлопот. Серёжа в настоящую минуту на полу, около меня играет, и всё ложится лицом к kleenке. Она холдит ему золотуху на щечках, и он всё переменяет место, где нагреется. Сначала, Лёвочка, мне всё казалось, что вот-вот ты войдешь, а теперь я приуныла, и уже не жду тебя, а в душе ноет, ноет. В другой раз, может быть, я уже не решусь с тобой расстаться, мой милый друг. Намучашься, а за что? Нынче посидела я и наверху с Машенькой и детьми. Мы говорили грустно. Лиза всё больна, у неё головокружение. Машенька очень тревожится. Нет, не жилица она России, а еще менее — деревни. Да и то, сказать правду, будь мы в городе, рука твоя была бы уж давно совсем здорова,

а теперь, как не рассуждай, а всё грустно, что есть эта неправильность в тебе. Ты всё говоришь; «для тебя мне главное хочется, чтоб рука была вправлена». Отчего для меня? Я тебя от этого меньше любить не буду, а, напротив — больше. Лёвочка сейчас приходил садовник и велел тебе написать, чтоб ты купил семян:

Дыни ананасной большой.

Дыни черноморской большой.

Дыни бухарской.

Огурцов $\frac{1}{4}$ ф., полуголландских.

Спасибо тебе за брамапутров, я им очень рада. Боюсь только, что бабка моя их поморит. Я думаю взять их в кухню. Они скорее занесутся и будут сытее. Серёжа всё ползает по полу, такое ему раздолье, а у меня сердце радуется. Одно только, — не очень гладко натянули они кленку, кое-где складки. Ровно целый кусок нетронутый остался. Вот лишние 5 р. с. Что с ним делать? Когда-нибудь пригодится. — Нынче вечером, вообрази, слышу пенье. Это Наталья Петровна, Машенька, дети развеселились и за чаем стали петь гимн Марии Герасимовны: «своим духом утешаюсь...» и проч. Мне нельзя было, жаль, с ними побывать, девочку укладывала, да вот тебе, моему милому, пишу. Это уже мое удовольствие. Хотя уже восемь часов, но еще из Тулы не возвращались и письма еще нет.

Сейчас привезли твое письмо, милый мой Лёва. Вот счастье-то мне было читать твои каракульки, написанные большой рукою. Всеми любовями, а я то уж не знаю, какими я тебя люблю любовями, да всегда воздерживаюсь говорить о них, потому что ты когда-то сказал: «зачем говорить; об этом не говорят». О Серёже ты очень встревожился, мне жаль теперь, хотя я и не преувеличивала. За доктором не посыпала и не пошлю еще, пока совсем худо не будет. А теперь всё-таки немного лучше и он ползает, играет, ест. Уж я телеграфировала бы, конечно, неужели оставляла бы тебя в неизвестности. Не спеши, друг мой милый, еще увидимся, а руку, главное, береги; потом раскаиваться будешь. — Что это тебе не пишется? Как это жаль. А всё это гадкий хлороформ. И тот раз нервы расстроились, вспомни, и ты тоже разочаровывался в себе и был иногда мрачен, и сомневался в себе. Не поддавайся нервам, милый мой Лёвочка, они тебя надувают. А талант твой не тебе ценить и не пропал же он вдруг теперь, а это хлороформ всё дело испортил. Погоди немножко, всё это придет. А не пишется — будем смотреть на свинок, овец, коров и брамапутров, которых ты привезешь; будем на порошу ходить и наслаждаться природой; будем читать вслух и возиться с детьми. Теперь оцять всё покажется ново. Ты повеселился в Москве. Я не унывала до сих пор, напротив, я сама себе удивляюсь, что была так

бодра. Должна признаться, что хотя мне Серёжа не меньше дорог и мил, но много значит, что есть еще ребенок, это много поддерживает. Теперь няня держит её на руках, она смеется и машет ручонками. Лёвочка, милый, когда-то я тебя увижу, друг мой. Совсем другая жизнь пойдет тогда. А рука, рука, — просто беда. Лучше б маленький Оболенский за Таней ухаживал, она ему скорее парочка, а Лиза такая серьёзная, да и старше его. Зови его к нам, если он милый. Таню очень благодарю за то, что пишет мне за тебя, и цалую ее, душечку. Лёва, нынче целый день только и знаю, что даю рабочим и поденным записки на вино. Завтра праздник, пойду опять по хозяйству. И денег выдаю, заняла у Машеньки 100 р. с., а то больше негде было взять. Даю оттого, что отказать нельзя, а думаю, всё равно должны Машеньке или рабочим людям. — Ну, Лёва голубчик, прощай. Целый день пишу тебе это письмо. Зато уж длинное какое. Прилагаю письмо Серёжки к Алексею. Я так смеялась, когда он с своей улыбкой принес мне и просил переслать. Он очень хорошо расправляется, мы даже не очень замечаем отсутствие Алексея. Прощай; всё бы писала да писала. Да спать пора; еще дочку надо покормить. Я сплю на полу, посреди комнаты и мне очень хорошо. Цалую тебя, милый, и люблю так, как ты, может быть, уж и не можешь любить меня. Письма твои перечитывала двадцать раз, спасибо, что пишешь всякий день.

Сейчас приехал Серёжа, я его не увижу, потому что раздета и должна кормить.

Это письмо Толстой называет большим, сообщая Софье Андреевне так 10 декабря: «Вчера получил вдруг два твоих письма, большое и розовое. Оба письма очень хорошие, и я опять ожила духом, и мне верится, что опять счастливо и скоро увижу тебя, а именно после послезавтра» (ПЖ, стр. 39—40).

Сначала отправилась я к овцам. О своем хозяйстве Толстой писал так А. Е. Берсу в октябре 1865 г.: «Кроме многих радостей жизни, которыми я пользуюсь, есть еще большая радость следить за расположением и улучшением растений и животных моих. Я уверен, что ты бы принял участие в этом, и я с гордостью и радостью показал бы тебе кое-что, что я успел сделать за это время. Куплено мною около трехсот мериносов, а теперь у меня их шестьсот, и весь приплод, рожденный и воспитанный у меня, без всякого сравнения лучше купленных. Ожидаемый же приплод нынешнего года, я надеюсь, будет замечателен, так как производители, купленные у Шатилова, высокой породы бараны [...]. Кроме мериносов я развозжу в Никольском улучшенную породу русских овец и породу малиней (крымских), купленных у Шатилова» (Иллюстр. прилож. к «Новому времени», 1908 г., № 11659 от 27 августа).

валухи — кладеные, выхолощенные бараны или быки.

немец говорил. У Толстого был скотник — немец; о нем упоминает С. А. Толстая в «Моей жизни», II, стр. 169.

отправилась к Анне Петровне. Анна Петровна Банникова служила продолжительное время скотницей у Толстых; жена Ивана Филипповича Банникова. Толстой писал в ответ 10 декабря: «Твое хозяйство отлично. Всё,

что сделаешь, хорошо. И то, чтобы возить воду из Воронки, одна из тех хозяйственных вещей, которые очень трудны и очень просты. Вот я приеду, погоди же ты, Анна Петровна, уж я не раз нарушу твое спокойствие и чай» (ПЖ, стр. 40).

завод стоит. В 1863 г. Толстой увлекался грандиозным планом постройки даже не одного, а сразу двух винокуренных заводов. Затем Толстого свелась к сравнительно незначительному предприятию; он вошел в компанию с соседом Бибиковым, в имении которого Телятинки и был выстроен завод на половинных началах. Просуществовал завод около полутора лет. Свое участие в заводе Толстой продал Бибикову. Торговля водкой шла слабо. Грумантский крестьянин Е. И. Разоренов показал 20 января 1933 г.: «Около Засеки близ старой Крапивенской-Белевской дороги был графский кабак. Этот кабак принадлежал Льву Николаевичу. Это было после отмены крепостного права. Там сидел Алексей Мартынович Комарёв, по прозвищу «Кривошайка» от запрокинутой головы. Я его помню и лично слышал, как он торговал водкой. Построена была хата. Одну бочку он привез от Бибикова и продал. Деньги отдал. Потом привез другую, распродал. А денег то принес графу чуть-чуть. «Куда ж ты деньги девал?» — «Да ведь с сорока-то ведер денег мало. — Да я, ваше сиятельство, проторговался, раздал мужикам, пристал народ». — «Это плохая привычка, на тебя не навозишься». И прекратил торговлю. А кабак сломали». — По приходным яснополянским книгам от Гредовского кабака получено прихода в июне 1869 г. 55 рублей.

Воронка — речка в версте от яснополянской усадьбы.

жалъ мнѣ, что ты детей мало любишь. Толстой писал 11 декабря: «Грустно, что о Серёже всё ты не пишешь; что понос, прошел? Не говори и не думай, что я их не люблю. Одно из главных желаний моих, чтоб Серёжа был совсем здоров. Больше я бы ничего не попросил бы у волшебницы. А я не люблю их в сравнении с тем, как я тебя люблю» (ПЖ, стр. 41).

всѧ — т. е. «всё сказано».

Наталья Петровна — Н. П. Охотницкая, бедная дворянка, жившая при Т. А. Ергольской. После ее смерти поселилась в богадельне, учрежденной в Спасском И. С. Тургеневым, где и умерла, впавши в слабоумие. В своих мемуарах С. А. Толстая отзывалась о ней так: «приживалка тётиньки, очень глупая и безвредная старушка, которая рассказывала, что муж ее был офицер, что у нее было двое детей, которых ей в походах и переездах неудобно было кормить грудью, и она их кормила соской[...]. «Только станут привыкать к соске — и помрут». («Моя жизнь», И, стр. 1).

Марья Герасимовна — монахиня, крестная мать М. Н. Толстой.

Сейчас привезли твое письмо — от 2 декабря (ПЖ, стр. 28—30).

Всеми любовями. Своей нетвердой рукой Толстой вписал в письмо от 2 декабря следующие строки: «Прощай, моя милая, душечка, голубчик. Не могу диктовать всего. Я тебя так сильно всеми любовями люблю всё это время. Мильй мой друг. И чем больше люблю, тем больше боюсь» (ПЖ, стр. 30).

Что это тебе не пишется? Толстой писал 2 декабря: «Сегодня утром я диктовал немногого Тане, читал книги для романа и перебирал бумаги из архива, которые, по протекции Сухотина, они приносят на дом. Но несмотря на богатство материалов здесь, или именно вследствие этого богатства, я чувствую, что совсем расплываюсь и ничего не пишется. Я пересиливал себя, диктовал» (ПЖ, стр. 29).

маленький Оболенский — кн. Дмитрий Дмитриевич Оболенский (р. 1844), тульский помещик, знакомый Толстых. Его имение Шаховское Богородицкого уезда находилось в шестидесяти верстах от Ясной Поляны. Ему принадлежат: «Воспоминания» («Русский архив» 1894, 10) и «Отрывки»

(из личных воспоминаний) («Международный Толстовский альманах» 1909).

Прилагаю письмо Серёжки к Алексею. Сергей Петрович Арбузов (1849—1904), сын дворового человека помещика Воейкова Крапивенского уезда и няни у Толстых. Учился в яснополянской школе, через год был взят в дом в качестве помощника лакея. После назначения А. С. Орехова приказчиком, С. П. Арбузов стал старшим лакеем в доме. Прослужил у Толстых 22 года. Автор книги: «Гр. Л. Н. Толстой — Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги графа Л. Н. Толстого». М. 1904.

Я сплю на полу — «боялась при кормлении ночью, сидя, задремать и уронить ребенка» (прим. Софии Андреевны). — Толстой писал в ответ 10 декабря: «Ты меня так удивила, объявив, что ты спишь на полу; но Любовь Александровна сказала, что и она так спала, и я понял. Я и люблю, и не люблю, когда ты подражаешь ей. Я желал бы, чтоб ты была такая же существенно хорошая, как она; но хочется, чтоб ты была (как оно и есть) более тонкой работы и с большими умственными интересами. Оно так и есть» (ПЖ, стр. 40).

приехал Серёжа — С. Н. Толстой.

№ 11

[1864 г.] 7 декабря. Вечером. [Я. П.]

Сижу у тебя в кабинете, пишу и плачу. Плачу о своем счастье, о тебе, что тебя нет; вспоминаю всё свое прошедшее, плачу о том, что Машенька заиграла что-то, и музыка, которую я так давно не слыхала, разом вывела меня из моей сферы, детской, пеленок, детей, из которой я давно не выходила ни на один шаг, и перенесла куда-то далеко, где всё другое. Мне даже страшно стало, я в себе давно заглушила все эти струнки, которые болели и чувствовались при звуках музыки, при виде природы, и при всем, чего ты не видел во мне, за что иногда тебе было досадно. А в эту минуту я всё чувствую, и мне и больно и хорошо. Лучше не надо всего этого нам, материам и хозяйствам. Еслибы ты видел, как я теперь плачу, ты бы удивился, потому что я сама не знаю, о чём. Я всегда раскаивалась, что мало во мне понимания всего хорошего, а теперь, в эту минуту, я желаю, чтобы никогда не пробуждалось во мне это чувство, которое тебе — поэту и писателю — нужно, а мне — матери и хозяйке — только больно, потому что отдаваться ему я не могу и не должна. — Лёвочка, когда увидимся, никогда не спрашивай меня, что со мной было и о чём я плакала; теперь я всё тебе могу сказать, а тогда мне будет стыдно. Теперь я слушаю музыку, у меня все нервы подняты, я люблю тебя ужасно, я вижу как заходит красиво солнце в твоих окнах, Шуберта мелодии, к которым я бывала так равнодушна, теперь переворачивают всю мою душу, и я не могу удержаться, чтоб не плакать самыми горькими слезами, хотя и хорошо. Лёвочка милый, ты будешь надо мной смеяться, скажешь, что

я сошла с ума. Сейчас зажгут свечи, меня позовут кормить, я увижу, как дурно мается Серёжа, и всё мое настроение пройдет разом, как будто ничего со мной не было. — Машенька стоит в спальне у окна, я сейчас прошла мимо, и сморкается. Мне кажется, что и она плачет. Что с нами сделалось? Я к ней не подошла, но мне показалось. — Оглядываю всё твой кабинет, и всё припоминаю, как ты у ружейного шкапа одевался на охоту, как Дора прыгала и радовалась около тебя, как сидел у стола и писал, и я приду, со страхом отворю дверь, взгляну, не мешаю ли я тебе, и ты видишь, что я робею, и скажешь: войди. А мне только того и хотелось. Вспоминаю, как ты большой лежал на диване; вспоминаю тяжелые ночи, проведенные тобой после вывиха, и Агафью Михайловну на полу, дремлющую в полу-свете, — и так мне грустно, что и сказать тебе не могу. Не приведи бог еще раз расстаться. Вот это настоящее испытание. Еще почти неделю я не увижу тебя, мой милый голубчик. Нынче посыпала в Тулу Серёжку, он привез мне два письма, одно от Тани, другое — твое, где всё воспоминания о прошлом. Будто уж нам не будет никогда хорошо, что мы только всё вспоминаем; то-то, что теперь то нам грустно и очень плохо жить на свете. О твоей руке я и говорить не могу без особенного огорчения. Сколько было хлопот, горя, и что вышло? Всё то же. По всему вижу, что операция отняла много времени, прибавила много страданий и тебе, и мне, а пользы вышло мало. Всего больше боюсь, что ты бы не стал хандрить оттого, что рука твоя не будет так хорошо владеть, как прежде. Захочешь сделать то да другое, а рука не двигается хорошенко, вот и унывать начнешь. А теперь тебе кажется, что хорошо дома, в Ясной Поляне, а приедешь, поживешь, я опять тебе надоем; и поноссы, и дети, — всё покажется скучно. Кстати о Серёже скажу тебе, что понос всё продолжается безо всяких перемен уже несколько дней. Он весел, но слаб и худ. Девочка благополучна, но нынче весь день плохо спит и беспокоится, что у меня отнимает много времени. Несмотря на то, успела нынче прочесть в новом «Русском вестнике» глупейшую повесть: «Дочь управляющего» и начало английского романа «Армадель», который меня очень заинтересовал, так что я провела приятный час времени. Удивительно, что столько английских писателей, и все очень интересны, а у нас всё пишут какие-то глупейшие повести. «Наш общий друг» всё еще я не читала дальше, потому что отдала Серёже. — Лёва, вообрази, друг мой, какое горе. Няня ходила на вечеринку к Анне Петровне и, возвращаясь, упала, и у неё хрупнула ужасно кость ноги; теперь в полчаса страшно распухла щиколка, она очень страдает, не знаю, что делать. Кладем холодные компрессы, а завтра пошлю за доктором. Наступать она может, но с большой болью. Я не

унываю, за меня не беспокойся; я здорова, сильна, и всё могу сделать. Лиза тоже больна, кажется желудочной лихорадкой. Мы посылаем за доктором Вигандом, а теперь ей правит ногу та самая бабка, которая правила тебе. Если будет плохо, пошлю за Преображенским. Как не ругай их, а без них не обойдешься. Девочка у меня на руках, а я спешу писать тебе, мой милый друг. Видишь, я ничего от тебя не скрываю, а ты будь благоразумен, не беспокойся слишком, и не езди домой, если доктора запрещают. Если будет что-нибудь очень плохо, я тебе телеграфирую. Надеюсь что у няни просто ушиб и опухоль жилы, оттого, что ведь она может, хотя с болью, ступить на ногу. Вот несчастное время то! Только не достает, чтобы я свихнулась. А я молодцом. Вчера поболело горло, а нынче и то прошло. Бабка говорит, что у няни вывих, это очень прискорбно. Прощай, друг милый, теперь мне дела прибавится вдвое, и я буду меньше тебе писать. Цалую тебя крепко. Что это на нас какие напасти. Серёжа, к несчастию, ни к кому больной не идет. Придется ей лежать и укачивать его на руках. Я буду его подавать ей. Обо мне не беспокойся, я слажу отлично с помощью Душки и Дуняши.—Бабка сейчас правила, няня уверяет, что ей много стало легче, и перестала стонать. Может быть просто ушиб и легче от холодной воды с камфарным спиртом, которые мы ей прикладывали. Что ты? Что твоя несчастная рука? Воображаю, как ты еще похудел. Цалую милую Таню за то, что она тебя так соблюдает и за то, что, я и ты, мы ее любим. Про мама и говорить нечего. Я ей не пишу оттого, что слишком много хотела бы ей сказать, она и так знает, как я ее люблю, и ты это знаешь. Лёва милый, правда, что пока мы с тобой любим друг друга, всё можно перенести, на всё хватит силы.

Твоя Соня.

Предшествующее письмо (от 6 декабря) опускаем.

Шуберта мелодии. Франц-Петер Шуберт (1797—1828), немецкий композитор.

Аиафья Михайловна — (1808—1896) (КК), крепостная горничная Пелагеи Николаевны Толстой, бабки Льва Николаевича. Описана Толстым в «Детстве и отрочестве» в лице Гаши. В семье Толстых ее называли собачьей гувернанткой за ее любовь к собакам. О ней Т. Л. Толстая-Сухотина «Друзья и гости Ясной Поляны», М. 1923, стр. 111—121 и Илья Толстой «Мои воспоминания», 1914, стр. 18—24.

два письма, одно от Тани, другое — твое. Письмо Толстого от 4 декабря; в нем он писал: «Милая моя Соня, сейчас был я у Аксакова, который, помнишь, стоял тебе стольких слез и мне такого раскаяния. Как я помню это чувство, когда я подъезжал к дому, и ты выскочила мне навстречу. То мне только и радостно здесь, что напоминает тебя. И сейчас опять же Аксаков так живо напомнил мне то прекрасное время, когда ты в Покровском сидела с Нилом Поповым на приступочке, и я, притворяясь, что мне ничего, изо всех сил ревновал тебя и любил, только совсем

иначе, чем теперь» (ПЖ, стр. 31) — Толстой вспомнил тот случай, когда он заговорился у И. С. Аксакова до 4 часов ночи, а бывшая с ним в Москве Софья Андреевна, не ложась спать, сильно о нем беспокоилась.

«Дочь управляющего» — повесть «N», напечатанная в октябрьском номере «Русского вестника» за 1864 г., стр. 632—675.

«Армадель». Начало романа Вильки Коллинза. «Армадель» напечатан в № 10 «Русского вестника» за 1864 г., стр. 676—727.

«Наш общий друг» — роман Диккенса.

Преображенский — Василий Григорьевич Преображенский (1839—1887), тульский врач, хирург и акушер.

Душка — Авдотья Ивановна Банникова (р. около 1852 г.); дочь скотницы Аины Петровны.

Дунляша — Авдотья Николаевна Банникова, позднее жена А. С. Орехова.

Толстой писал в ответ 11 декабря: «Душа моя, я радуюсь твоим слезам, понимаю их очень, люблю их очень, очень. Только страшно, не примешивается ли к ним сожаленье, и не мог ли я сделать, чтоб не было этого сожаленья?» (ПЖ, стр. 41).

№ 12

[1864 г.] 9 декабря. Среда. Вечер. [Я. П.]

Милый мой друг Лёвочка, наконец утешительное, радостное письмо, что ты приедешь. Как я давно ждала этого и боялась вызывать тебя. Почти наверно знаю, что письмо это не застанет уже тебя, но пишу на всякий случай. Лёва, мой милый, что это ты как духом упал; как тебе не стыдно, голубчик мой, это на тебя не похоже. Всё пройдет, всё это следствие хлороформа, — я это предвидела и говорила об этом с Серёжей. Твои нервы все расстроены, а некому утешить тебя; народ такой там живет всё грустный, не бодрый. Бедные они все, бедная Таня, мама. Кажется всех бы взяла в свой мир детей, моего счастливого *intérieur*,¹ где играет забавный Серёжа с двумя дудками в руках, и блестит глазёнками моя Танюша, и где мне так хорошо и приятно, и легко живется, — когда только еще ты тут. А без тебя всё пусто, и трудно, и грустно. Я ужасно раскаиваюсь, что писала тебе письма в дурном духе. По крайней мере не обманывала тебя. Какая была, такая и тебе явилась. А право, Лёва, я не жалуюсь, но иногда спишишь ночь только пять часов и меньше, и весь день голова кругом идет, особенно как у детей была оспа, а у Серёжи понос. Теперь всё слава богу; дети здоровы, ноге няниной лучше, пиявки ставили, Серёжа почти всё с Душкой, и я ее сменяю, а няня исполняет все дела сидячие, т. е. нянчит девочку, укачивает Серёжу и проч. Живем понемногу. Лёва, милый, как мне грустно про роман твой. Что это ты со всех сторон оплошал. Везде тебе грустно и не ладится. И зачем ты унываешь, зачем падаешь

¹ [интимного обихода]

духом. Неужели сил нет подняться. Вспомни, как ты радовался на свой роман, как ты всё хорошо обдумывал, и вдруг теперь не нравится. Нет, Лёвочка, напрасно. Вот как приедешь к нам, да вместо грязного, каменного Кремлевского дома, увидишь наш Чепыж, освещенный ярким солнцем и поле, усаженное смородиной, малиной и проч., и вспомнишь всю нашу счастливую жизнь, и пойдем мы с тобой на порошу, и будем нянчить своих деток, и ты мне начнешь опять с веселым лицом рассказывать свои планы писанья, у тебя пройдет вся ипохондрия твоя, ты почувствуешь, как улетучится весь хлороформ из тебя, и нервы успокоятся, и всё пойдет хорошо. О руке я успокоилась более, чем прежде, может быть она и будет подниматься совсем хорошо. Скучно ждать, и как-нибудь сократим время. Ты будешь мне диктовать, мысли опять придут; стрелять нельзя, — ну это так и быть. У нас, Лёва милый, не поладили что-то дети вечером, и я провозилась, так что пожалуй, не успею тебе много написать. Вообрази, Лёвочка, нынче явился ко мне наниматься карлик, один р. с. в месяц, в помощники к повару. Он ужасно мал и безобразен. Я думаю, что не оставлю его, он неприятен, но такой жалкий и старательный. Берется колоть дрова на весь дом; стало быть это заменит поденного. Как мне нынче было досадно. Говорят, что староста отправил пастуха Якова, говоря, что и без него народу много. В хозяйстве всё идёт понемногу. Завтра будет барда, пойдет завод. Телята всё в ужасном положении.

Ну, никуда не годный мой муж, но милый и которого я ужасно люблю, теперь я совсем ожила, когда знаю, когда ты приедешь. Как я буду ждать тебя целый день, и постараюсь быть сама здорова, и чтоб дети были здоровы, и чтоб всё было благополучно. А ты, мой бедный, убогий, милый, не унывай, ради бога, будь бодр, — какая я дура, все мои утешения напрасны, теперь поздно, и я так мало утешала тебя в своих письмах, и пожалуй еще меньше буду утешать при свидании. Только я так рада тебе буду. Грустно у вас там в Кремле, плохо. А я-то счастливая, какую мне бог судьбу послал. Только несчастная рука. Лёва, милый, прощай, у дочки животик болит, и нянчить некому; я и так пишу урывочками, и спешу ужасно. Да теперь скоро увидимся, голубчик, друг мой. Уж поздно, детей [никак] не уложим, и сама почти не гляжу глазами. Если застанет тебя это письмо, то одно прошу тебя, ради бога не падай духом. Я, бывало, так любила, когда ты говорил, что это значит хандра — пустяки. О нас не беспокойся, одна Лиза только нездорова, но на ногах, у неё страшная болезнь во рту. Няня дня через два, три, верно, пойдет молодцом. Ну, прощай, и так девочку бросила, чтоб писать тебе. Машенька ужасно мнительна и с ума сходит о Лизе, а доктор

сказал, что ничего нет. Цалую тебя, покуда еще будто бы, но скоро в самом деле. Что ты мало пишешь о мамá? Когда-то я их всех увижу. Мне без тебя приходило раза два такое желание увидеть всех своих кремлевских, и даже грустно делалось.

Предшествующее письмо от 8 декабря не печатаем.

наконец утешительное, радостное письмо — письмо от 6 декабря; в нем Толстой писал: «Боюсь тебя обманывать, но через неделю, верно, буду уж с тобой вместе переноситься из детской на верх[...]. Ежели я тебе мало пишу о детях, Серёже и Тане, то ты из этого не заключай, чтоб их положение мне было мало интересно: напротив, все, до малейших подробностей хотелось знать о них, а в нынешнем письме ты пишешь, что у Серёжи понос опять, а не описываешь подробно, в какой степени» (ПЖ, стр. 33—34; неверно датировано 7 декабря).

что это ты как духом упал. Толстой писал: «Сейчас говорил это Тане, и тебе должен сказать, хоть и совестно. Я ужасно нравственно опустился эти последние три дня; ничего не делаю, даже не съездил в библиотеки, куда мне нужно, ни к Каткову переговорить о романе, а с утра до вечера шляюсь по комнатам и уныло слушаю невеселые 50-ые шуточки Александра Михайловича [Исленьева]. — Все это, может-быть хорошо, но мне здесь одному, т. е. без тебя, не вынести еще столько же. С завтрашнего дня намерен строго ходить в струне» (ПЖ, стр. 33—34).

как мне грустно про роман твой. Толстой писал: «У меня еще горе — я начинаю охладевать к моему писанию, и, можешь себе представить, ты, глупая, с своими неумственными интересами, мне сказала истинную правду. Все историческое не клеится и идет вяло. Я утешаюсь, что от этого нейдет вперед. Я расклеился. Оправдываю себя тем, что это от положения руки, которое опять стало неопределенno. И досадно» (ПЖ, стр. 34).

явился ко мне наниматься карлик, — звали его Афиногеныч. «Безобразный, с огромной головой, коренастый и с большим юмором в речах и характере» («Моя жизнь», II, стр. 168). С. А. Толстая писала о нем сестре 29 декабря 1864 г.: «Вчера карлик, которого мы наняли, нарядился девочкой и принялся плясать, но так отлично и легко, что мы дали ему цепковый и хохотали ужасно» (хранится в АК; не опубликовано).

староста — Василий Ермилович Зябрев, помощник управляющего по имению.

Грустно у вас там в Кремле, плохо — отклика на следующее место из письма Толстого: «Сейчас уехал Василий Исленьев; он имеет вид доброго малого и прост; но что-то есть в нем, как-будто у него на душе много стыдного и гадкого; такое он мне делает впечатление и раздражает меня. Кроме того, тут Александр Михайлович, который просто противен; и с тех пор, как он тут, мне еще тяжелее становится здесь» (ПЖ, стр. 33).

№ 13

27 июля 1865 г. 12 часов дня. [Покровское.]

Милый Лёвочка, всё хорошо и благополучно. Серёжа так же, как вчера; у меня зуб прошел. Теперь мы все вместе сидели в доме, и Машенька рассказывала свое грустное прошедшее с мужем. Как-то особенно грустно и больно было вчера, когда ты уехал. Ради бога береги свое здоровье. У меня из головы не выходит твой шум в ухе и твоя боль в желудке. Пиши мне главное о здоровье.— Вечером вчера приехала Фионочка. Она очень милая и я подумала, что невозможно опошлеть около такого простого и чистого существа. Мы с ней сидели больше в бане у детей. Она так хорошо их забавляла, что они оба её пустить не хотели, так и лезут к ней на руки. Из этого я больше заключила, что она прекрасная женщина. Кругленский барон пока пел с Таней и аккомпанировал ей на фортепиано. Он очень хорошо играет на гитаре, особенно трепак. Мне нынче так показалось страшно спать одной, что я положила на твоё место девочку, и опять буду спать с ней. Она такая покойная, и так приятно слышать около себя дыханье маленького существа.

Таня большая поет и я всё её слушаю, и мыслей не соберу писать тебе. Только под музыку еще скучнее без тебя, и еще яснее представляется, как ты вчера вечером отъехал, и я осталась одна. А нынче послушала рассказы Машинки о её несчастиях, и совестно стало за свои маленькие горести перед таким большим несчастием. А мне теперь кажется самым большим горем, что тебя нет.— Лёвочка, завтра поеду к баронам, они очень звали, и буду помнить всё время твои родительские наставления. А на счёт полосканья во время сердца, я нынче утром уже употребила это средство, и очень рада. Сейчас идем купаться, а Машинка поедет нынче к Сухотиным. Я еще не бралась за переписыванье, но постараюсь всё исполнить. Прощай, Левочка милый; нынче нечего

еще писать. Так еще мало времени прошло, к несчастью, с тех пор, как ты уехал. Завтра, может быть, не буду писать, а пошлю после завтра. Не знаю еще и это письмо с кем пошлю.

Соня.

25 июля 1865 г. Толстой отвез свою семью в имение своей сестры М. Н. Толстой «Покровское», а сам выехал к соседям Новосильцовым и Киреевскому, куда ему и писала Софья Андреевна.

Машенька рассказывала свое грустное прошедшее с мужем, Валерьян Петрович Толстой (1813—1865) в 1847 году женился на М. Н. Толстой, приходившейся ему троюродной сестрой. Через 10 лет он с ней порвал, находясь в сожительстве с мещанкой Еленой Гольцевой, от которой имел двух дочерей и сына. Умер в Липецке, оставив большую часть наследства своей второй семьи. Формального развода с мужем М. Н. Толстой не добилась, вследствие чего ее связь с Гектором де-Кленом оказалась не прочной.

приехала Фионочка — Хиония Александровна, рожд. Чапкина, по мужу — баронесса Дельвиг. Соседка и приятельница М. Н. Толстой. См. о ней КМЖ, III, М. 1928, стр. 74—75.

Мы с ней сидели больше в бане. Софья Андреевна поместились с детьми и няней в пустовавшей бане в усадьбе Марии Николаевны.

Кругленький барон — бар. Александр Антонович Дельвиг (1818—1882), меньший брат поэта, штабс-капитан гвардии, муж Хионии Александровны.

полоскания сердца. Вероятно образное выражение — в смысле умиротворения настроения.

Машенька поедет нынче к Сухотиным. Соседи М. Н. Толстой по Покровскому Павел Иванович и Анна Петровна Сухотины, жившие в имении Паринцово.

№ 14

28 июля. 1865 г. Вечером. [Покровское.]

Сейчас только приехала я от Дельвигов, милый друг мой Лёва. Я провела там только два часа, ездила в тележке с Павлом, совершенно независимо от всех. Ничего не могу тебе рассказать о их вечере и гостях. Провинциальный сброд, с бледными барышнями, с провинциальным львом в русском бархатном казакине и черных пу-де-суга панталонах. Совсем не весело и не смешно. Petits jeux¹ скучные, шутки кавалеров глупые и не смешные; варенья разных сортов на блюдечках, старички играли в карты и дети мелькают кое-где и кое-когда в ёёстрых платьицах и панталончиках с оборочками. Только мили очень сами хозяева, т. е. веселая и, действительно, удивительно простая Фионочка и сам барон. Добродушные и, в самом деле, с отсутствием всякого тщеславия. Я нарочно искала его в чем-нибудь, и не нашла. Машенька в их обществе в большом почёте, и меня очень фетировали. Мне и не хотелось ехать, так страшно оставлять было

¹ Игры

детей хоть на два часа. Впрочем они благополучны и здоровы. Только Серёжа всё охрип; я удивляюсь, что не проходит.

Что же я ничего не пишу тебе о том, что нынче я получила утром твое милое письмо, милое оттого, что ты меня тоже пожалел оставлять, и что не мне одной было так больно и грустно, когда ты уезжал. Я этому очень обрадовалась, и письмо твое было такой радостью нынешнего дня, что я его везде с собой таскала и перечитывала. Я не удивилась, что ты у Новосильцовых задержался, рада, что ты отдохнул и рассеялся. Где бы ты ни был, и что бы ты ни делал, я всему буду рада, только бы ты был главное здоров, а потом весел. А ты ничего не написал мне о желудке и о шуме в ухе. Барабан теперь опять поправляется и стал есть корм, а то ты его таки уходил порядочно. Хочу тебе написать, что мы делали вчера и нынче, да не припомню хорошенъко. Вчера только помню, что занимались утром вышиванием и бисером, потом купались два раза и ели много крыжовнику. А вечером Машенька уехала к Сухотиным, а мы вчетвером, самая-то молодежь, всё разговаривали, были в поэтическом расположении духа, и припоминали девочкам свое детство и молодость первую, и рассказывали кое-что. Потом приехала Машенька, и видно уж такой был вечер à confidences,¹ девочки ушли спать, а она мне и Тане подробно рассказала свой роман с Тургеневым и свой заграничный роман. Мы разошлись очень поздно, и я потом долго не могла спать, всё ты мне в половину во сне, а в половину на яву мерещился, и как будто указывал в угол, где мелькали огоньки, и говорил: «гляди, гляди...». Так было страшно и одиноко. Только девочка, которая спит со мною, утешала меня и радowała своим присутствием.

Нынче встала так поздно и голова так болела. Я всё утро одевала и устраивала Машеньку и барышень в гости. Кому бантик, кому серьги, кого причесать. Они поехали рано, к обеду, а я всё время часов до шести тебе списывала и подвинулась таки вперед порядочно. В шесть встали дети, и я с ними обедала в доме. Мне с ними было так весело и хорошо. Серёжа так ел аппетитно, и такой был милый. Уже почти в восемь я поехала к баронам. Завтра утром посылаю это письмо, а от тебя, верно, еще не будет. У баронов разные господа о тебе спрашивали, о твоем писательстве. «Туда же лезут рассуждать», — подумала я несколько раз. А всё-таки, бог знает от кого, а мне приятно, когда говорят о тебе и хвалят. Милый мой Лёвочка, где-то ты теперь? Я всё думала, что настоящие охотничьи дни, тепло и дождик моросит. Дай бог, чтобы тебе было хорошо и весело. Прощай, далую тебя, душенька. Пиши мне чаще, пожалуйста.

¹ откровенностей

в тележке с Павлом, вероятно с кучером М. Н. Толстой в ее имении «Покровское».

пу-де-суг — шелковая материя с вышивкой.

фетировали — чествовали.

*получила утром твоё милое письмо. Толстой писал из имения Новосильцовы
х Орловской губ. 27 июля: «Старик заговорил меня своими анекдотами и
рассказами из моего доброго, старого времени 12 года [...] можешь
себе представить, вид его хозяйства побудил меня к тому, что ты любишь
и желаешь, подчинить в Ясной [...]. Я рад, что этот день меня развлекали,
а то дорогой мне уже становилось за тебя страшно и грустно. Смешно
сказать: как выехал, так почувствовал, как страшно тебя оставлять»* (ПЖ, стр. 44—45).

*у Новосильцовых. Толстой поехал к Петру Петровичу Новосильцову (1797—1869). Новосильцов в молодости служил в кавалергардах; в 1838—
1851 гг. — московский вице-губернатор, в 1851—1858 — рязанский губер-
натор. В 1866 г. состоял при министерстве внутренних дел. Тайный
советник.*

*Барабан — «старая лошадь, на которой мы много ездили» (прим. Софии
Андреевны).*

подробно рассказала свой роман с Тургеневым. Во время своей ссылки в Спасском-Лутовинове Тургенев познакомился с гр. В. П. Толстым, как своим соседом. Их сблизили охотничьи интересы. Познакомившись с М. Н. Толстой в октябре 1854 г. за год до знакомства с Львом Николаевичем, Тургенев к нему увлекся. Творческим последствием этого увлечения явилась повесть Тургенева «Фауст», в которой он изобразил Марию Николаевну. В своих письмах к Л. Н. Толстому, он так отзывался об его сестре: «Если есть на свете женщина, которая заслуживает быть счастливой, так это она; а на такие-то натуры судьба и налегает» (от 8/20 декабря 1856 г. из Парижа); «я искренно к ней привязан — и известие о ее болезни меня сильно опечалило» (от 3/15 янв. 1857 г. из Парижа); «с Вашей сестрой жить очень легко» (от 25 ноября — 7 декабря 1857 г. из Рима) — см. «Толстой и Тургенев. Переписка», ред. А. Е. Грузинского и М. А. Цявловского, изд. Сабашниковых. М. 1928, стр. 24, 31 и 39.—Об отношении Тургенева к М. Н. Толстой см. также вступительную заметку В. И. Срезневского к 16 письмам Тургенева к В. П. и М. Н. Толстым («Звенья», первый сборник). Имеется также очерк о М. Н. Толстой и Тургеневе И. М. Грэвса (не напечатано).

№ 15

29 июля 1865 г. [Покровское.]

Никак не ожидала я себе такого счастья, милый мой Лёвочка, что ты пришлешь мне еще письмо. Только нынче встала, Душка подает мне маленькое письмечко; я удивилась от кого бы это, и вдруг опять от тебя. Плохо, что здоровье твое всё нехорошо, ты не поверишь, как я мучаюсь постоянно о твоем здоровье. Опять мне стало приятно, что ты обо мне всё думаешь; только с чего ты взял, что мы были равнодушны друг к другу перед разлукой. Я не была равнодушна, мне было грустно, что ты едешь, и главное едешь больной. А твое равнодушие я считала за желчное, нездоровое расположение, в котором ничто не мило и ничто не трогает. Хорошо бы, кабы ты приехал раньше, но

я боюсь просить тебя; тебе, может быть, будет весело, а мне не надо быть эгоисткой. А еще неделя до срока, до пятого числа.

Вообрази, целый день, как кто едет, смотрю в окно, не катки ли, не ты ли, может быть, соскучился и едешь назад. Но это так, глупая фантазия. В каком ты нынче состоянии, нашёл ли Киреевского? А дни всё теплые, хорошие, и для охоты хороши; жаль, если пропадают в поисках и погоне за Киреевским. А я всякий вечер считаю, слава богу, еще день прошел, а на сон грядущий тебе пишу. Нынче опять мы встали очень поздно, моя девочка, которая со мной неразлучна, вдруг ночью села возле меня и начинает — ма, ма, ма, а в комнате уже свеча была потушена, я так удивилась. Так и провозилась я с ней до трех часов почти ночи. Она была такая веселая и оживленная. Потом пили в доме кофе, рассказывали друг другу о приключениях и торжественном дне у баронов. До купанья я всё списывала, но дело идет тихо. Начну списывать, то дети помешают, то мухи кусали ужасно, а то станет интересно и я читаю дальше, и начинаю думать и судить сама себе о всех лицах и действиях твоего романа. Мне очень Долохов нравится. Но я чувствую себя всё-таки действительно пошлой, читающей публикой. Купаться мы ходили все, даже мои дети. Серёжа смеялся, а девочка всё кричала — ма, ма, ма, и лезла ко мне в воду. После обеда мы все были в саду на ягодах, а потом я велела закладывать в тележку Барабана и поехала с Серёжей кататься просто по полю, по гладенькой дорожке. Сначала он был очень весел, мы ему дали возки и он погонял лошадь, кричал тпrr, показывал на Навла, смеялся и говорил: Па. А потом вдруг заснул. Когда приехали домой, он опять отправился гулять, я его катала по саду в тачке, ему это очень нравилось, и он закатывался от радости. Сейчас пили чай, а теперь, как кончу письмо, сяду еще списывать. Вот и весь мой нынешний день. Все прочие члены нашего общества, приблизительно, проводят время также. Все здоровы и дети тоже. Серёжина хрипота всё не проходит. Ты велел писать подробнее, вот тебе всё до мельчайших подробностей. Ты мне только завещал не сердиться; ну так на этот счет будь покоен, я в самом ровном, спокойном, но грустном без тебя расположении духа. Как будто нарочно, без тебя стараешься быть лучше. А это не нарочно, а просто так, занята мыслью, что тебя нет, что как ты, и где, и благополучен ли, и скоро ли приедешь, что всё другое почти не трогает и не может волновать. — Ты бы, верно, если бы видел меня, сказал, как всегда говоришь, с особенным ударением: «не объясняй, не объясняй». А мне тебе, милый мой Лёва, всё хочется и рассказывать и объяснять. Лёвочка, пиши мне подлиннее письма, если время будет; хоть несколько минут в день будет счастливых, и с явным участием тебя. А то так

пусто, одиноко. Серёжа нынче всё на твой портрет глядел и с такой радостью и веселым лицом указывал на него и говорил: «папа». Он мне еще милее стал за то, что только у нас с ним ровная, и искренняя, и настоящая к тебе любовь. Едва его никто не учил любить тебя, и, стало быть, чувствует. Он ужасно мил; только нынче опять кричал ужасно, и, верно, просто от каприза. Это жалко. Скажешь: «сама избаловала». Что делать. А девочка меня нынче просто била за то, что я у ней ягодку крыжовника отняла. Её кто же избаловал? И успеть-то еще нельзя было, такая маленькая. Лизанька удивляется, что я тебе могу так много писать; если бы она прочла, какие я тебе пишу пустяки, она бы надо мной смеялась стала, а мне не хочется оторваться от письма к тебе. Я так мало думаю о том, как и что писать тебе. — Таня всё поет, она очень в голосе, и очень оживлена, так что поет и трогает. Можно ее, кажется, заставить забыть старое, я так замечаю, но может быть и ошибаюсь. Лёвочка, голубчик милый, мне ужасно хочется в эту минуту видеть тебя, и опять в Никольском вместе пить чай под окопечками, и сбегать пешком в Александровку и опять жить нашей милой жизнью дома. Прощай, душенька, милый, крепко тебя цалую. Пиши и береги себя, это мое завещание.

Твоя Соня.

Старшая дочь тебя цалует, племянницы тоже и Машенька говорит «и от меня!» Это они непременно велели написать. Они с аппетитом уничтожают за ужином картошки. И вся.

Пришла в свою одинокую комнатку в бане запечатывать письмо и ложиться спать, и такая тоска, и одиночество, и страх. Верно тебе в половину не так страшно за меня, как мне за тебя.

не ожидала я себе такого счастья, милый мой Лёвочка, что ты пришлешь мне еще письмо. Имеется в виду письмо Толстого от 27 июля из Орла, в котором он писал: «Мне всё больше и больше становится скучно и грустно, и страшно[...]. Никогда мы перед разлукой не были так равнодушны, как этот раз, и потому мне всё об тебе щемит» (ПЖ, стр. 34).

нашёл ли Киреевского? От Новосильцовых через Орел Толстой поехал на охоту к Киреевскому в Шаблыкино Каравеевского уезда.

Мне очень Долохов нравится. С. А. Толстая переписывала текст, соответствующий первым главам 2 части I тома «Войны и мира» (по изд. 1886 г. и следующим), где описывается Долохов рядовым, подготовление к смотру полка, сцена с полковым командиром и разговор Кутузова с Долоховым.

Лизанька — Е. В. Толстая.

Александровка — Александровский хутор (Протасово тож), небольшое имение Толстого, примыкавшее к Никольскому-Вяземскому.

Племянницы — Варвара и Елизавета, дочери Марии Николаевны.

И вся — т. е. всё написала.

- Татищев Дмитрий Николаевич — 486.
 Татищев Николай Дмитриевич — 386.
 Татищев Сергей Сергеевич — 380.
 Татищева Анна Михайловна, рожд. Обухова — 386.
 Татищева Наталья Николаевна — 486.
 Татищева Нина Николаевна — 486.
 Татищевы — 385, 386.
 Татьяна — 765.
 Татьяна. См. Суворова Т. И.
 Татьяна Филипповна — VIII, 24, 26, 30, 34, 35, 71.
 Таубе Георгий Николаевич — 765, 766.
 Таубе Николай Эрнестович — 766.
 Таубе Софья Артуровна, рожд. Келлер — 765, 766.
 Темяшев Александр Алексеевич — 18.
 Терье Андре. См. Theuriet André.
 Тиблен Ольга Николаевна — 592, 593.
 Тилле — 10.
 Тимашев-Беринг Владимир Алексеевич — 401, 403.
 Тимирязев Климент Аркадьевич — 446.
 Тимофей. См. Фоканов Т. М.
 Тимрот Егор Александрович — 122.
 Тимрот Софья Павловна, рожд. Кругликова — 120.
 Тифлисские барышни — 387, 388.
 Тихомиров Лев Александрович — 465, 466.
 Тихонравов Николай Саввич — VII, 249, 250.
 Тихоцкий Виктор Александрович — 310.
 Толмачева Анна Леонидовна, рожд. Соболева — 750, 751.
 Толстая Александра Андреевна — 85—88, 95, 99, 130, 138—140, 148, 291—296, 339, 343, 380, 384, 412, 438, 488, 489, 492, 497, 505, 507, 544, 556, 661, 662, 763, 764.
 — Список произведений А. А. Толстой см. на стр. 87.
 Толстая Александра Владимировна, рожд. Глебова — 161, 516, 744, 756, 758.
 Толстая Александра Львовна — IX, XXIV, XXVI, 99, 251, 256—258, 262, 270—272, 274, 287, 291, 296, 303, 308, 326, 335, 339, 340, 351, 361, 364—366, 370, 387—391, 393, 397, 401, 409, 411, 415, 417, 424—428, 431, 433, 434, 436—440, 442, 444, 446, 448—451, 454, 457—462, 465, 468, 469, 471, 475, 478, 485, 487, 489, 491, 493, 498, 504, 505, 510, 512, 516, 518, 522, 526, 528, 530, 531, 536, 538, 542, 545, 549, 552—558, 562, 563—565, 567, 570, 575, 578, 584, 587, 589, 590, 598, 601, 613, 614, 623, 627, 628, 633—638, 641, 645, 648, 651, 654, 655, 657, 661, 663, 666, 668, 671, 672, 674, 676, 678, 682—684, 687, 696, 698, 701—703, 706, 707, 710—718, 726, 728—731, 733—738, 742, 743, 748—753, 755—757, 762, 768, 770, 771, 773, 774, 777, 779—781, 783, 784, 887, 791—796, 799, 800, 804.
 — «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого» — 258.
 — «Tolstois Flucht und Tod» — 258.
 — «Wanderer in Ketten» — XXVI, 258.
 Толстая Анна Цльинична, по первому мужу Хольмберг, по второму Попова (Анночка) — XXVI, 587, 588, 696, 704, 708, 733, 744, 748, 749, 751.
 Толстая Варвара Львовна — 139.
 Толстая Варвара Сергеевна — 97, 100, 351, 385, 401, 407, 537, 554, 584.
 Толстая Вера Сергеевна — 180, 183, 263, 264, 269, 272, 273, 278, 309, 351, 355, 356, 370, 371, 385, 386, 389, 390, 401, 405, 407, 408, 523, 524, 534, 537, 538, 564, 565, 584, 592, 593, 602, 625, 626, 682, 717.
 Толстая Дора Федоровна, рожд. Вестерлунд — 88, 645, 646, 648, 649, 654, 656, 657, 669—672, 676, 678, 683, 685—687, 690, 691, 695, 696, 701, 703, 713, 725, 738, 741, 742, 756.
 Толстая Евдокия Максимовна, рожд. Тугаева — 87.
 Толстая Екатерина Васильевна, рожд. Горянникова, по первому мужу Арцимович — 145, 710, 782.
 Толстая Мария Андреевна. См. Ваулина М. А.
 Толстая Мария Константиновна, рожд. Рачинская — 10, 393, 394, 530, 601, 602, 610, 613—616, 621, 638, 641, 642, 645, 656—658, 709, 711.
 Толстая Мария Львовна. См. Ободенская М. Л.
 Толстая Мария Михайловна, рожд. Шишкина — 12, 38, 401, 584.

- Список произведений Л. Л. Толстого см. также на стр. 88.
- Толстой Лев Львович (1898—1900) — 738, 741.
- Толстой Лев Николаевич.
 - «Азбука» — 28, 76, 139, 264, 291, 293, 301, 322, 327, 371, 439, 511.
 - «Анна Каренина» — IX, 69, 76, 100, 108, 113, 138—140, 190, 464, 558, 561, 567; (Анна) — 69, 139; (Весловский Васенька) — 464; (Вронский) — 139; (Ганна) — 69; (Долли) — 108; (Каренин) — 76; (Каренины) — 190; (Картасовы) — 139; (Китти) — 113, 464; (Левин) — 464, 616; (Облонский Стива) — 136.
 - «Власть тьмы» — 373, 374, 377—380, 385, 386, 388, 413, 622—628, 632; (Аким) — 625, 626, 632; (Акулина) — 378; (Анисья) — 622, 628; (Анютка) — 632; (Митрич) — 388, 632; (Никита) — 380, 632.
 - «Военные рассказы» — 322.
 - «Война и мир» («Все хорошо, что хорошо кончается») — X, 11—13, 15, 24, 25, 28, 32, 36, 53—55, 59, 60, 63, 64—66, 68, 69—73, 76, 77, 79, 88, 95, 139, 161, 190, 213, 543, 561, 567, 573, 656, 722; (Болконская Лиза) — 31, 567; (Болконская Марья) — 31, 32, 567; (Болконский, вн. Андрей) — 13, 31, 567; (Болконский, старый князь) — 31, 32, 567; (Вера Ростова) — X, 77; (Денисов Василий) — 72, 73; (Долохов) — 59, 60; (Дубецкой) — X; (Дядюшка) — 24; (Курагин Анатоль) — 15; (Кутузов) — 63; (Мак) — 63, 64; (Наташа Ростова) — X, 11, 13, 15, 722; (Платон Карапаев) — 215, 722; (Ростов Николай — Nicolas) — 72, 73; (Ростова, мать) — X; (Ростовы) — 567.
 - «Воскресенье» — 76, 161, 626, 633, 636, 638, 645, 714, 731; (Маслова) — 634; (Рагожинский) — 76.
 - «Воспоминания детства» — 12, 14, 26.
 - «Восстановление ада». См. «Разрушение ада и восстановление его».
 - «Все хорошо, что хорошо кончается». См. «Война и мир».
 - «В чем моя вера» («Записки моей жизни 1881 г.») — 158, 194, 224, 226, 231, 236, 237, 244, 246, 251, 253, 292, 298, 316, 321, 329, 333; («Ma religion») — 321.
 - «В чем счастье» — 367.
 - «Где любовь, там и бог» — 369.
 - «Два старика» — 315, 316, 328, 332, 333, 335.
 - «Двенадцатый том полного собрания сочинений (Произведения последних годов)». 1885 г. — 327, 333, 339, 348, 349, 351, 362, 363.
 - «Декабристы» — IX, 161, 284, 332, 333.
 - «Детство, отрочество, юность» — VII, XVIII, 13, 19, 27, 51, 73, 88, 296, 305, 306, 308, 567, 623, 626, 722, 782; (Володя) — 13; (Гаша) — 51; (Иртеньев) — 73; (Карз Иванович) — 722; (Любочка) — 19; (Нехлюдов) — 73.
 - «Для чего люди одурманиваются» — 444, 489.
 - «Дневники» — 3, 11, 27, 77, 248, 441, 452, 618, 626, 634, 682, 691, 693, 697, 748, 785, 787, 791, 792, 794—796, 802, 804, 805.
 - «Живой труп» — 533.
 - «Закон и государство» — 317, 322.
 - «Записки сумасшедшего» — 90.
 - «Зерно с куриное яйцо» — 362.
 - «Исповедь» («Вступление к нена печатанному сочинению») — 132, 191, 198, 210, 213, 316, 329, 332, 333, 336.
 - «История лошади». См. «Холстомер».
 - «История матери» — 714—715.
 - «Исхитрилась». См. «Плоды просвещения».
 - «Казаки» — 32, 168, 333.
 - «Как чертенок краюшку упра» — 361, 362.
 - «Календарь с пословицами на 1887 г.» — 376, 383, 397, 398.
 - «Кающщийся грешник» — 362.
 - «Книги для чтения» — 28, 291, 301, 322, 327, 340, 343, 371, 403, 438, 511, 571.
 - «Книги для славянского чтения» — 438, 439.
 - «Краткое изложение Евангелия» — 210.
 - «Крейцерова соната» — VII, 11, 440, 441, 444, 489, 616.
 - «Крестник» — 362, 369.
 - «Критика догматического богословия» (Церковь и государство) — 316, 321—323.
 - «Круг чтения» — 161, 252, 756.
 - «Кто прав» — 461, 463, 470.
 - «Лето в деревне» — 110.

- «Много ли человеку земли нужно» — 361, 362.
- «Набег» — VII.
- «Не-делание» — 568, 586.
- «Не могу молчать» — 778.
- «Николай Палкин» — 411, 412, 764.
- «О голоде» — 449, 450, 455, 457— 460, 489—494, 549.
- «О жизни» — VIII, XVII, 391, 392, 396, 397, 402, 403, 409, 410, 416, 521, 595.
- «О переписи в Москве» — 195.
- «Об искусстве» — 433.
- «Патриотизм и правительство» — 764.
- «Первая ступень» — 522, 523.
- «Письмо к либералам» — 650.
- «Плоды просвещения» — 161, 191, 436, 458, 474—476, 489, 544, 549, 552, 622, 771, 772; (Барин) — 474; (Барыня) — 474, 476; (Вово) — 474, 476; (Григорий) — 474, 476; (Звездинцев) — 191; (Коко Клинген) — 474, 476; (Мужики) — 474, 476; (Петрищев) — 474, 476; (Професор) — 474, 476; (Сахатов) — 161; (Таня) — 474, 476.
- «Поликушка» — 32, 67; (Егор Михайлович) — 67.
- «Полное академическое собрание сочинений Л. Н. Толстого» (юбилейное издание) — 14, 248, 395, 441, 662, 731.
- «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого» (четвертое) — 291, 321; (пятое) — 325, 328, 365; (седьмое) — 379, 383; (девятое) — 557, 574, 576; (десятое) — 667; (двенадцатое) — VII, 244, 782, 792.
- «Послесловие к «Крейцеровой сонате» — 489.
- «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого» — 258.
- «Почтовый ящик» — 189.
- «Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова» — 558.
- «Предисловие к критическому очерку Карпентера» — 658, 694, 695.
- «Приближение конца» — 650, 764.
- «Работник Емельян и пустой барабан» — 366, 367.
- «Разрушение ада и восстановление его» — 790.
- «Роман времен Петра» — IX, 161.
- «Свечка» — 369.
- «Семейное счастье» — 14, 32, 567.
- «Сказка о том, как другая девочка Варенька скоро выросла большая» — 28.
- «Сказка об Иване дураке и его двух братьях» — 339, 347, 348, 363, 370; (Иван дурак) — 369, 371.
- «Смерть Ивана Ильича» — 76, 326—328, 451, 541; (Иван Ильич) — 76; (Герасим) — 541.
- «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий» — 316, 322, 323.
- «Солдат». См. «Работник Емельян и пустой барабан».
- «Солдатская памятка» — 764.
- «Старики». См. «Два старика».
- «Страшный вопрос» — 456—458, 462, 463, 465, 467.
- «Так что же нам делать?» («Мысли, вызванные переписью»). — 174, 316, 335, 337, 339, 348—350, 366, 368.
- «Тринадцатый том полного собрания сочинений» — 442, 444, 446, 447.
- «Тысяча восемьсот пятый год» (см. также «Война и мир») — 28, 32.
- «Утро помещика» — 110.
- «Хаджи Мурат» — 161, 688, 701.
- «Ходите в свете, пока есть свет» («Повесть о Юлии») — 384, 489.
- «Хозяин и работник» — 601.
- «Холстомер» — 326, 332, 333, 335.
- «Христианское учение» — 650.
- «Христианство и патриотизм» — 581.
- «Царствие божие внутри вас» — 531, 533, 576, 585, 698, 701.
- «Чем люди живы» — 175, 294, 296, 313, 361, 367.
- «Чертенок с краюшкой». См. «Как чертенок краюшку украл».
- «Что такое искусство» — 392, 551, 671, 672, 682, 687, 688—690, 693, 729.
- «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник» М. — Л. 1928 — 145, 445, 778.
- «Лев Толстой и В. В. Стасов». Переписка 1878—1906 гг. — 161.
- «Лев Толстой и голод», сборник — 490, 506, 507, 509.
- «Лев Толстой», прокламации — 504.
- «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой» (ПТ) — XXVII, 87, 99, 130, 139, 196, 412.

- «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым» (ПС) — XXVII, 191.
- «Письма Л. Н. Толстого», собр. и ред. П. А. Сергеенко (ПТС) — XXVII, 95, 395.
- «Письма Толстого и к Толстому» — 482.
- «Толстой и Ге. Переписка» — 582.
- «Толстой и о Толстом». Новые материалы (ТТ) — XXVII, 139, 530.
- «Толстой и Тургенев. Переписка» — 58, 161, 198.
- «Толстой. Памятники жизни и творчества» (ТП) — XXVII, 258.
- Толстой Михаил Ильич — 558, 561, 587, 588, 635, 696, 703, 704, 706, 708, 733.
- Толстой Михаил Львович — 159—161, 167, 172, 173, 176, 177, 179, 183, 187, 190, 194, 199, 202, 205, 208, 209, 211, 213—217, 225, 226, 228, 232—235, 237, 238, 247, 248, 250, 255, 256, 265—267, 270, 272, 274, 278, 283, 285, 287, 291, 296, 301, 303, 305, 307, 309, 311, 313, 314, 326, 330, 332, 335, 339, 340, 345, 350, 353, 356, 358, 361, 364—365, 368, 370—373, 375, 377, 378, 383, 387, 391, 393—395, 397, 401, 403, 406, 408, 409, 411, 414—417, 424—429, 431—433, 436—440, 442, 444—448, 450—452, 454, 457—461, 471, 475, 477, 481, 484, 485, 488, 489, 491, 493, 498, 505, 515—518, 522, 526, 528, 530, 535—538, 542, 544, 546, 550, 552—556, 558, 561, 563—565, 568—575, 578, 581, 584, 589, 590, 592—594, 596—598, 601—603, 606, 613, 615, 621—623, 625, 626, 628—630, 632, 633, 635, 644—643, 645—648, 651, 653—658, 661—663, 668, 670, 673—676, 678, 681, 684—687, 691, 695, 697, 698, 701—703, 705, 708—718, 721, 725, 727, 731—733, 736—738, 744, 756, 758, 801, 803.
- Толстой Николай Валерьевич — 92, 93, 104, 106, 120, 131, 132, 134, 313.
- Толстой Николай Ильич (1795—1837) — 14, 585.
- Толстой Николай Ильич (1891—1893) — 448, 449.
- Толстой Николай Львович — 128, 129.
- Толстой Николай Николаевич — 18, 114, 116, 168.
- «Охота на Кавказе» — 168.
- Толстой Павел Львович — 741.
- Толстой Петр Львович — 95, 129, 130, 610.
- Толстой Сергей Львович — XV, XXII, XXVIII, 6—18, 20, 23, 24, 26, 30—32, 34, 35, 39, 43, 45—48, 50—57, 60, 63—72, 74, 75, 82, 85, 86, 89, 91, 93, 94, 96, 103, 107, 109—115, 117—122, 127, 128, 130, 133—135, 138, 144, 146—154, 156, 158—160, 166—169, 172, 174—177, 179, 183, 185—188, 190, 192—194, 196, 198, 199, 201, 202, 205, 207, 208, 210—212, 214, 216—218, 224—231, 235, 237, 239, 242—253, 255—257, 262, 263, 265—267, 269—272, 274—277, 283, 286, 287, 289, 291, 296, 301, 303, 305, 307, 309, 311, 325—327, 330—332, 334, 335, 339, 351, 352, 363, 365, 366, 368, 370, 373, 378, 379, 386, 387, 389, 391—395, 397, 401, 404, 406—408, 411, 413, 416—418, 420, 426, 429, 433, 435, 436, 443, 444, 449, 455, 456—460, 473, 474, 476, 478, 487, 516, 529, 536, 538, 546, 547, 553—555, 575, 587—591, 596, 604, 610, 614, 615, 621, 635, 636, 638, 641, 642, 645, 658, 662, 669, 671, 672, 687, 691, 694, 696, 698, 701—703, 707, 709—711, 713—715, 718, 728, 732, 733, 742, 744, 748—752, 755, 757, 758, 762, 765, 768, 769, 771, 781, 786, 787, 796, 799, 801, 803, 805.
- Список произведений С. Л. Толстого см. на стр. 10.
- Толстой Сергей Николаевич — 7, 9, 12—16, 18, 19, 23, 25, 28—30, 32, 35, 36, 47, 49, 50, 52, 82, 97, 100, 119, 134, 137, 139, 159, 160, 167, 168, 180, 183, 185, 186—189, 201, 238—240, 246, 251, 252, 254, 257, 265, 267, 269, 270, 272, 274—278, 283, 289, 301—303, 305, 309—311, 333, 334, 351, 355, 356, 370, 383, 384, 408, 457, 459, 460, 462, 523, 538, 544, 546, 583, 591, 696, 756.
- Толстой Сергей Сергеевич — 709, 710, 744, 765, 781.
- Толстой Федор Иванович — 87, 136.
- Толстой Федор Петрович — 458.
- Толстой Юрий Сергеевич — 45.
- Толстые — 253, 262, 306, 309, 333, 334, 349, 387, 389, 391, 401, 402, 552, 554, 582, 583, 589, 591.
- Толстые («неизвестные») — 247, 251.
- Томаса приказчик — 17.
- Торби София Николаевна, рожд. Меренберг — 443, 444.

- Трегубов Иван Михайлович — 612.
 Трейтер Надежда Эрнестовна. См.
 Эрасси Н. Э.
 Трепов Дмитрий Федорович — 675,
 765.
 Трепов Федор Федорович — 151.
 Трепова София Сергеевна, рожд.
 Блохина — 675.
 Треповы — 674, 675.
 Трескин Владимир Владимирович —
 323, 325, 326, 328, 353, 363, 364,
 387, 605.
 Третьяков Павел Михайлович — 194,
 233, 234, 265, 364.
 Трифоновна. См. Иванова С. Т.
 Трубецкая Александра Владимировна,
 рожд. Оболенская — 290,
 721, 728.
 Трубецкая Прасковья Владимировна,
 рожд. Оболенская — 290.
 Трубецкая София Алексеевна, рожд.
 Лопухина — 477, 482.
 Трубецкие — 555.
 Трубецкой Евгений Николаевич —
 482, 737.
 Трубецкой Николай Иванович — 88.
 Трубецкой Павел Петрович (Пао-
 ло) — 727, 752.
 Трубецкой Петр Николаевич — 721,
 728.
 Трубецкой Сергей Николаевич —
 482, 692, 693, 758, 761.
 — «Публицистические статьи» —
 761.
 Трубецкой Сергей Петрович — 753.
 Тузов И. Л. — 767.
 Тургенев Алексей Николаевич —
 755, 756.
 Тургенев Иван Сергеевич — IX, X,
 18, 26, 48, 57, 58, 160, 161, 197,
 198, 230—233, 235, 503, 506, 756.
 — «Ася» — X.
 — «Первое собрание писем И. С.
 Тургенева» — 283, 284, 506.
 — «Рудин» — 65, 66.
 — «Фауст» — 58.
 — «Часы» — 219, 220.
 — «И. С. Тургенев в воспомина-
 ниях современников и его пись-
 мах» — X.
 Тургенева Варвара Петровна — X,
 26.
 Тургенева Татьяна Алексеевна —
 756.
 Туркин Николай Васильевич — 681.
 Турчанинова Е. Д. — 476.
 Тучков Николай Павлович — 93, 116,
 130, 733.
 Тучкова Екатерина Дмитриевна —
 649.
 Тучковы — 647, 649.
 Тютчев Федор Иванович — 96.
 Уваров Алексей Сергеевич — 177,
 178.
 Уваров Федор Алексеевич — 390.
 Уварова Екатерина Алексеевна —
 177.
 Уварова Прасковья Алексеевна —
 177.
 Уварова Прасковья Сергеевна, рожд.
 Щербатова — 177, 178.
 Уваровы — 177, 178.
 Урусов Леонид Дмитриевич — XII,
 157—160, 180, 192, 199, 209, 210,
 214, 215, 219, 223—226, 230, 242,
 244, 246, 253, 271, 272, 285—288,
 293, 294, 302, 304, 306, 307, 309,
 311, 321, 327, 361, 362.
 Урусов Семен Никитич — 95.
 Урусов Сергей Леонидович — 361,
 362.
 Урусов Сергей Семенович — 93—96,
 193, 194, 255, 257, 265, 267—271,
 278, 280, 351, 377, 378, 397, 404,
 408, 428—435, 437—439, 442, 690.
 Урусова, рожд. фон-Маркшиц — 95.
 Урусова Александра Петровна,
 рожд. Нарышкина — 225.
 Урусова Варвара Дмитриевна — 245,
 246, 346, 347.
 — «Чарльс Кингслей» — 346.
 — «Ралф Уалдо Эмерсон» — 346.
 Урусова Мария Сергеевна, рожд.
 Мальцева — 158.
 Урусовы — 315.
 Усов Павел Александрович — 509,
 511, 518.
 Усов Павел Сергеевич — 743, 744,
 762, 770.
 Успенский Александр Афанасьевич — 701—702.
 Усталая — псевдоним С. А. Толстой.
 См. Толстая С. А.
 Ухтомский Эспер Эсперович — 681,
 682, 694, 695, 718.
 «Учение 12 апостолов» — VIII.
 Ушаков Сергей Петрович — 160.
 Фаддеевна. См. Авдотья Фаддеевна.
 Файнерман Исаак Борисович —
 XXIII, 334, 335, 355, 369, 379, 380,
 383, 389, 393—396, 398, 405.
 Файнерман Эсфири, по второму
 мужу Варшавская — XXII, 355,
 369, 379, 380, 383, 395, 396, 405.

- Федоров Николай Федорович — 749, 750.
 Федот. См. Орехов Ф. Т.
 Федотов — 648.
 Федотов Александр Александрович — 586, 632.
 Федотова Гликерия Николаевна — 474, 476, 586, 632.
 Федька. См. Фоканов Федор Карпович.
 Фейербах Людвиг — 4.
 Фейнерман. См. Файннерман И. Б.
 Фельтен Николай Евгеньевич — 764.
 Феодор, племянник Епишки — 167, 168.
 Феодор — 239, 240.
 Феокритова Варвара Михайловна — 773, 779, 780, 783.
 Феоктистов Евгений Михайлович — 318, 319, 337—340, 346—348, 377, 379, 380, 385, 386.
 Ферре Александр или Николай Юльевич — 531, 533.
 Ферре Анна или Надежда Юльевна — 531, 533.
 Ферре Василий Юльевич — 531, 533.
 Феррейн — 394, 511.
 Фет Афанасий Афанасьевич — XVII, 11, 17—20, 23, 24, 36, 93 — 96, 153, 155, 174, 185, 186, 229, 306, 310, 311, 435, 445, 448, 455, 477, 512, 536—538, 545, 547, 549 — 551, 553, 618.
 — «И вот портрет» — 20.
 — «Когда стопой слегка усталой» — 20.
 — «Когда так нежно расточала» — 20.
 — «Мои воспоминания» — 19.
 — «Опять» — 11.
 — «Пора, — по влаге кругосветной» — 20.
 — «Светил нам день» — 553.
 — «Я не у вас, я обделен» — 20.
 Фет Мария Петровна, рожд. Боткина — 19, 435, 477, 478, 482, 512, 536, 561.
 Фигнер Вера Николаевна. «Полное собрание сочинений» — 522.
 Фигнер Николай Николаевич — 530—532.
 Фидлер Александр Александрович — 391.
 Фидлер Иван Иванович — 765, 766.
 Филатов Нил Федорович — 458, 459, 461, 547, 610, 611.
 Филипп. См. Егоров Ф. Р.
 Филиппов — 701.
 Филипс Анна. См. Phillips Annie.
 «Философия и психология». См. «Вопросы философии и психологии».
 Философов Владимир Николаевич (Вака) — 468, 470, 477, 537, 756.
 Философов Николай Алексеевич — 386, 402, 440, 474, 561, 565, 566, 572, 573.
 Философова Александра Николаевна — 541, 622.
 Философова Валентина Дмитриевна — 371.
 Философова Наталия Николаевна. См. Ден. Н. Н.
 Философова Софья Алексеевна, рожд. Писарева — 386, 397, 402, 440, 442, 460, 462, 474, 475, 485, 494, 497, 501, 511, 512, 537, 541, 558.
 Философова Софья Николаевна. См. Толстая С. Н.
 Философовы — 385, 404, 463, 643.
 Филька — 551.
 Фишбахер — 158.
 Фишер С. — 317.
 Флёрэв Федор Григорьевич — 469, 516, 578, 583, 584, 592, 593, 595, 596.
 Фоканов Евдоким Родионович — 210.
 Фоканов Тимофей Михайлович — 24.
 Фоканов Федор Карпович — 183, 184.
 Фоканова Марфа Евдокимовна — 209, 210, 216.
 Фокановы — 280.
 Фольхерт (Вольхерт) — 526.
 Фомич. См. Крюков М. Ф.
 Фонвизин Д. «Недоросль» — 661, 662.
 Фонвизин С. И. — 652.
 Фонвизина Вера Петровна — 652.
 Фон-Глен Альфред Эдмундович — 685.
 Фохт Николай Богданович — 189, 190.
 Фраккова Ирина Федоровна, рожд. Шентякова — 261, 264.
 Франциск Ассизский — XX, 591.
 Франциск Сальский — 366, 367.
 Фрейдиграт Фердинанд — 496.
 Фридман Екатерина Николаевна, рожд. Кашевская — 195, 253, 262, 266, 487, 623, 654, 655.
 Фридманы — 487, 655.
 Фукс Елена Михайловна, рожд. Кузминская — 296, 297, 337, 338.
 Фукс Эдуард Яковлевич — 296, 297.
 Фуксы — 298, 345.

- Халевинская Мария Михайловна —** 601, 602.
Ханна. См. Тарсей Х. Е.
Хессин Александр Борисович — 755.
Хилков Александр Иванович — 393.
Хилков Дмитрий Александрович — 393, 394, 517, 521.
Хилкова Прасковья Дмитриевна — 393.
Хилкова Юлия Петровна, рожд. Джунковская — 393.
Хириаков Александр Модестович — 635.
Хитрово Мария Константиновна — 408.
Хитрово Софья Петровна, рожд. Бахметева — 190, 191.
Ховрина Елизавета Леонидовна — 277, 278, 305, 306.
Ховрина Лидия Леонидовна — 277, 278.
Хомяков — 495.
Хомяков Алексей Степанович — 160.
Хомяков Дмитрий Алексеевич — 160, 190, 191.
Хомякова Анна Сергеевна. См. Бреверн-Делагарди А. С.
Христианович Петр Иванович — 738.
Хульда, нянька — 756.
- Цабель Евгений —** 210.
«Царь Максимилиан и непокорный сын Адольф», пьеса — 635, 636.
Цветаев Иван Владимирович — 749.
Цветков Яков Васильевич — 13, 25, 28, 30, 32.
«Церковные ведомости», газета — VIII.
Цертелева Елизавета Андреевна (псевд. — Лавровская) — 715, 716.
Цингер Александр Васильевич — 533, 630, 791.
Цингер Александра Ивановна, рожд. Гаевская — 470.
Цингер Василий Яковлевич — 470, 533, 792.
Цингер Иван Васильевич — 469, 470, 533, 610.
Цингер Николай Васильевич — 533.
Цион. См. Суон.
Цицерон Марк Туллий — 658.
Цуриков Александр Александрович — 558, 561, 575, 713, 771, 772.
Цурикова Вера Романовна, рожд. Миллер — 703, 704.
Цявловский М. А. «Как писался роман «Война и мир» — 27.
- Чайковский Николай Васильевич —** 146.
Чайковский Петр Ильич — 582, 583, 644.
— «Евгений Онегин» — 583.
— «Пиковая дама» — 654.
— «5-я симфония» — 643, 644.
— «Трио» — 714, 754.
Челпанов Георгий Иванович — 510.
Черневский Сергей Антипович — 627, 629.
Черняева Мария Владимировна. См. Козлова М. В.
Чертков Владимир Владимирович — 777, 778.
Чертков Владимир Григорьевич — VIII, XXII, 247—249, 258, 286, 289, 295, 296, 304—306, 311, 315, 322—324, 350—353, 355, 361, 363, 369, 379, 380, 401, 403, 408, 409, 503, 506, 513, 518, 524, 525, 591—593, 667—670, 689, 693, 715, 770, 778, 783—789, 792—795, 799, 800, 803, 804.
— «Уход Толстого» — 248.
Черткова Анна Константиновна, рожд. Дитерихс (Гала) — 368, 369, 408, 592, 593, 778, 780.
Черткова Екатерина Павловна — 467.
Черткова Елизавета Ивановна, рожд. Чернышева-Кругликова — XXII, 248.
Чертковы — 423, 777, 780, 783.
Чехов Антон Павлович — 136, 590.
— «Мужики» — 674.
— «Черный монах» — 589, 590.
Чиж Михаил Ильич — 256, 263, 267, 271, 283, 285, 286, 289, 307, 322, 544.
Чижов Федор Васильевич — 110, 113.
Чирков Василий Васильевич — 192, 193, 206, 239, 240, 293, 723, 724.
Чистяков Матвей Николаевич — 471, 472, 477, 504, 513.
Чичерин Борис Николаевич — 478, 482.
Чулков Николай Петрович — XXVIII.
Шаляпин Федор Иванович — 744, 749, 758, 761.
Шарапова Павла Николаевна — 584, 585.
Шатилов Иосиф Николаевич — 38, 47.
Шаховская-Глебова-Стрешнева Евгения Федоровна — 676, 677.

- Шаховской Дмитрий Иванович — 295, 296, 523, 524.
 Швабе — 428, 429.
 Шекспир Вильям — 78, 216, 384, 423, 551.
 — «Антоний и Клеопатра» — 550, 551.
 — «Гамлет» — 671.
 — «Генрих IV» — 671.
 — «Отелло» — 78.
 — «Сон в летнюю ночь» — 420, 423.
 — «Юлий Цезарь» — 745, 746; (Брут) — 746.
 Шенбруинер — 573.
 Шентяков Павел Федорович — 134, 135.
 Шентяков Петр Павлович — 175.
 Шереметев Сергей Дмитриевич — 130, 542, 543.
 Шереметева Елена Григорьевна, рожд. Строганова — 491, 492, 496, 507.
 Шереметевы — 708.
 Шидловская Вера Александровна, рожд. Иславина, по первому мужу Кузминская — 4, 76, 92, 98, 100, 140, 143, 291, 292, 298, 337, 338, 340, 377, 378, 393, 396, 411, 415, 555, 571, 572, 596, 601, 647, 689, 745, 753, 765.
 Шидловская Вера Вячеславовна, См. Мещеринова В. В.
 Шидловская Вера Николаевна, рожд. Милорадович — 254.
 Шидловская Мария Вячеславовна. См. Свербеева М. В.
 Шидловская Надежда Вячеславовна. См. Литвинова Н. В.
 Шидловская Ольга Вячеславовна. См. Северцова О. В.
 Шидловские — 295, 296, 367, 379, 383, 385, 389, 407, 409, 414, 436, 440, 663.
 Шидловский Борис Вячеславович — 227—229, 254, 689.
 Шидловский Всеволод Вячеславович — 90, 92, 190, 191, 311, 312.
 Шидловский Вячеслав Иванович — 92.
 Шидловский Юрий Вячеславович — 140, 143, 387.
 Шиловский Константин Степанович (псевд. — Лошивский) — 476.
 Шинтиков. См. Шентяков.
 Шишкин Иван Иванович — 403, 404.
 Шмигар Сигизмунд Адамович — 7, 8, 14.
 Шмидт Владимир Александрович — 308.
 Шмидт Мария Александровна — 307, 308, 315, 316, 322, 420, 423, 425, 426, 568, 583, 585, 586, 631, 634, 664, 685, 686, 697, 712, 741, 746, 791, 792, 800.
 Шопен. См. Chopin.
 Шостак Анатолий Львович. См. Исленьев-Шостак А. Л.
 Шостак Екатерина Николаевна, рожд. Исленьева — 15, 291, 294, 340, 344—346.
 Шостак Лев Антонович — 15.
 Шохор-Троцкий Константин Семенович — XXVIII.
 — «Сютаев и Бондырев» — 174.
 Шпир Африкан Александрович — 657, 658, 661, 665, 678.
 — «Очерки критической философии» — 658, 681.
 Шредер Рихард Иванович — 535, 536.
 Штакельберг Эдуард Иванович — 615, 616.
 Шуберт Франц-Петер — 49, 51, 643, 772.
 — «Неоконченная симфония h-moll» — 644.
 Шувалов Павел Андреевич — 343, 380.
 Шувалов Павел Павлович — 563.
 Шувалова Александра Илларионовна, рожд. Воронцова-Дашкова — 563.
 Шувалова Елена Ивановна, рожд. Черткова, по первому мужу Орлова-Денисова — 343.
 Шуваловы — 339.
 Шугаев Яков Петрович — 561, 562.
 Шуман Роберт — 27, 772.
 Шумский Сергей Васильевич — 308.
 Шураев Василий Федорович — 216, 218.
 Шураев Иван Осипович — 800, 802.
 Шураев Федор Андреевич — 218.
 Щеглов — 648.
 Щегловитов Иван Григорьевич — 732.
 Щедрин. См. Салтыков-Щедрин.
 Щелкан Елизавета Алексеевна, рожд. Маклакова — 627, 744.
 Щепкин Митрофан Павлович — 193, 194, 230, 231, 301, 302, 364, 365.
 Щербатов Александр Алексеевич — 543.

- Щербатов Николай Сергеевич — 747—751.
 Щербатова Мария Николаевна — 749, 750.
 Щербатова Мария Павловна, рожд. Муханова — 423, 429, 542, 543.
 Щербатова Софья Александровна, рожд. Апраксина — 749, 750.
- Эдуард VII (принц Уэльский) — 607, 609.
 Эйхенбаум Борис Михайлович — 77, 95.
 — «Лев Толстой» — 77, 95, 327.
 Экар Жан «Notre dame de l'amour» — 638.
 Элпидин Михаил Константинович — 367, 581.
 Эльмира Леонардовна — 526.
 Эмили. См. Tabor Emilie.
 Энгельгардт Александр Николаевич — 210.
 Эпиктет — 158.
 Эрасси Владимир Иванович — 398.
 Эрасси Надежда Эрнестовна, рожд. Трейтер — 397, 398.
 Эрдели Иван Иванович — 534, 621, 622.
 Эрдели Иван Егорович — 128, 447, 487, 529, 534, 537, 621, 622.
 Эрдели Мария Александровна, рожд. Кузминская — 121, 122, 127—129, 134, 151, 166—168, 215, 216, 226, 229, 291, 292, 296, 339, 340, 344, 345, 363, 433, 447, 487, 529, 534, 621, 622, 723, 724.
 Эристова Чатти (Матрона) Дмитриевна. См. Писарева П. Д.
 Эртель Александр Иванович — 504, 506.
- Южин Александр Иванович — 748,
 — «Дженльтмен» — 729.
 «Южное обозрение», газета — 246.
 «Южный край», газета — 338.
- Adam m-me. См. Ламбер Жюльета.
 Aicard J. «Notre dame de l'amour» — 638.
 Allen miss — 237, 238.
 Amiel. См. Амиель Анри.
 Annie. См. Phillips A.
 «Atlantic», журнал — 521.
 Aubert m-lle. См. Обер.
- Baudelaire Charles — 550, 551.
 — «Fleurs du mal» — 550, 551, 682.
- Юнге — 758.
 Юнге Екатерина Федоровна, рожд. Толстая — 457, 458, 491, 561, 577, 587, 633, 638, 664, 758.
 Юнге Эдуард Андреевич — 576, 577.
 Юрасова Юлия Афанасьевна — 765, 766.
- Юргенс Анна Карловна, рожд. Зенгер (Анеточка) — 7, 13.
 Юрков Василий Петрович — 371.
 Юрьев Сергей Андреевич — 230, 231, 270, 271, 420.
 Юрьева — 420.
- Юшкова Пелагея Ильинишна — 8, 15, 87, 91, 97, 98, 103, 104, 110, 114, 119, 122, 127, 128, 541.
- Яги Александр Николаевич — 229, 401, 403.
 Языков Василий Александрович — 568.
 Языков Петр Александрович — 568.
 Языкова Софья Васильевна, рожд. Гантц — 568.
 Языковы — 568.
 Яков — 53.
 Яков. См. Цветков Я. В.
 Яковлев — 641.
 Яковлев В. «С. И. Танеев. Его музыкальная жизнь» — 616, 622.
 Якушкич В. Е. «Рукопись комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» — 751.
 Янжул Иван Иванович — 436.
 Янихен — 5.
 Янихен Серафима Матвеевна, рожд. Мусина-Пушкина — 5.
 Янихен Федор Иванович — 5.
 Яничин Иван Васильевич — 295.
 Ярошенко Николай Александрович — 404, 405.
 — «Портрет Плещеева» — 404, 405.
 — «Портрет Салтыкова-Щедрина» — 404, 405.
 «Ясная Поляна», журнал — 77.
- «Petites poèmes en prose» — 551.
 «Bibliothèque rose» — 543.
 Boétie Etienne, de la — 251, 252, 254.
 — «De la servitude volontaire ou le contr'un» — 252.
 Borel m-r — 451, 459, 462, 471, 477, 478, 487, 515, 518.
 Brandt m-lle. См. Брандт С. Ф.
- Carriem iss — 168, 170, 183, 191, 192, 199, 200, 202, 213.

- Cassirer und Danziger, издательство в Берлине — 321.
- Cherbulier V. «Le roman d'une honnête femme» — 97, 100.
- Chopin Fridrich — 370, 371, 552, 731, 772.
- «Баллада» — 669, 718.
- «Баркаролла» — 677.
- Crosby Ernest — 594—596, 711.
- Cyon «Le pessimiste russe Léon Tolstoï» — 215.
- D. miss — 351, 356, 357.
- «Daily Chronicle», газета — 586.
- «Daily Telegraph», газета — 489, 492, 507.
- Davitt 757, 758.
- Dickens Charles — 550.
- Dillon E. J. См. Дилон Э. М.
- Dumas fils Alexandre — 241—243, 482.
- «Dame aux camélias» — 478.
- Fewson miss — 383, 387, 388.
- «Figaro», газета — 574, 576.
- François de Sales — 366, 367.
- Gachet м-lle — 136, 146, 149, 150.
- Gautier. См. Готье.
- Gibson miss — 315, 326, 330, 338, 391, 406, 409, 414.
- Guillod м-lle — 166.
- Hapgood Isabel Florence — 517, 521, 542, 544.
- Hélène. См. Денисенко Е. С.
- Kate miss — 420, 423, 434—436.
- Lake miss — 243, 244, 254, 255, 266, 271, 287, 292, 296.
- Lambert м-р — 417, 420, 424, 425, 436, 438, 446.
- Liddia miss. См. Лидия.
- Mackarthy miss — 614—616, 663.
- Martha miss — 373, 374, 376.
- Maupassan, Gui de. См. Мопассан.
- «Une vie» — 241, 242.
- «Mille et une nuit» — 220.
- Moccand м-р — 526, 527.
- Montaigne Michel — 251, 252.
- «Essais» — 252.
- N. «Дочь управляющего» — 50, 52.
- Nief м-р (comte Montels, Jules) — 66, 144, 146, 151, 154.
- Nohl. «Beethovens Leben» — 685.
- «Nouvelle revue», журнал, 210, 215, 218.
- Parson — 566.
- Phillips Annie — 132, 134, 146, 565, 566.
- «Revue de famille», журнал — 568.
- «Revue des deux mondes», журнал — 97, 100, 115, 175, 413.
- «Revue des études slaves», журнал — 574.
- Rey m-r — 66, 133, 135, 146.
- «Russian Review», журнал — 255.
- Salomon Charles Alphonse — IX, 573, 574, 581, 752, 792.
- «Les derniers jours de Tolstoï» — IX.
- «Selection», сборник — 367.
- Sénèque. «Œuvres complètes» — 199.
- Seuron Alcide — 209, 210, 212, 214—216, 219, 223, 225, 228, 229, 232, 233, 243, 255, 303, 318, 321, 326, 332, 338, 355, 361, 364, 377, 379, 385, 408, 414.
- Seuron Anna — 209, 210, 212, 214, 223, 225, 232, 233, 236, 241, 243, 247, 249, 255, 256, 266, 269, 279, 280, 283, 288, 289, 291—293, 296, 301, 303, 305, 310, 318, 337, 338, 351, 358, 373, 376, 383, 389, 391, 397, 408, 415.
- «Graf Leo Tolstoï» — 210.
- Spir. См. Шпир А.
- Steveni William Barnes. См. Стевени В. Б.
- Tabor Emilie — 183.
- Tastevin René-Prosper. См. Тастевэн Э.
- «Temps», газета — 513.
- Theuriet André. «Reine des bois» — 447, 449.
- Tolstaja S. «Les derniers jours de Tolstoï» — IX, 249.
- Tolstoy Leo.
- «Briefe an seine Frau». Herausgegeben v. D. Umansky — 26.
- «De la vie — seule traduction revue et corrigée par l'auteur» — VIII.
- «Ma religion» — 317, 321.
- «Pages inédites de Leon Tolstoï» — 210.

- Villot G. — 568.
- «Die Waffen nieder», журнал — 582, 585.
- «Die Welt», газета — 471.
- Wood Henry (Вуд Генри) — 86, 87, 128, 212, 213.
— «East Lynne» — 87.
- Wood Henry (Вуд Генри) — «My Feathered friends» — 87.
— «Orville College» — 212, 213.
— «Oswald Gray» — 87.
— «The Red Court Farm» — 87.
- Zola Emile «Docteur Pascal» — 585, 586.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Л. Н. и С. А. Толстые в саду. С фотографии 1903 г.	
<i>Собственность А. И. Толстой. Воспроизводится впервые</i>	VI—VII
Л. Н. Толстой. С фотографии 1862 г. Гос. Толстовский музей в Москве	XXVIII—1
<i>Письмо Е. А., С. А., А. А. и Т. А. Берсов к Л. Н. Толстому от 28 августа 1862 г. Гос. Толстовский музей в Москве. Воспроизводится впервые</i>	4—5
С. А. Толстая. С фотографии 1863 г. Гос. Толстовский музей в Москве	21
Липовая аллея в старинной части парка Ясной Поляны, прилегающей к дому («Клины»). С фотографии. Гос. Толстовский музей в Москве. Воспроизводится впервые	41
Л. А. Берс с сыном В. А. Берсом. С фотографии 1870-х гг. Гос. Толстовский музей в Москве. Воспроизводится впервые	61
А. Е. Берс. С фотографии конца 1860-х гг. Гос. Толстовский музей в Москве. Воспроизводится впервые	72—73
Средний пруд Яснополянского парка. С фотографии. Гос. Толстовский музей в Москве	83
С. А. Толстая. С фотографии 1871 г. Музей-усадьба Ясная Поляна. Воспроизводится впервые	101
Е. А. Берс. С фотографии 1870-х гг. Гос. Толстовский музей в Москве	123
Страница третьей копии четвертой редакции романа «Анна Каренина», переписанной рукой С. А. Толстой с поправками Л. Н. Толстого (5-я часть, конец 23 и начало 24 главы). Всесоюзная публичная библиотека им. Ленина в Москве. Воспроизводится впервые	132—133
Л. Н. Толстой, с фотографии конца 70-х гг. Гос. Толстовский музей в Москве	136—137
Группа друзей и родных Л. Н. Толстого за самоваром. Сидят слева направо: С. Р. Дьякова, М. Д. Дьякова, Д. А. Дьяков. Стоят слева направо: В. В. Толстая (Нагорнова), Е. В. Оболенская, Л. Д. Оболенский. С фотографии 1871—1872 гг. Собственность А. И. Толстой. Воспроизводится впервые	141
Дом Толстых в Ясной Поляне до перестройки в 1894 г. С фотографии 1871 г. Музей-усадьба Ясная Поляна. Впервые воспроизводимый вариант	163
Дом Толстых в Хамовническом переулке в Москве. С фотографии. Гос. Толстовский музей в Москве	181
Зал в Хамовническом доме Толстых в Москве. С фотографии. Гос. Толстовский музей в Москве. Воспроизводится впервые	203

Л. Н. Толстой в семейной группе. Сидят слева направо: Т. Л., С. А., Л. Н., М. Л. и Л. Л. Толстые. Стоят слева направо: В. В. Шилловская, М. А. Кузминская. С фотографии 1884 г. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i>	221
С. А. Толстая. С фотографии 1885 г. <i>Гос. Толстовский музей</i>	259
Надпись С. А. Толстой на обороте фотографии 1885 г. «На этот портрет написано стихотворение Фета — «И вот портрет и схоже и не схоже». <i>Гос. Толстовский музей в Москве</i>	260
С. А. Толстая и А. А. Фет. С фотографии 1886—1887 гг. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i> . Воспроизводится впервые	281
Л. Н. и С. А. Толстые. С фотографии 1887 г. <i>Гос. Толстовский Музей в Москве</i> . Воспроизводится впервые	299
Нижний кабинет Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. С фотографии. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i> . Воспроизводится впервые	319
С. А. Толстая и сестра ее Т. А. Кузминская. С фотографии 1890 г. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i> . Воспроизводится впервые	341
Т. Л. и М. Л. Толстые. С фотографии 1895 г. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i> . Воспроизводится впервые	359
Л. Н. Толстой в своем кабинете в Хамовническом доме. С фотографии 1898 г. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i>	381
Гостиная и часть зала яснополянского дома. С фотографий. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i>	399
С. А. Толстая с детьми. Слева направо: Андрей, Михаил, Александр и Ванечка (на руках у С. А.) С фотографии 1891—1892 г. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i>	421
Уголок зала хамовнического дома Толстых в Москве. С фотографии. <i>Гос. Толстовский музей в Москве</i> . Воспроизводится впервые	456—457
С. А. Толстая. С фотографии 1896 г. <i>Гос. Толстовский музей в Москве</i>	464—465
Л. Н. Толстой со своими сотрудниками на голоде в Рязанской губернии в 1893 г. Слева направо: Г. И. Раевский, П. И. Бирюков, П. И. Раевский, А. М. Новиков, Л. Н. Толстой, И. И. Раевский (сын), Т. Л. Толстая, над ней стоит А. В. Цингер. <i>Гос. Толстовский музей в Москве</i> . С фотографии. Впервые воспроизводимый вариант	479
Л. Н. Толстой в саду на скамейке. С фотографии 1900 г. <i>Собственность А. И. Толстой</i> . Воспроизводится впервые	499
Группа Толстых с друзьями. Сидят слева направо: М. Л. Толстая, Т. Л. Толстая, К. Н. Игумнов. Стоят слева направо: С. А. Толстая, С. И. Танеев. С фотографии 1896 г. <i>Музей- усадьба Ясная Поляна</i> . Воспроизводится впервые	519
С. А. Толстая за рисованием. С фотографии 1900-х гг. <i>Гос. Толстовский музей в Москве</i> . Воспроизводится впервые	539
С. А. Толстая в кругу своей семьи. Сидят слева направо: Т. Л. Сухотина, М. Л. Оболенская, С. Н. Толстая, Илюша, Андрюша, Миша Ильичи, И. Л. Толстой, С. А. Толстая, А. В. Толстая. Стоят слева направо: М. С. Сухотин, Н. Л. Оболенский, А. Л. Толстая, А. Н. Дунаев, Ю. И. Игумнова, О. К. Толстая, русская учительница детей И. Л. Толстого, С. Л. Толстой, М. Л. Оболенская, m-Pe Richon — француженка детей И. Л. Толстого, В. Н. Нагорнов, А. И. Толстая, А. Б. Гольденвейзер, М. Л. Толстой, Н. Н. Ге, мисс Вельш. С фотографии 1901 г. <i>Собственность А. И. Толстой</i> . Воспроизводится впервые	559
Л. Н. и С. А. Толстые. С фотографии 1901 г. <i>Музей-усадьба Ясная Поляна</i>	579

Л. Н. Толстой с группой друзей и родных в день своего 75-летия 28 августа 1903 г. С фотографии. Гос. Толстовский музей в Москве. Верхний ряд: Ю. И. Игумнова, Н. Л. Оболенский, В. А. Кузминская, П. А. Буланже, А. Б. Гольденвейзер, И. И. Горбунов-Посадов, сотрудник «Русского слова» Орлов, Л. Л. Толстой, С. Л. Толстой, А. Л. Толстая, Т. Л. Сухотина, А. И. Толстая, П. А. Сергеенко. Средний ряд: В. И. Сидоркова, Е. С. Денисенко, О. К. Толстая с дочерью Соней, С. А. Толстая, Л. Н. Толстой, М. Л. Оболенская. Д. Ф. Толстая, С. Т. Семенов. Нижний ряд: Д. В. Никитин, М. М. Сухотин, М. Л. Толстой, О. Денисенко, И. Л. Толстой, А. Л. Толстой, А. А. Берс	599
С. А. Толстая, внучка ее Т. Сухотина и М. А. Шмидт. С фотографии 1906 г. Собственность А. И. Толстой. Воспроизводится впервые	619
С. А. Толстая и И. Е. Репин в саду. С фотографии 1907 г. Гос. Толстовский музей в Москве. Воспроизводится впервые	639
Л. Н. и С. А. Толстые. С фотографии 1907 г. Собственность А. И. Толстой. Воспроизводится впервые	659
Л. Н. Толстой с внучкой Т. Сухотиной. С фотографии 1908 г. Музей-усадьба Ясная Поляна. Воспроизводится впервые	679
С. А. Толстая на скамейке в «елочках». С фотографии 1900 г. Музей-усадьба Ясная Поляна. Воспроизводится впервые	699
С. А. Толстая в своей комнате в Ясной Поляне. С фотографии 1908 г. Музей-усадьба Ясная Поляна. Воспроизводится впервые	719
Л. Н. и С. А. Толстые в Яснополянском кабинете. С фотографии 1908—1909 г. Музей-усадьба Ясная Поляна. Воспроизводится впервые	739
С. А. Толстая у цветов. С фотографии 1910 г. Музей-усадьба Ясная Поляна. Воспроизводится впервые	759
Л. Н. и С. А. Толстые на станции в Крекшине. С фотографии 1910 г. Гос. Толстовский музей в Москве	768—769
Л. Н. и С. А. Толстые с последней фотографии, снятой 23 сентября 1910 г. за месяц до ухода Толстого из дома. Музей-усадьба Ясная Поляна. Впервые воспроизводимый вариант .	775
Черновик письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому от 14 октября 1910 г. Собственность А. И. Толстой. Воспроизводится впервые	792—793
Страницы из дневника Л. Н. Толстого от 30 и 31 июля 1910 г. с записями о жене и В. Г. Черткове. Всесоюзная публ. библиотека им. Ленина в Москве. Воспроизводится впервые	797
С. А. Толстая у могилы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. С фотографии 1910-х гг. Музей-усадьба Ясная Поляна. Воспроизводится впервые	808—809

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. Попов.— С. А. Толстая и ее письма</i>	<i>VII</i>
<i>От редакции</i>	<i>XXV</i>

Письма

1862

<i>1. Августа 28</i>	<i>3</i>
--------------------------------	----------

1864

<i>2. Апреля 23</i>	<i>6</i>
<i>3. Августа 10</i>	<i>15</i>
<i>4. " 11</i>	<i>20</i>
<i>5. Ноября 22</i>	<i>24</i>
<i>6. " 25</i>	<i>28</i>
<i>7. " 26</i>	<i>32</i>
<i>8. " 30</i>	<i>33</i>
<i>9. Декабря 3</i>	<i>39</i>
<i>10. " 5</i>	<i>44</i>
<i>11. " 7</i>	<i>49</i>
<i>12. " 9</i>	<i>52</i>

1865

<i>13. Июля 27</i>	<i>55</i>
<i>14. " 28</i>	<i>56</i>
<i>15. " 29</i>	<i>58</i>
<i>16. " 31</i>	<i>63</i>

1866

<i>17. Ноября 11</i>	<i>65</i>
<i>18. " 12</i>	<i>67</i>
<i>19. " 14</i>	<i>69</i>

1867

<i>20. Марта 21</i>	<i>72</i>
<i>21. Июня 17</i>	<i>74</i>
<i>22. " 20</i>	<i>78</i>
<i>23. Ноября 6</i>	<i>79</i>
<i>24. " 8</i>	<i>81</i>
<i>25. Декабря 3</i>	<i>—</i>

1869

<i>26. Сентября 4</i>	<i>85</i>
---------------------------------	-----------

1871

27.	Июня 10	89
28.	» 13	90
29.	» 17 — 18	93
30.	» 21	96
31.	» 28	100
32.	» 30	106
33.	Июля 1	108
34.	» 4 — 7	110
35.	» 10	114
36.	» 19	116
37.	» 20	119
38.	» 22	120
39.	» 27	122

1874

40.	Августа 2	127
41.	» 6	129

1876

42.	Сентября 4	131
43.	» 7	132
44.	» 30 или октября 1	135

1877

45.	Января 15	137
46.	» 16	140

1878

47.	Марта 5	144
48.	» 6	147
49.	» 7	148
50.	» 8	149
51.	Июня 13	150
52.	» 15	152
53.	» 18	153
54.	Декабря 7	155

1880

55.	Август 28	157
-----	---------------------	-----

1881

56.	Июня 12	159
57.	Июля 2	162
58.	» 3	165
59.	» 27	166
60.	Августа 6	168
61.	» 26	170

1882

62.	Февраля 3	172
63.	» 4	174
64.	» 6	175
65—66.	» 6	177
67.	» 7	179
68.	Марта 2	180
69.	» 2	184
70.	» 3	—

71.	Марта 5	186
72.	" 5—6	188
73.	Апреля 8	189
74.	" 11	191
75.	Мая 18	193
76.	Августа 14	195
77.	Сентября 11	196
78.	" 12	197
79.	" 15	198
80.	" 16	200
81.	" 17	202
82.	" 28	205
83.	" 30	206
84.	Октября 4	208

1883

85.	Мая 29	209
86.	Июня 2	211
87.	" 4	213
88.	" 5	215
89.	" 7	—
90.	" 12	219
91.	" 15—16	220
92.	" 19	224
93.	" 21	226
94.	" 25	228
95.	Сентября 28	230
96.	" 29	232
97.	" 30	233
98.	Октября 1	235
99.	" 2	236
100.	" 3	237
101.	Ноября 10	239
102.	" 12	240
103.	" 14	242

1884

104.	Января 28	245
105.	" 30	246
106.	" 31	249
107.	Февраля 1	251
108.	" 3	252
109.	" 5	253
110.	Октября 21	254
111.	" 23	256
112.	" 25	261
113.	" 26	264
114.	" 27	267
115.	" 28	269
116.	" 29	270
117.	" 30	272
118.	" 31	274
119.	Декабря 7	276
120.	" 8	277
121.	" 9	278
122.	" 10	280
123.	" 11	285

124.	Декабря	12	287
125.	"	13	288
1885			
126.	Февраля	20	291
127.	"	21	293
128.	"	22	295
129.	"	23	296
130.	"	24	297
131.	Марта	9	301
132.	"	10	303
133.	"	11	305
134.	"	13	306
135.	"	14	308
136.	"	15	310
137.	Апрель		312
138.	Августа	16	313
139.	"	17	314
140.	"	18	317
141.	"	20	321
142.	"	21	323
143.	Октября	13	325
144.	"	17	327
145.	"	19	329
146.	"	20	330
147.	"	21	331
148.	"	22	332
149.	"	23	333
150.	"	24	334
151.	"	26	335
152.	"	28	336
153.	"	30	—
154.	Ноября	19	337
155.	"	20	—
156.	"	21	338
157.	"	23	339
158.	"	24	343
159.	"	25	345
160.	"	26	346
161.	"	27	348
162.	Декабря	19	349
163.	"	22	350
164.	"	23	352
165.	"	24	354
166.	"	26	356

1886

167.	Апреля	5	358
168.	"	7	361
169.	"	8	363
170.	"	9	—
171.	"	29	364
172.	Мая	2	366
173.	"	4	367
174.	"	5	369
175.	"	7	371
176.	Ноября	9	373
177.	"	11	374

1887

178.	Января 3—4	377
179.	» 5	378
180.	» 6	379
181.	» 10	380
182.	» 12	384
183.	Апреля 3	386
184.	» 4	388
185.	» 10	391
186.	» 11	392
187.	» 12	395
188.	» 13	396
189.	» 14	398
190.	» 15	403
191.	» 16	405
192.	» 26	406
193.	» 27	407
194.	Октября 22	409

1888

195.	Апреля 18	411
196.	» 19	412
197.	» 20	414
198.	» 23	415
199.	» 29	416
200.	Мая 1	418
201.	» 4	420
202.	» 9	423
203.	» 11	425

1889

204.	Марта 24	428
205.	» 26	429
206.	» 28	431
207.	» 31	433
208.	Апреля 3—4	434
209.	» 6	435
210.	Мая 5—6	437
211.	» 7	438
212.	» 9	439
213.	Октября 29	440

1891

214.	Января 28—29	442
215.	Марта 29	443
216.	Мая 6	444
217.	» 7	445
218.	Сентября 9	446
219.	Октября 23	447
220.	» 25	449
221.	» 26	450
222.	» 28	452
223.	Ноября 1	454
224.	» 4	456
225.	» 6	458
226.	» 8	460
227.	» 8	461

1892

243.	Февраля 4	488
244.	" 6	490
245.	" 8	491
246.	" 10	492
247.	" 11	494
248.	" 16	496
249.	" 18	502
250.	" 19—22	503
251.	Марта 1	507
252.	" 2	509
253.	" 5	—
254.	" 7	511
255.	" 10	512
256.	" 12	513
257.	Апреля 16	—
258.	" 18	514
259.	" 21—23	—
260.	" 28	517
261.	" 29	521
262.	" 30	523
263.	Мая 14	—
264.	Июня 4	526
265.	" 8	527
266.	Июля 17	528
267.	" 18	530
268.	" 20	531
269.	" 23	533
270.	" 25	—
271.	" 26	534
272.	Сентября 21	535
273.	Октября 21	536
274.	" 27	538
275.	Ноября 1	541
276.	" 3	543
277.	" 8	546
278.	" 9	548
279.	" 10	549
280.	" 11	—
281.	" 14	551

1893

282.	Января 31	553
283.	Февраля 2	554
284.	" 7	555
285.	" 8	556
286.	" 11	557
287.	" 17	561
288.	" 18	562
289.	" 21	564
290.	" 23	565
291.	" 25	566
292.	Июля 14	567
293.	Сентября 10	568
294.	" 12	570
295.	" 14	572
296.	" 16	574
297.	" 19	576
298.	Октября 23	577
299.	" 25	582
300.	" 31	583
301.	Ноября 2	586

1894

302.	Января 23	587
303.	" 31	588
304.	Февраля 2	590
305.	Марта 26	591
306.	Апреля 30	593
307.	Мая 11	594
308.	" 12	596
309.	" 13	597
310.	Сентября 11	598
311.	" 21	602
312.	Октября 27	603
313.	" 28	605
314.	" 31	606

1895

315.	Января 6	610
316.	" 9	612
317.	Апреля 26	—
318.	Мая 21	614
319.	Октября 12	617
320.	" 17—18	621
321.	" 24	622
322.	" 26	623
323.	" 28	625
324.	" 29	—
325.	" 31	627
326.	Ноября 4	629
327.	" 7	631
328.	" 8	633
329.	" 9	634
330.	Декабря 29	635

1896

331.	Февраля 26	637
332.	" 28	641
333.	Марта 1	642
334.	" 5	644
335.	Сентября 4—5	646
336.	" 6	647
337.	" 9	649
338.	" 9—10	650
339.	" 13	651
340.	" 16	652
341.	" 24	653
342.	Октября 15	—
343.	" 23	655
344.	" 25	656
345.	" 27 или 28	658
346.	Ноября 13	662

1897

347.	Февраля 16	666
348.	" 18	667
349.	" 22	669
350.	" 24	671
351.	Марта 2	673
352.	Мая 3	674
353.	" 4	675
354.	" 6	676
355.	" 14	677
356.	Августа 26	678
357.	" 27	681
358.	Октября 7	—
359.	" 21	682
360.	Ноября 10	684
361.	" 15	685
362.	" 18	687
363.	" 19	688
364.	" 21	690
365.	" 25	—
366.	Декабря 1	691
367.	" 3	692

1898

368.	Марта 20	694
369.	Апреля 28	695
370.	" 29	696
371.	Мая 3	698
372.	" 9	701
373.	" 11	703
374.	" 25	705
375.	Июля 16	706
376.	Сентября 3	707
377.	" 21	709
378.	Октября 12	710
379.	" 21	711
380.	" 28	712
381.	" 31	713
382.	Ноября 9	714

383.	Ноября 17	716
384.	» 19	717
385.	» 20	718
386.	» 23	721
387.	Декабря 19—20	—
 1899		
388.	Февраля 9	723
389.	» 15	725
390.	Сентября 26	726
391.	Октября 24	728
392.	» 28	729
393.	Ноября 5—6	730
 1900		
394.	Апреля 13	732
395.	Июня 29	—
396.	Сентября 23	733
397.	Октября 22	734
398.	» 24	736
399.	» 27	737
400.	Декабря 26	738
401.	» 30	741
 1902		
402.	Апреля 22	743
403.	Ноября 15	—
 1903		
404.	Октября 8	745
 1904		
405.	Января 9	747
406.	» 10	748
407.	» 12	750
408.	Февраля 17	751
409.	» 19	753
410.	Марта 14	754
411.	Августа 17	755
 1905		
412.	Января 15	757
413.	» 19	—
414.	Апреля 7	761
415.	» 27	—
416.	Мая 10	762
 1906		
417.	Марта 14—15	763
418.	Мая 14	764
 1907		
419.	Апреля 6	767
420.	Декабря 12	768
 1908		
421.	Января 17—18	770
422.	Февраля 12	771

1909

423.	Июня 18	773
424.	» 20	774
425.	» 24	777
426.	» 25	778
427.	Сентября 5	779
428.	Декабря 13	781

1910

429.	Мая 4	782
430.	Июня 17	783
431.	» 18	784
432.	Июля 15	785
433.	» 24—25	789
434.	Августа 31	790
435.	Сентября 1	791
436.	» 2	792
437.	» 11	793
438.	Октября 14	794
439.	» 29	795
440.	» 30	799
441.	Ноября 1	802
442.	Октября 28 — Ноября 1	803
443.	Ноября 2	—

Указатель	807
Перечень иллюстраций	848

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
XI	3 сн.	Эта	Это
XII	17 "	Анреевна	Анреевна
12	27 св.	связанных Толстым	связанных с Толстым
17	1 сн.	Тетинька	«Тетинька
19	9 св.	графиня, а сидит	графиня сидит
26	28 "	père	père
103	22 сн.	чернилицу	чернильницу
212	15 "	расшевелить	расшевелить
213	23 св.	придержаться	придерживаться
215	6 "	несчастными). Картина	несчастными (картина
273	19 "	«поехал	«поехал
284	20 "	1835	1839
286	23 сн.	датировано 10	датировано 11
292	11 св.	и плоха	и плоха
292	9 сн.	Ермитаж	Эрмитаж
306	6 "	[Я. П.]	[Москва]
325	28 св.	фантазия [...]	фантазия...
331	1 "	перерабатываю	перерабатываю
390	14 сн.	моя	меня
413	5 "	Revue de deux	Revue des deux
442	8 св.	К этой	В этой
479	2 "	И. Н. Раевский	И. И. Раевский
504	1 сн.	бъ быть	бы быть
522	11 св.	вечера	вчера
559	2 "	Н. Л. Оболенская	М. Л. Оболенская
559	5 "	Richou	Richon
592	18 "	нашла	нашли
692	22 "	предоставлять	предоставляю
692	4 сн.	аргументы	аргументы
755	20 св.	1920	1918
между стр. 768 и 769	подпись под иллю- страцией	1910 года	1909 года
783	5 св.	ясполянский	яспополянский
795	13 "	свое сердце	свое горное сердце
812	2 столб. 21 сн.	Вогуэ	Вогюэ
824	2 столб. 16 сн.	Михайлъ	Михайло
845	2 столб. 2 сн.	Carriem iss	Carrie miss
851	13 сн.	1910 г.	1909 г.
855	20 "	Января 28	Января 29
857	16 "	Октября 29	Октября 25
862	1 "	848	849
На выходных сведе- ниях		Д. Х. Горбов	Д. А. Горбов

Редактор. Д. Х. Горбов. Художественная редакция М. П. Сокольников. Технический редактор Г. Гилес. Наблюдение на производстве К. Я. Шульц.

*

Сдана в набор 16.II. 1935 г.
Подпись к печ. 27.II. 1936 г.
Вышла в свет VII.1936 г. Тираж 5 300. Уполномоч. Главлиты
Б-12 007. Индекс А-2. Изд. № 194
Уч.-ав. л. 54. Бум. 62×94 в $\frac{1}{16}$.
Бум. лист. 26. Зак. № 1731.

*

Отпечатана в типографии им.
Володарского, Ленинград, Фон-
танка, 57.

Цена 15 Р. —
Переплет 3 Р. —

Сердце мое, я не могу
закончить письма, ибо
я не могу забыть о тебе.
Тебе однажды напоминала за
грозу или — пожалуй, из-
за какой-нибудь коротышки в зоне,
когда тебе драчает под сдаче-
нием этого злодейского — потому
что это, открою чрез сердце,
предбуди любовь и ложь, а не
любовь и другие послушки, а же
любовь ~~изъясняющего~~ ^{ко мне} сердество (но
никогда ~~своим~~ ^{ко мне} авторским ~~правом~~),
никогда не любовь, которую
тебя отдашь тебе без ~~и любовь~~
Если тебе винено, что этого
руководит сердце, тогда лучше
убежищивши умоля, как я горько
отхаживался от твоих подседаний
и твоих ~~подседаний~~ ^{указаний},
но если сердце умело, если в ~~указаниях~~ ^{указаниях} раб-
ства ~~нашего~~ ^{нашего} ~~указаний~~ ^{указаний} не
было ~~ничего~~ ^{ничего} ~~важного~~ ^{важного} в ~~указаниях~~ ^{указаниях} тво-
их, то ~~ты~~ ^{ты} можешь ~~запечатать~~ ^{запечатывать} эти пись-
мы ! Разбуди ~~моё~~ ^{моё} сердце, С. А. Толстой.